ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И НУМИЗМАТИКИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И НУМИЗМАТИКИ

ИА РАН

МОСКВА – 2024

УДК 902/904
ББК 63.4
В78

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Издание подготовлено в рамках плановой темы ИА РАН
«Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира
и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций»
(№ НИОКТР 122011200269-4)

Ответственные редакторы
П. Г. Гайдуков – член-корреспондент РАН
А. А. Малышев – кандидат исторических наук

Рецензенты
А. А. Масленников – доктор исторических наук
А. А. Кудрявцев – кандидат исторических наук

В78 **Восточная Европа в I тысячелетии н. э. по данным археологии и нумизматики** / Под ред. П. Г. Гайдукова, А. А. Малышева; Институт археологии РАН. – Москва: ИА РАН, 2024. – 220 с.

ISBN 978-5-94375-464-7
DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7

100-летие известного археолога и историка В. В. Кропоткина было отмечено проведением в Институте археологии РАН юбилейной конференции (Москва, 15–17 февраля 2022 г.). Предлагаемый сборник состоит из статей, подготовленных по материалам докладов, прозвучавших на конференции. Он включает статьи мемориального характера, а также работы, тесно связанные с основными научными направлениями исследований ученого: проблематикой эпохи Великого переселения народов, римской и византийской нумизматикой, а также вопросами распространения античных импортов в Восточной Европе. Сборник предназначен широкому кругу читателей, интересующихся историей археологической науки, историей и археологией Восточной Европы.

Ключевые слова: Отдел скифо-сарматской археологии, Отдел археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, научный архив, Кропоткин Владислав Всеволодович, история науки, археология, нумизматика, сфрагистика, хронология

УДК 902/904
ББК 63.4

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2024
© Авторы статей, 2024

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*П. Г. Гайдуков, А. А. Малышев*) 5

О В. В. Кропоткине и его научном наследии

Каменецкая Е. В., Кропоткина М. В. Биография и научное творчество Владислава Всеволодовича Кропоткина (1922–1993) 9
Батченко В. С., Горланов С. С., Малышев А. А. Личный фонд В. В. Кропоткина в научно-отраслевом архиве Института археологии РАН 26
Список научных трудов д. и. н. В. В. Кропоткина 35
Ворошилова О. М., Ворошилов А. Н. Некрополь Фанагории в исследованиях В. В. Кропоткина 43
Гурулева В. В. «Клады византийских монет на территории СССР» В. В. Кропоткина и современные проблемы регистрации и изучения находок монет Византии в Восточной Европе 58
Строков А. А. Международная научная конференция «Восточная Европа в I тысячелетии н. э. по данным археологии и нумизматики. К 100-летию со дня рождения д. и. н. В. В. Кропоткина» (15–17 февраля 2022 г., Москва) 73

Археология, нумизматика и сфрагистика

Ахмедов И. Р., Биркина Н. А. Сасанидская печать из Тамбовской губернии в собрании ГИМ 79
Бабиец А. И., Иванова О. Н. К вопросу о находках римских монет в Краснодарском крае 100
Гурулева В. В., Гайдуков П. Г., Язиков С. В. Клад золотых византийских монет X в., найденный в 2019 г. на Тамани 113
Гурулева В. В., Седов В. В. Медная монета XIV–XV вв. Балканского (?) круга, найденная в 2020 г. во время археологических раскопок в Переславле-Залесском 138
Красноперов А. А. Два иранских резных камня из Приуралья 148
Малышев А. А., Бабенко А. Н., Клемешов А. С., Смекалова Т. Н., Яворская Л. В. Археологические данные к исторической топографии северной части полуострова Абрау 164
Трейстер М. Ю. О некоторых римских бронзовых тазах из погребений кочевников Азиатской Сарматии 189

Список сокращений 213
Сведения об авторах 215

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРЕДИСЛОВИЕ

Известный российский археолог и историк, доктор исторических наук, заведующий Сектором скифо-сарматской археологии ИА АН СССР (РАН) Владислав Всеволодович Кропоткин – признанный специалист в области изучения проблем экономики раннего средневековья и культурного взаимодействия варварского мира с Римом и Византией. В основе его фундаментальных исследований своды римско-византийских импортов и нумизматических материалов восточноевропейского региона. В. В. Кропоткиным обобщены материалы многочисленных музейных коллекций, разрозненные известия в многочисленных публикациях – как научных, так и краеведческих. Отметим, что с годами творческое наследие ученого не только не устарело, но и приобрело еще большую научную ценность, так как многие материалы, обработанные автором, в наше время оказались утрачены.

Международное признание получила концепция В. В. Кропоткина об этнической принадлежности населения Юго-Восточной Европы позднеримского и раннесредневекового времени. Невзирая на идеологические запреты в советской науке, исследователь аргументированно идентифицировал носителей черняховской культуры с племенами готского союза и в деталях проследил проникновение черняховцев в Северное Причерноморье. В обширной тематике научных исследований ученого заметное место занимали актуальные проблемы истории средневековой Таврики, прежде всего этногенеза населения Юго-Западного Крыма.

15–17 февраля 2022 г. в стенах Института археологии была проведена Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения д. и. н. В. В. Кропоткина, на секциях которой прозвучали как тематические доклады, связанные с областью научных интересов ученого (римская и византийская нумизматика, проблема распространения античных импортов), так и сообщения, посвященные древностям Восточной Европе в I тысячелетии н. э. Работу научного форума в сборнике осветила подробная хроника конференции (*А. А. Строков*).

Блок научных статей – восемь материалов, связанных с докладами на конференции, – уже увидел свет на страницах КСИА РАН (Вып. 270). Вашему вниманию предлагается сборник, в котором половина материалов носит мемориальный характер. В связи с этим раздел так и озаглавлен: «О В. В. Кропоткине и его научном наследии». Его открывает статья представителей двух поколений семьи Кропоткиных, супруги и дочери ученого (Е. В. Каменецкая и М. В. Кропоткина). Фундаментальность и востребованность результатов исследований В. В. Кропоткина в области обращения в Восточной Европе византийских монет подчеркивает обобщающая статья В. В. Гурулевой. Творческий путь учено-

го был неразрывно связан с Институтом археологии. Об этом свидетельствуют материалы, посвященные обширному личному фонду В. В. Кропоткина в научно-отраслевом архиве ИА РАН (В. С. Батченко, С. С. Горланов, А. А. Малышев) и статья о полевых исследованиях ученого в Фанагории (О. М. Ворошилова, А. Н. Ворошилов).

Наиболее многочисленные материалы второго раздела «Археология, нумизматика и сфрагистика» связаны с публикацией нумизматических материалов римского (А. И. Бабиец, О. Н. Иванова) и византийского (В. В. Гурулева, П. Г. Гайдуков, С. В. Язиков; а также В. В. Гурулева и В. В. Седов) времени. Два исследования посвящены изучению находок образцов восточной глиптики в Приуралье (А. А. Красноперов) и на Тамбовщине (И. Р. Ахмедов, Н. А. Биркина). Кроме того, в статьях сборника рассмотрены римские импорты в погребальных комплексах кочевников Азиатской Сарматии (М. Ю. Трейстер) и результаты комплексных исследований археологических памятников на северных границах полуострова Абрау (А. А. Малышев, А. Н. Бабенко, А. С. Клемешов, Т. Н. Смекалова, Л. В. Яворская).

В редактировании книги приняли участие А. С. Клемешов, Н. А. Тюкавкина и А. И. Ершова, компьютерная верстка выполнена В. Б. Степановым, художественное оформление книги – Н. С. Сафроновой. Пользуясь случаем, коллектив авторов приносит глубокую благодарность всем названным лицам.

О В. В. КРОПОТКИНЕ
И ЕГО НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ

Е. В. Каменецкая, М. В. Кропоткина

БИОГРАФИЯ И НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА КРОПОТКИНА (1922–1993)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.9-25

Резюме. Статья посвящена 100-летию со дня рождения Владислава Всеволодовича Кропоткина – крупного российского ученого, археолога и нумизмата. Рассматривается его путь в науку в период от юности до защиты диплома в МГУ им. М. В. Ломоносова; учеба, прерванная Великой Отечественной войной; работа в Институте археологии после окончания университета и защита кандидатской и докторской диссертаций.

На протяжении всей жизни Владислав Всеволодович Кропоткин занимался нумизматикой, подготовив своды римских и византийских монет. Изучал памятники черняховской культуры и экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. В. В. Кропоткин проводил раскопки в Крыму и на территории различных областей Украины.

Ключевые слова: Владислав Всеволодович Кропоткин, Институт археологии, Великая Отечественная война, археология, нумизматика, римские и византийские монеты, черняховская культура

Владислав Всеволодович Кропоткин (рис. 1) родился 2 февраля 1922 г. в Рязани в семье Всеволода Николаевича Кропоткина и Надежды Николаевны Болдыревой.

Дед по отцовской линии – Николай Григорьевич Кропоткин (1843–1915) – окончил Московский Императорский университет в звании кандидата по юридическому факультету (рис. 2). Занимал различные должности в судебной системе России в Москве, Гродненской, Ковенской губерниях, работал в Рязанской контрольной палате. Был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. Эти сведения взяты из работы Игоря Жановича Рындина, обработавшего дела фонда Рязанского дворянского депутатского собрания и составившего родословные росписи (*Рындин*, 2009). На сохранившейся в семейном архиве фотографии – Н. Г. Кропоткин в кругу большой семьи (рис. 3).

Отец Владислава Всеволодовича – Всеволод Николаевич (5.08.1882 – 21.10.1937), лесной специалист Московско-Казанской железной дороги, занимался лесным хозяйством в Тифлисской губернии. В Москве работал экономистом по планированию «Трикотажпроекта» (рис. 4). Арестован и осужден тройкой НКВД 17 октября 1937 г. и расстрелян 21 октября 1937 г. В его деле, с которым Владислав Всеволодович ознакомился после реабилитации в 1989 г., была формулировка – «за контрреволюционную агитацию и антисемитские высказывания». Поводом для ареста послужил донос соседа по даче.

Мать – Надежда Николаевна Болдырева (18.03.1889–16.10.1982). Отец Надежды Николаевны – Николай Диомидович Болдырев (1850–1916) – был земским врачом в Златоусте, служил в различных ведомствах в Юрьеве (Дерпте),

Рис. 1. Владислав Всеволодович Кропоткин (1922–1993)

Рис. 2. Н. Г. Кропоткин (дед В. В. Кропоткина), из архива семьи Степановых, г. Рязань

Харькове, Санкт-Петербурге. Семья была большой – четверо сыновей и две дочери (рис. 5). Надежда Николаевна работала секретарем Мосгорздравотдела. Она вырастила двоих сыновей (старший брат – Александр Сергеевич Прорвич – от первого брака матери). По словам Владислава Всеволодовича, его мать очень любила музыку, играла на пианино (рис. 6).

В 1922 г. семья В. В. Кропоткина переехала из Рязани в Москву и поселилась в Гагаринском переулке в районе Арбата, здесь он провел детство и юность.

Родители разошлись в 1927 г., но отец поддерживал отношения с сыном. Владислав учился в 59-й школе им. Н. В. Гоголя (бывш. Медведниковская гимназия в Староконюшенном пер.). Об этом периоде жизни В. В. Кропоткина довольно много написал Николай Яковлевич Мерперт, с которым Владислав Всеволодович учился в одном классе, а впоследствии и работал в одном институте (рис. 7). Хочется отметить, что класс был дружным и встречался до начала 1990-х гг. (рис. 8). В изданных в 2011 г. мемуарах «Из прошлого: далекого и близкого» Николай Яковлевич пишет о прекрасном педагогическом составе, особенно отмечая учителя истории Дмитрия Николаевича Никифорова, который использовал на уроках литературные произведения и музыку – рассказывает о постановке «Антигоны» Софокла, в которой активно участвовал Владислав. Шефом школы был Музей изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Сотрудник античного отдела Владимир Дмитриевич Блаватский, в будущем выдающийся ученый-античник и коллега Кропоткина и Мерперта по работе в институте, помогал в подготовке постановки. Так что античная история рано

Рис. 3. Семья Н. Г. Кропоткина, деда В. В. Кропоткина

вошла в жизнь Владислава Всеволодовича. В школе был создан кружок юных историков, а вскоре в Москве открылся Центральный дом пионеров в районе Чистых прудов в пер. Стопани (ныне пер. Огородная Слобода) с секцией археологии, в которой начали заниматься юные Владислав и Николай (*Мерперт,* 2011. С. 27–28). Для Владислава, повредившего ногу при катании на сцепке трамвая, археология стала главным увлечением.

Первыми археологическими работами, в которых участвовал Владислав Всеволодович Кропоткин вместе с участниками секции Дома пионеров, стали раскопки курганов в лесном массиве у д. Пузиково в 1936 г. Руководил работами Борис Александрович Рыбаков – в то время сотрудник Государственного Исторического музея, будущий академик. Раскопали пять курганов с вятичскими погребениями и типичным для них инвентарем. Обсуждение проходило

Рис. 4. В. Н. Кропоткин, отец В. В. Кропоткина

Рис. 5. Семья Н. Д. Болдырева, деда В. В. Кропоткина.
Девочка в белом платье – Н. Н. Болдырева. Харьков. 26.09.1896 г.

Рис. 6. Н. Н. Болдырева,
мать В. В. Кропоткина

на конференции, в которой приняли участие А. В. Арциховский, В. Д. Блаватский, А. П. Смирнов. В 1937 г. раскопали еще два кургана (*Мерперт,* 2011. С. 29–31).

Б. А. Рыбаков присутствовал в жизни Владислава Всеволодовича до конца его дней как преподаватель кафедры археологии, коллега, директор Института археологии. Сохранились переписка, подаренные книги. И, несмотря на серьезные разногласия по «готской проблеме», у них всегда сохранялось взаимное уважение.

Интерес Владислава Всеволодовича к истории поддерживали его родные – в семье сохранились книги, подаренные Владиславу. На день рождения 2 февраля 1937 г. Всеволод Николаевич Кропоткин подарил сыну несколько томов «Истории России»

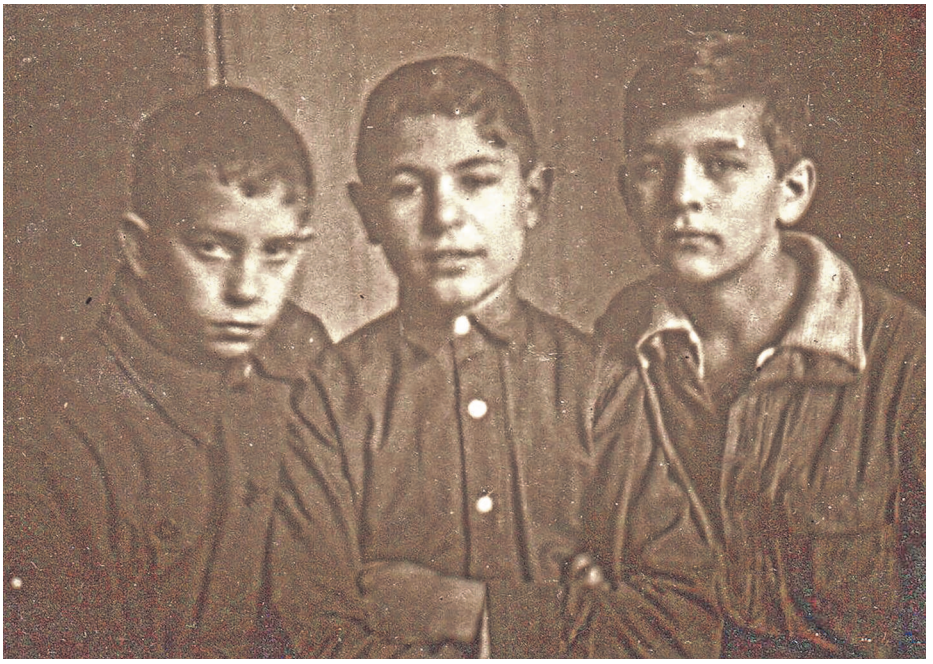


Рис. 7. Школьные годы: в центре – Н. Я. Мерперт, справа – В. В. Кропоткин

Рис. 8. Одноклассники В. В. Кропоткин и Н. Я. Мерперт (в первом ряду: второй – Владислав, третий – Николай, 1935 г.)

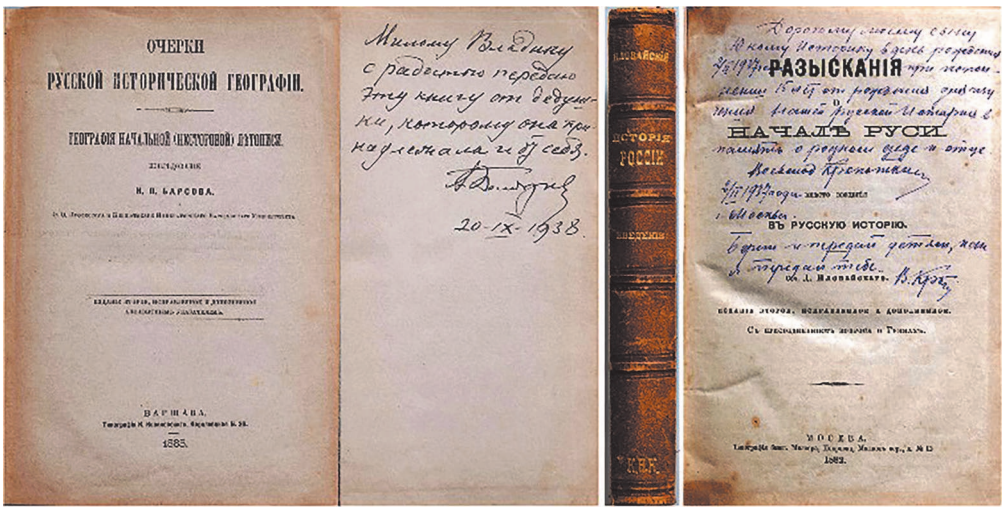


Рис. 9. Книги, подаренные В. В. Кропоткину отцом и дядей

Д. И. Иловайского. На книге «Разыскания о начале Руси» 1882 г. он оставил надпись: «Дорогому моему сыну юному историку в день рождения при исполнении 15 лет от рождения для изучения нашей русской истории в память о родном деде и отце. Береги и передай детям, как я передал тебе». На корешке книги суперэкслибрис: золотые буквы «КНК» – «князь Николай Кропоткин».

20 сентября 1938 г. датируется надпись на «Очерках русской исторической географии» Н. Барсова 1885 г., подаренных дядей по матери, Борисом Николаевичем Болдыревым: «Милому Владику с радостью передаю эту книгу от дедушки, которому она принадлежала, и от себя» (рис. 9).

В 1940 г. В. В. Кропоткин окончил школу и поступил на исторический факультет Московского университета (рис. 10). Об учебе на первом курсе можно прочитать в воспоминаниях однокурсницы Елены Николаевны Берковской (Сетницкой). С ней и ее супругом, художником Юлием Романовичем Берковским, Владислав Всеволодович дружил всю жизнь. В книге «Судьбы скрещенья» Е. Н. Берковская рассказывает о преподавателях истфака; пишет, что, кроме «необыкновенного увлечения» археологией, Владек (так называли его друзья) любил архитектуру, стихи и музыку. Часто ходил с друзьями на концерты в консерваторию, хорошо помнил поэзию А. Блока, знал Ш. Бодлера, П. Верлена. Посещал Музей новой западной живописи, особо интересуясь творчеством П. Гогена, Э. Мане, О. Родена (*Берковская,* 2008. С. 380–394).

В эти годы Владислав Всеволодович познакомился с Артемием Владимировичем Арциховским – профессором, заведующим кафедрой археологии, членом-корреспондентом Академии наук СССР (1960), одним из самых ярких ученых в отечественной археологии, который оказал большое влияние на Владислава Всеволодовича и на многих других своих учеников. Учеба в универ-

ситете в Москве была прервана войной. В октябре 1941 г. вместе с университетом Владислав Всеволодович переехал в Ашхабад, затем в 1942 г. в Свердловск. Из-за травмы ноги он не был мобилизован в начале войны и только в январе 1943 г. был призван в Красную армию. Служил в железнодорожной роте красноармейцем-путейцем. В 1944 г. Владиславу Всеволодовичу было присвоено звание ефрейтора. В красноармейской книжке перечисляются фронты, где проходила служба: Воронежский, Юго-Западный, 3-й Украинский, 3-й Белорусский, 1-й Прибалтийский, 2-й Белорусский, Северная группа войск, Группа Советских войск в Германии. Победу встретил в Берлине. Демобилизован только в июне 1946 г. (рис. 11). Был ранен. Награжден медалью «За взятие Кёнигсберга». В этом городе, Калининграде, он вновь побывал в начале 1980-х гг. для ознакомления с фондами музея.

Сохранилась переписка военных лет как с родными, так и с А. В. Арциховским (рис. 12). Письма Артемия Владимировича частично опубликованы, переданы в Институт археологии (*Каменецкая,* 2004. С. 17–22). Интересно отметить, что А. В. Арциховский (заведующий кафедрой!) пишет студенту о своей научной работе, кафедре, факультете и т. д. Владислав Всеволодович, всегда много читавший, скучает о книгах. Это звучит и в письмах брату, А. С. Прорвичу. Посылку с книгами Владиславу Всеволодовичу отправляет Б. А. Рыбаков в июне 1945 г., о чем сообщает в письме (материалы семейного архива).

После демобилизации В. В. Кропоткин был восстановлен на истфаке, который окончил в 1950 г., защитив диплом

Рис. 10. В. В. Кропоткин в юности. 10.02.1939 г.

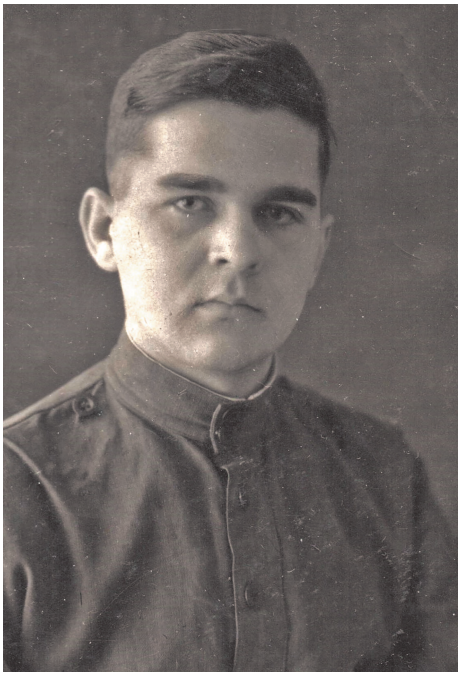
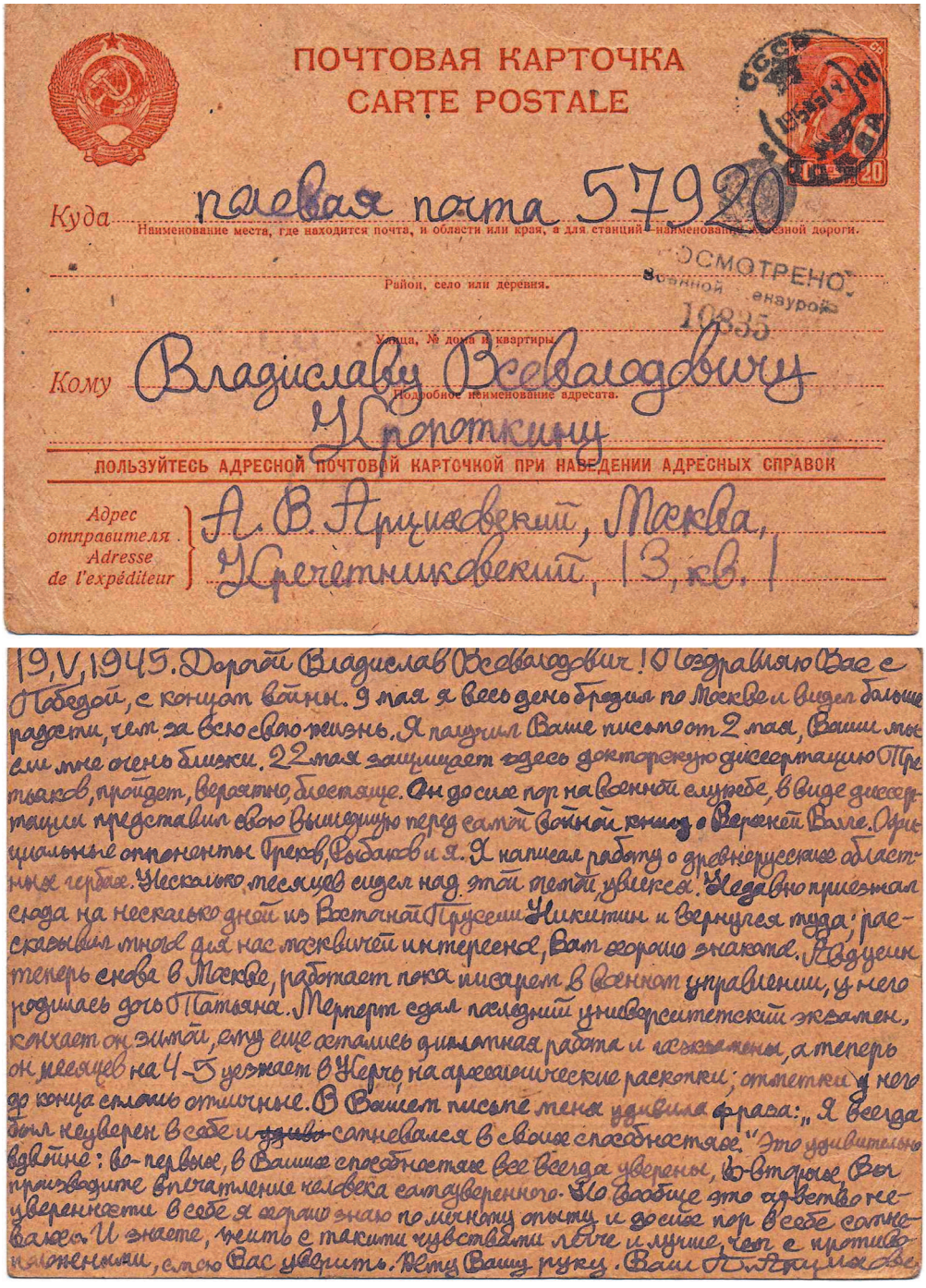


Рис. 11. В. В. Кропоткин после демобилизации, 1946 г.



ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА
CARTE POSTALE

Куда полевая почта 57920
Наименование места, где находится почта, и области или края, а для станций — наименование железной дороги.

Район, село или деревня.

ОСМОТРЕНО
военной цензурой
10335

Улица, № дома и квартиры.

Кому Владиславу Всеволодовичу Кропоткину
Подробное наименование адресата.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ АДРЕСНОЙ ПОЧТОВОЙ КАРТОЧКОЙ ПРИ НАВЕДЕНИИ АДРЕСНЫХ СПРАВОК

Адрес отправителя. Adresse de l'expéditeur
А. В. Арциховский, Москва, Чречетниковский, 13, кв. 1

19,V,1945. Дорогой Владислав Всеволодович! Поздравляю Вас с Победой, с концом войны. 9 мая я весь день бродил по Москве и видел больше радости, чем за всю свою жизнь. Я получил Ваше письмо от 2 мая, Ваши мысли мне очень близки. 22 мая защищает здесь докторскую диссертацию Третьяков, пройдет, вероятно, блестяще. Он до сих пор на военной службе, в виде диссертации представил свою выходную перед самой войной книгу о Верхней Волге. Официальные оппоненты Греков, Рыбаков и я. Я написал работу о древнерусских областных гербах. Несколько месяцев сидел над этой темой, увлекся. Недавно приезжал сюда на несколько дней из Восточной Пруссии Никитин и вернулся туда; рассказывал много для нас москвичей интересного, Вам хорошо знакомого. Авдусин теперь снова в Москве, работает пока писарем в военном управлении, у него родилась дочь Татьяна. Перетц сдал последний университетский экзамен, кончает он зимой, ему еще остались дипломная работа и госэкзамены, а теперь он месяцев на 4–5 уезжает в Чечню, на археологические раскопки; отметки у него до конца сплошь отличные. В Вашем письме меня удивила фраза: „Я всегда был неуверен в себе и [illegible] сомневался в своих способностях." Это удивительно вдвойне: во-первых, в Ваших способностях все всегда уверены, во-вторых, Вы производите впечатление человека самоуверенного. Но вообще это чувство неуверенности в себе я хорошо знаю по личному опыту и до сих пор в себе сомневаюсь. И знаете, жить с такими чувствами легче и лучше, чем с противоположными, смею Вас уверить. Жму Вашу руку. Ваш А. Арциховский

Рис. 12. Письмо А. В. Арциховского В. В. Кропоткину

по теме «Клады римских монет Восточной Европы». Все оценки в зачетной ведомости – «отлично».

Экспедиции первых послевоенных лет – Чернигов и Вщиж, которыми руководил Б. А. Рыбаков (рис. 13; 14). В 1951 г. Владислав Всеволодович участвовал в раскопках на Таманском полуострове, где работы проводил В. Д. Блаватский (рис. 15).

В 1950 г. В. В. Кропоткин поступил в аспирантуру Института истории материальной культуры Академии наук СССР (Институт археологии). Кандидатскую диссертацию по теме «Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья» он защитил в декабре 1953 г. В 1950-е – начале 1960-х гг. Владислав Всеволодович проводил раскопки древних погребений Чуфут-Кале в Крыму (рис. 16). Проблемы истории Крыма нашли отражение в статьях, рассматривающих могильники Суук-Су, Чуфут-Кале, локализацию средневекового города Фуллы (*Кропоткин,* 1958; 1959; 1965). Анализ исследований В. В. Кропоткина в Крыму провел А. И. Айбабин (*Айбабин,* 2022. С. 184–188).

После окончания аспирантуры Владислав Всеволодович работал в Институте археологии младшим научным сотрудником до 1961 г., затем старшим научным сотрудником, заведующим сектором скифо-сарматской археологии, консультантом.

Нумизматическая тема, начатая в дипломной работе, получила продолжение длиною в жизнь. В. В. Кропоткин собирал все возможные данные о находках кладов и отдельных монет, используя публикации, упоминания в прессе и устную информацию, запросы в музеи, авторам

Рис. 13. Раскопки в Чернигове. 1946 г.

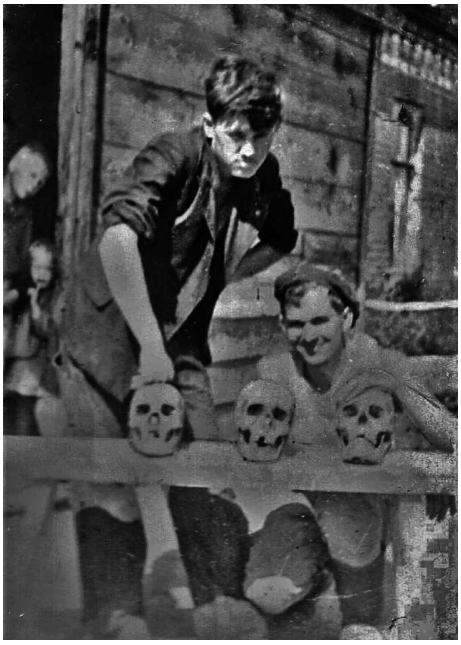


Рис. 14. Вщиж. 1948–1949. В. В. Кропоткин справа

Рис. 15. Раскопки на Тамани с В.Д. Блаватским. 1951 г.

раскопок, коллекционерам. О том, как осуществлялась эта работа, подготовлена и вышла в печати статья (*Каменецкая*, 2007. С. 8–14). В ее основе – письма, в которых Владиславу Всеволодовичу сообщают о находках монет и кладов и обстоятельствах этих открытий. В архиве, переданном в Институт археологии РАН, 680 деловых писем, 440 писем от корреспондентов из нашей страны и 240 из-за рубежа. Письма приходили из девяти республик СССР, а также из Англии, Германии, Румынии, Франции. А с коллегами из Польши и Чехословакии, со многими из которых Кропоткин был знаком лично, контакты были постоянными, в том числе по обмену литературой. Информация о находках монет приходила не только из ведущих музеев, таких как Государственный Эрмитаж, но и, например, Областного музея истории Донского казачества г. Новочеркасска, Краеведческого музея г. Полтавы, школьного музея с. Романовки Житомирской обл. Сообщения о находках порой имеют элементы детектива. Вот лишь один пример. Анна Михайловна Гилевич пишет о том, как в 1958 г. директору

Рис. 16. Раскопки Чуфут-Кале. 1950-е гг. В. В. Кропоткин (второй в первом ряду)

Симферопольского музея офицер принес клад римских монет, найденный солдатами на засекреченном объекте под Евпаторией, а директор заявил, что такого древнего золота и серебра ему не надо. У выхода офицера перехватили сотрудники музея и взяли у него серебро. «Золота без вознаграждения он не отдал». Есть в письмах рассказы о том, как клады находили дети, и их потом собирали учителя. Среди авторов писем – хорошо известные археологи и нумизматы, такие как А. А. Добровольский, Г. Ф. Корзухина, Е. Н. Носов, В. М. Потин, И. Г. Спасский и другие. Регулярная переписка велась с украинскими коллегами – В. А. Анохиным, М. Ю. Брайчевским, Е. В. Веймарном, И. С. Винокуром, И. К. Свешниковым и другими. Есть и письма от коллекционеров из небольших городов и поселков, от школьных учителей.

Особую страницу в источниковедческой деятельности Владислава Всеволодовича составляет изучение коллекций в музеях нашей страны. Во время командировок в Ленинград он нередко бывал у художницы Веры Дмитриевны Семёновой-Тян-Шанской-Болдыревой, вдовы его дяди, Алексея Николаевича Болдырева (умер в 1942 г. во время блокады). Сохранился выполненный ею рисунок 1950 г., на котором Владислав Всеволодович изображен за работой (рис. 17).

Эти кропотливые исследования нашли выражение в многочисленных статьях и двух сводах римских и византийских монет с таблицами и картами, которые постоянно дополнялись (*Кропоткин,* 1961; 1962).

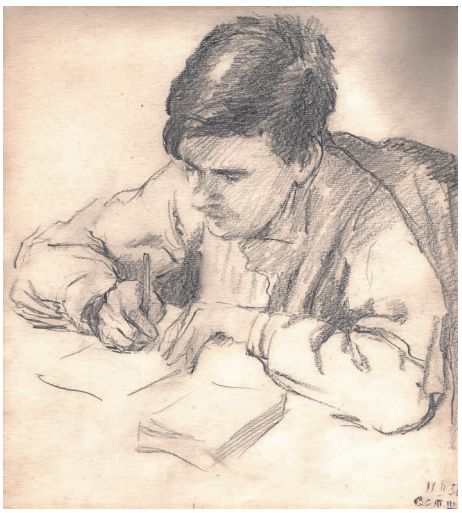


Рис. 17. В.В. Кропоткин. Ленинград. 1950 г. Рисунок В.Д. Семёновой-Тян-Шанской

Оценивая полученную от Владислава Всеволодовича книгу «Клады византийских монет на территории СССР», Г.Ф. Корзухина (*Корзухина*, 1954), автор монографии «Русские клады IX–XIII вв.», написала: «Большую работенку Вы проворотили! И полезнейшую. Если римские монеты, плохо ли, хорошо ли, но попали в какие-то, хотя бы частные сводки, то для византийских монет не было ровно ничего. А что такое каталожная работа, это я хорошо знаю. Она и увлекательная, и изводящая…» (письмо из архива В.В. Кропоткина).

В сохранившейся картотеке, переданной в Институт археологии РАН наряду с другими материалами архива, есть данные не только о римских и византийских, но также сасанидских, куфических, булгарских монетах. Опубликован ряд статей по этой тематике (*Кропоткин*, 1971; 1978; 1986 и др.).

Тематический номер журнала Stratum plus «Печать презренного металла» (2000 г. № 6) был посвящен Владиславу Всеволодовичу Кропоткину. В нем, в частности, опубликованы статья И.С. Пиоро «Объективность и оригинальность в научном творчестве В.В. Кропоткина» (*Пиоро,* 2000. С. 10–15) и «Дополнение к списку находок римских монет» (*Кропоткин,* 2000. С. 20–117), которое не успел издать Владислав Всеволодович.

Уже после смерти В.В. Кропоткина своды римских и византийских монет были переведены на французский язык и опубликованы в Бельгии (*Kropotkin,* 2005; 2006).

В 2015 г. В.В. Белоусов и А.Ю. Остроухов в статье «История изучения римских монет и монетных кладов в отечественной науке» указали, что свод монет и кладов в работе В.В. Кропоткина позволил исследователям сосредоточиться на проблемах монетного дела отдельных регионов и особенностях экономических связей различных племен Восточной Европы и Закавказья (*Белоусов, Остроухов,* 2015. С. 5–17).

Еще одно направление исследований – римский импорт в Восточной Европе. Объектом рассмотрения стали амфоры, краснолаковая керамика, серебряная и бронзовая посуда и другие артефакты в Восточной Европе II в. до н. э. – V в. н. э. Материал опубликован в Своде археологических источников (*Кропоткин*, 1970).

В 1967 г. В.В. Кропоткиным была опубликована монография «Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э.», так же звучит тема докторской

диссертации, защищенной в 1973 г. В предисловии к книге он выразил глубокую благодарность всем, кто помогал в сборе материала и подготовке работы, и перечислил 34 города, в которых работал с музейными коллекциями и архивными фондами (*Кропоткин*, 1967. С. 4).

Собранный и исследованный автором материал – а это не только письменные, но и археологические источники – позволил рассмотреть сложный период в истории, связанный с распадом Римской империи, увеличением роли новых формирующихся этносов на территории Европы, их социально-экономическим и культурным взаимодействием. Затрагивалась история славян, готов, гуннов, хазар, волжских булгар, их связей с Римом и Византией. Большое внимание уделено развитию товарно-денежных отношений в I тыс. н. э. населения Восточной Европы.

Посвященные этой проблематике статьи и тезисы докладов издавались и позднее. Значительную роль в исследованиях В. В. Кропоткина играла «готская проблема», интерпретация археологических памятников черняховской культуры, вопрос об этнической принадлежности населения которой до сих пор является предметом дискуссий. Работы по тематике черняховской культуры составляют значительную часть его научного наследия. Источниковедческая база по черняховской культуре была значительно пополнена экспедиционной работой Владислава Всеволодовича. Он проводил раскопки в Винницкой, Кировоградской, Львовской, Полтавской, Тернопольской, Хмельницкой, Черкасской областях Украины. Многие годы возглавлял Западно-Подольскую экспедицию Института археологии. Интереснейшие материалы были получены при исследовании могильников Рыжевка (Черкасская обл.), Думанов (Хмельницкая обл.), многослойного поселения позднеримского времени Ромош (Львовская обл.). К сожалению, полной публикации результатов этих раскопок нет. Хочется надеяться, что полученные данные будут обработаны новыми исследователями черняховской культуры. Материалы В. В. Кропоткина по этой проблематике продолжают использоваться. В 2005 г. вышла монография М. Б. Щукина «Готский путь (готы, Рим и черняховская культура)», в которой автор ссылается на ряд работ Владислава Всеволодовича, рассматривая вопрос о хронологии черняховских памятников (*Щукин,* 2005).

Кроме монографии и сводов, В. В. Кропоткин опубликовал свыше 120 работ, в том числе с соавторами, среди которых Г. Ф. Соловьева, Л. Н. Казаманова, Т. И. Макарова, М. Ф. Обыденнов, А. В. Кропоткин, С. В. Гусев и другие (*Мерперт,* 1994. С. 245–248). Владислав Всеволодович принимал участие в многочисленных конгрессах, симпозиумах, конференциях по славяноведению, нумизматике, истории Византии как в нашей стране, так и за рубежом (Болгария, Венгрия, Германия, Польша, Чехословакия, Швеция) (рис. 18; 19).

Обширные знания разных областей археологии, которыми владел В. В. Кропоткин, позволяли приглашать его как оппонента при защите кандидатских и докторских диссертаций, а также как председателя Государственной

Рис. 18. Институт археологии. Ю. В. Кухаренко, И. Вернер, В. В. Кропоткин

аттестационной комиссии на кафедре археологии МГУ. Успешно защитились его аспиранты В. П. Глущенко и С. В. Гусев.

В работе 1962 г. Владислав Всеволодович выразил свою позицию как исследователь, стремящийся к максимальной объективности: «Конечно, мы не можем претендовать на решение всех стоящих перед нами вопросов. В ряде случаев собранные материалы позволяют предположительно высказывать только ту или иную гипотезу, но, опираясь на работы своих предшественников и соблюдая необходимую осторожность в анализе фактического материала, можно рассчитывать, что плодотворные научные гипотезы, подкрепленные новыми фактами, принесут определенную пользу» (*Кропоткин,* 1962. С. 9). Такой подход представляется актуальным и сейчас.

В 1980 г. Институт археологии проводил в Усть-Нарве Школу молодых археологов. На сделанной там фотографии – сотрудники института, с которыми многие годы работал В. В. Кропоткин. Среди них друзья Владислава Всеволодовича: Николай Яковлевич Мерперт, Борис Георгиевич Петерс, Рауф Магомедович Мунчаев. С ними он поддерживал дружеские отношения и вне работы (рис. 20). Уже упоминались мемуары Н. Я. Мерперта. Б. Г. Петерс выпустил несколько поэтических сборников, и в одном из последних есть стихи, посвященные Владиславу Всеволодовичу (о чем сообщал мне Борис Георгиевич – *Е. К.*), но передать

Рис. 19. Тбилиси. 1981 г. В. В. Кропоткин, К. А. Смирнов

Рис. 20. Преподаватели Школы молодых археологов. Усть-Нарва. Декабрь 1980 г. В первом ряду (справа налево): И. С. Каменецкий, Б. А. Колчин, Н. Я. Мерперт, Д. Б. Шелов, Б. Г. Петерс, Г. В. Короткевич (журнал «Природа»), во втором ряду: В. В. Кропоткин, Г. А. Кошеленко, М. С. Крайнова, Р. М. Мунчаев, Д. А. Крайнов, В. А. Башилов, Л. В. Кольцов, В. И. Гуляев, М. А. Дэвлет, А. А. Бобринский. Фото Ю. Ю. Моргунова

не успел, умер. Ушел из жизни в 2021 г. Андрей Кропоткин, работавший с отцом в нескольких экспедициях. Память о Владиславе Всеволодовиче хранят трое дочерей, девять внуков, двое правнуков разного возраста, разных профессий, но поддерживающих теплые дружеские отношения.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 2022. Проблемы истории раннесредневекового Крыма в трудах В. В. Кропоткина // РА. № 4. С. 184–188.

Берковская Е. Н., 2008. Судьбы скрещенья: воспоминания. М.: Возвращение. 720 с.

Белоусов В. В., Остроухов А. Ю., 2015. История изучения римских монет и монетных кладов в отечественной науке // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 2 (6). С. 5–17.

Каменецкая Е. В., 2004. Артемий Владимирович Арциховский в годы войны (по материалам переписки) // Новгородские археологические чтения – 2: материалы науч. конф., посвящ. 70-летию археол. изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения основателя Новгородской археол. экспедиции А. В. Арциховского / Под ред. В. Л. Янина и др. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповед. С. 17–22.

Каменецкая Е. В., 2007. Владислав Всеволодович Кропоткин – археолог и нумизмат // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 12. С. 8–14.

Кропоткин В. В., 1958. Из истории средневекового Крыма. (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. Т. XXVIII. С. 198–218.

Кропоткин В. В., 1959. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение // СА. № 1. С. 181–194.

Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 136 с. (САИ; вып. Г4-4).

Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 88 с. (САИ; вып. Е4-4).

Кропоткин В. В., 1965. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. Вып. 100. С. 108–115.

Кропоткин В. В., 1967. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука. 135 с.

Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). 278 с. (САИ; вып. Д1-27).

Кропоткин В. В., 1971. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. Т. IX / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука. С. 76–97.

Кропоткин В. В., 1978. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне: сб. науч. ст. / Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука. С. 111–117.

Кропоткин В. В., 1986. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию рус.-булгар. договора): сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Галимджана. С. 38–62.

Кропоткин В. В., 2000. Дополнение к списку находок римских монет // Stratum plus. № 6. С. 21–117.

Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: АН СССР. 156 с.

Мерперт Н. Я., 1994. Памяти Владислава Всеволодовича Кропоткина (1922–1993) // РА. № 1. С. 243–248.

Мерперт Н. Я., 2011. Из прошлого: далекого и близкого: мемуары археолога. М.: Таус. 381 с.

Пиоро И. С., 2000. Объективность и оригинальность в научном творчестве Владислава Всеволодовича Кропоткина // Stratum plus. № 6. С. 10–15.

Рындин И. Ж., 2009. Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 4. Кавдины – Кучины / Под ред. и с доп. Б. В. Горбунова. Рязань: Рязанский обл. ин-т развития образования. 410 с.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филол. фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та. 575 с.

Kropotkin V. V., 2005. Les trouvailles de monnaies romaines en U. R. S. S. Wetteren, Belgique: Moneta. 364 p. (Collection Moneta; 49).

Kropotkin V. V., 2006. Les trouvailles de monnaies byzantines en U. R. S. S. Wetteren, Belgique: Moneta. 136 p. (Collection Moneta; № 61).

E. V. Kamenetskaya, M. V. Kropotkina

BIOGRAPHY AND SCHOLARLY CONTRIBUTION OF VLADISLAV VSEVOLODOVICH KROPOTKIN (1922–1993)

Abstract. The article commemorates the 100th anniversary of Vladislav Vsevolodovich Kropotkin, a prominent Russian scholar, archaeologist, and numismatist. The work examines his journey into science, from his youth to the diploma defense at Moscow State University (MSU). His studies were interrupted by Great Patriotic War. After graduating from university, he worked at the Institute of Archaeology and defended his candidate and doctoral dissertations.

Throughout his life, Vladislav Vsevolodovich Kropotkin focused on numismatics, compiling catalogues of Roman and Byzantine coins. He studied the sites of the Chernyakhov culture and the economic connections of Eastern Europe during the first millennium AD. V. V. Kropotkin conducted excavations in Crimea and various regions of Ukraine.

Keywords: Vladislav Vsevolodovich Kropotkin, Institute of Archaeology, Great Patriotic War, archaeology, numismatics, Roman and Byzantine coins, Chernyakhov culture

В. С. Батченко, С. С. Горланов, А. А. Малышев

ЛИЧНЫЙ ФОНД В. В. КРОПОТКИНА В НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОМ АРХИВЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.26-34

Резюме. В статье описаны материалы, доступные для исследователей в личном фонде Владислава Всеволодовича Кропоткина в архиве Института археологии РАН. В фонде отложились как привычные для научной документации ученых-археологов источники (материалы экспедиций – полевые дневники, чертежи, полевые и коллекционные описи, отчеты; прорисовки, фотографии и негативные пленки памятников и находок), так и характерные для научной работы В. В. Кропоткина картотеки монет, монетных кладов, предметов черняховской культуры и т. п.

Ключевые слова: В. В. Кропоткин, нумизматика, история науки, Институт археологии, черняховская культура, Восточная Европа

В Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН за 2019–2021 гг. были обработаны и стали доступны для исследователей материалы личного фонда доктора исторических наук Владислава Всеволодовича Кропоткина (фонд 64).

Материалы фонда условно можно разделить на три больших блока, первый из которых представляют результаты экспедиционных работ с участием и под руководством Владислава Всеволодовича. Сюда входят исследования городища и могильника Чуфут-Кале (Крым), которые на рубеже 1950–1960-х гг. переходят в работы по изучению памятников Успенка, Староселье, Рыжевка (Черкасская обл.), Ромош (Львовская обл.), Вовчик (Полтавская обл.), руководство Приднепровской археологической экспедицией. Период полевой работы в 1970-е гг. наиболее ярко отражают материалы по изучению памятника Ромош (Львовская обл.) и работы Западноволынской археологической экспедиции.

Второй блок материалов фонда – это разнообразные картотеки, которые характеризуют Владислава Всеволодовича как кропотливого и чуткого исследователя. Среди картотек есть систематизированные данные по таким темам, как:

– библиографические картотеки как отечественных, так и зарубежных авторов;

– распределение по регионам погребений и могильников черняховской, пшеворской и др. культур, их артефактов;

– распространение византийских монет и подражаний римским денариям как по географии местонахождения, так и по хранению в частных коллекциях и собраниях музеев.

Третий блок – визуальный, выражен многочисленными фотоматериалами. Это фотографии монет, находок, как по материалам собственных раскопок, так и из музейных коллекций, полевые фотографии, фотоматериал для публикаций.

Кроме того, в фонде отложились рабочие материалы – чертежи и карты, выписки, рабочие тетради, рукописи публикаций, переписка.

По тем материалам, которые представлены в фонде, есть возможность проследить некую хронологию научной деятельности Владислава Всеволодовича. После войны, с 1946 г. он, студент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, начинает участвовать в разведках в районе средневековой крепости Чуфут-Кале (Крым, Бахчисарай). Если в довоенные годы советские историки отдавали предпочтение изучению городища Чуфут-Кале, его древностей и в целом памятникам бытовой культуры, то после войны возрос интерес к этнокультурным процессам раннего средневековья Крыма, ценную информацию по которым обычно дает исследование некрополей и традиций захоронения. В фонде есть материалы о разведках за 1946–1948 гг., отчет о разведочных работах Евгения Владимировича Веймарна в этой местности за сезоны 1947–1948 гг., в которых Владислав Всеволодович принимал активное участие. Крымский период занимал достаточно большую часть жизни Владислава Всеволодовича: под его руководством стартуют работы Крымской археологической экспедиции Института археологии, он подбирает первичные иллюстрации ранее обнаруженных в этих местах находок (с конца XIX в.), в материалах фонда отложились многочисленные полевые чертежи и описи, планы раскопов, погребений, фотографии, полевые дневники В. В. Кропоткина. Работы проводились на территории городища и могильника Чуфут-Кале.

Работа археолога – это далеко не только раскопки, она состоит также из научной обработки выявленных источников и поиска аналогий в материалах смежных памятников. Тогда же Владислав Всеволодович, по всей видимости, активно включается в работу, в том числе и музейную, по анализу аналогичных памятников полуострова Крым, фотографирует находки, каменные надгробия, сравнивает захоронения Чуфут-Кале с иными памятниками раннего средневековья – например, могильником Суук-Су. Итогом работ в Чуфут-Кале стала подготовка и успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья» (1953 г.), выполненной под руководством знаменитого историка Б. А. Рыбакова в стенах Института истории материальной культуры АН СССР (с 1957 г. – Институт археологии; г. Москва). Любопытен один эпизод, связанный с защитой диссертации В. В. Кропоткиным, который иллюстрирует силу воли, принципы и идеалы уже сформировавшегося ученого. Судя по воспоминаниям историка И. С. Пиоро, позиция В. В. Кропоткина, высказанная им в диссертации по поводу «готской принадлежности погребений с трупосожжениями и каменными конструкциями» (*Пиоро,* 2000. С. 12), тогда противоречила официальной политике отрицания германского влияния на историю Крыма. Но несмотря на то, что влиятельный научный руководитель был не согласен с мнением своего ученика и публично высказал на защите свое несогласие, Владислав Всеволодович все же отстоял свою точку зрения.

Рис. 1. Семья В. В. Кропоткина. *1* – Москва, Головино, 1954 г. (ныне Головинский район). В центре – В. В. Кропоткин, справа – его друзья Е. Н. и Ю. Р. Берковские. Дети – слева направо: племянница В. В. Кропоткина, Ольга Прорвич, его дочь Ирина и сын Андрей; *2* – В. В. Кропоткин на отдыхе; *3* – В. В. Кропоткин и его вторая супруга Л. А. Орлова

После защиты диссертации к концу 1950-х гг. крымский этап научной жизни Владислава Всеволодовича постепенно трансформируется в восточноевропейский: ученого занимают вопросы проникновения черняховской культуры в позднеантичные некрополи Таврики, этнический состав черняховцев, экономические и торговые связи Восточной Европы в первом тысячелетии н. э. Он начинает изучать следующие памятники: Успенка, Староселье, Рыжевка (в документах упоминаются два различных наименования памятника – Рыжавка и Рыжевка) (Черкасская обл.), Ромош (Львовская обл.), Вовчик (Полтавская обл.) и др. На протяжении 1960-х гг. Владислав Всеволодович руководит Приднепровской археологической экспедицией.

Любопытны некоторые подробности, которые раскрывают материалы личного архива Кропоткина. Для послевоенного времени характерно было нарастание тенденции к упорядоченности учета исторических памятников, в том числе археологических, – это было связано в первую очередь с развернувшимся крупномасштабным строительством и, как следствие, обострившимся вопросом сохранения свидетельств старины. По-видимому, этими же вопросами был озабочен и Уманский краеведческий музей, сотрудники которого, неутомимые краеведы, в середине 1950-х гг. активно работали над составлением археологической карты местности. В результате этой работы в 1957 г. вышла монография

«Археологическая карта Уманщины» (*Стефанович, Евстропов,* 1957), к которой Владислав Всеволодович, очевидно, также имел непосредственное отношение – в материалах фонда имеются планы к археологической карте и некоторые дополнения – в частности, данные о разведках 1956 г. в районе села Машурово (совр. Мошуров) (папка 44, конверты 4×5).

В том же 1956 г. директором Уманского музея был назначен Храбан Григорий Ефимович: позже он обретет звание первого научного краеведа Умани, а тогда он только получил наконец шанс начать новую жизнь после двух мучительных многолетних ссылок «за принадлежность к антисоветской националистической организации» (*Сокирская,* 2011. С. 111). В 1957 г. В. В. Кропоткин написал новому директору музея письмо с просьбой определить монеты, найденные в кладе из двух сосудов, стоящих друг в друге (клад из села Погорелое Джулинского района Винницкой области). Необходимость определения монет и отсутствие в музее соответствующих специалистов подтолкнули Григория Ефимовича, историка с дореволюционным образованием, самостоятельно освоить нумизматику и интерпретировать 330 монет клада. В результате этой работы история Умани, первое упоминание о которой на тот момент датировалось в летописи 1609 г., пополнилась сведениями о торговых связях этой местности с Римской империей в I–III вв. н. э. (папка 49, конверт 7). К слову, сотрудничество В. В. Кропоткина и Г. Е. Храбана, начавшееся, видимо, в конце 1950-х гг., продолжалось и далее: Григорий Ефимович, занимаясь всеми периодами истории Уманской местности, активно принимал участие в археологических работах республиканского и общесоюзного институтов археологии на территории Черкасской и соседних областей УССР.

В 1970-е гг. в научной жизни В. В. Кропоткина немаловажны раскопки поселения Ромош (Львовская обл.) и его могильника. Изучение этого и смежных памятников Владислав Всеволодович проводит как руководитель Западноволынской археологической экспедиции. Результатом многолетних трудов на этом этапе стало присвоение ему в 1973 г. степени доктора исторических наук «по совокупности работ» (*Пиоро,* 2000. С. 10). Именно в эти годы Кропоткин проявляет себя и как научный администратор – кроме руководства экспедициями, он принимает на себя обязанности по руководству сектором скифо-сарматской археологии ИА АН СССР (1974–1988 гг.). Активное участие Владислава Всеволодовича в раскопках Ромоша можно проследить по документам из его фонда вплоть до 1984 г.

Вкратце описав экспедиционное наследие В. В. Кропоткина, обратимся к другой значимой составляющей фонда – многочисленным картотекам, начало составлению которых Владислав Всеволодович положил еще в студенческие годы при подготовке дипломной работы (*Каменецкая,* 2007. С. 10). Заметим, что при разборе и комплектовании папок и конвертов фонда нами строго соблюдался принцип следования за логикой фондообразователя: картотеки, расположенные в коробах, папках или конвертах, в большинстве случаев заведомо уже были

Рис. 2. Сотрудники Института археологи около храма Покрова на Нерли. 1950 г. Справа – Г.Ф. Соловьева, В.В. Кропоткин

сгруппированы автором, часто сопровождались подписями на разграничительных листах, краткими обозначениями, были озаглавлены. Подобные пометы автора – в случаях, когда они имелись – внесены в названия соответствующих конвертов. Все картотеки выполнены на четвертях листов альбомного формата, либо на половинах тетрадных листов.

По тематикам картотеки фонда можно разделить на посвященные черняховской культуре (и озаглавленные автором соответственно), монетные каталоги и группы каталогов с различными более узкими тематиками. Каталожные карточки, относящиеся к черняховской культуре, сгруппированы по памятникам, материалу находок или их назначению: развернутые подборки картотек по могильникам культуры соседствуют с подборками могильников в определенных

регионах (по областям или республикам Советского Союза); систематизированы находки из стекла, керамики, бронзы, кости, а также узкие тематические подборки, например, по находкам лепных горшков с загнутым внутрь венчиком (папка 18, конверт 6), каменных жерновов (папка 18, конверт 14) или черняховских полуземлянок (папка 20, конверт 18).

Монетные каталоги организованы по происхождению монет и территории их выявления. В основном это собрания монет и кладов по регионам: странам, республикам СССР, областям и отдельным местностям, но встречаются и частные подборки – такие, как картотека монет, обнаруженных в 1913 г. в районе Домброва (Польша) (папка 25, конверт 9), или опись клада бронзовых монет IV в. н. э., найденных у с. Энгуре (Латвийская ССР) (папка 24, конверт 24), и т. п. Есть картотеки отдельных монет и монетных кладов, картотеки дирхемов, византийских монет и подражаний римским денариям. Иногда на карточках встречаются прорисовки или подклеенные фотографии монет.

Также в фонде в нескольких папках объединены картотеки с различными тематиками: это и памятники, собранные по археологическим культурам (вельбарская, пшеворская, карпатских курганов и др.), и находки оружия, предметов быта и украшений. Наиболее ярко выделяются подборки краснолаковых сосудов, клейм и надписей на амфорах, обнаруженных в различных регионах.

После комплектования фонда архив картотек уместился в 16 папок, и весь этот научный капитал теперь доступен для изучения. Это своего рода тематический реестр археологических источников и памятников, часть из которых с течением времени по разным обстоятельствам уже явно утрачена. Также Владислав Всеволодович составлял в процессе работы картотеки с библиографией на различных языках, которые до формирования фонда были несколько рассредоточены.

Рукописи научных работ с пометами автора также важны в целях сохранения творческой лаборатории ученого-историка, этапов работы над будущим научным трудом. Так, в фонде отложились рукописи известных публикаций: «Клады римских монет на территории СССР» (*Кропоткин,* 1961) (папка 46, конверт 5), «Клады византийских монет на территории СССР» (Он же, 1962) (папка 46, конверт 4), «Могильник Суук-Су и его культурно-археологическое значение: по данным погребального обряда» (Он же, 1959) (папка 47, конверт 12), «Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики» (Он же, 1986) (папка 47, конверты 10, 11) и т. д. – с авторскими правками, которые дают представление об эволюции научного труда.

Но рукопись – это конечный результат работы ученого, а сам процесс помогают проследить многочисленные выписки из источников и историографии (преимущественно о римских монетах), пометы в рабочих тетрадях, зарисовки и иллюстрации к ним (папки 44–48).

В папке с личными материалами (папка 49) хранятся пленки, запечатлевшие моменты личной жизни Владислава Всеволодовича: как семейной, так и жизни «в раскопе». Там же в небольшом количестве можно найти приглашения

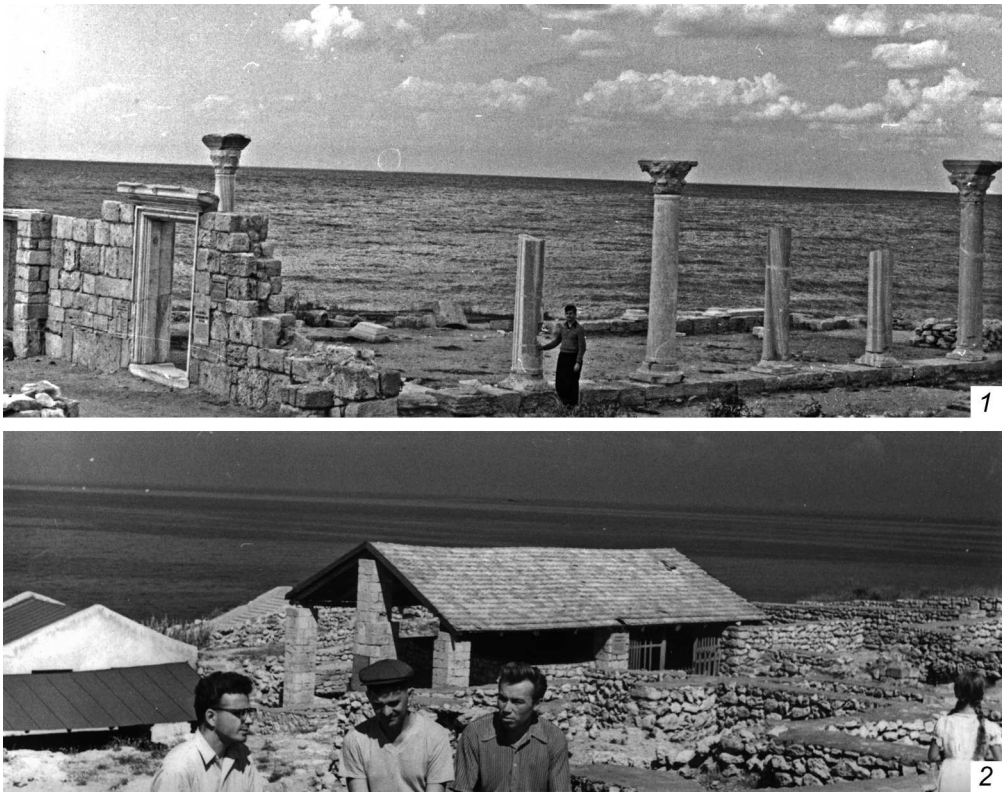


Рис. 3. Херсонес. 50-е гг. XX в. *1* – В. В. Кропоткин на фоне Уваровской базилики; *2* – слева направо: В. А. Анохин, В. В. Кропоткин, В. К. Пудовин

на различные мероприятия, поздравительные открытки и письма на рабочую тематику. В печати уже обнародована военная переписка В. В. Кропоткина с историком А. В. Арциховским за 1943–1945 гг. (*Каменецкая,* 2004) – сами письма находятся на хранении в архиве ИА РАН (папка 46, конверт 7). Увлекательны и другие письма среди небольшой подборки, переданной на хранение: например, письмо от И. П. Мельниченко в адрес Владислава Всеволодовича по поводу рукописи первого «Когда и сколько заплатили Иуде Искариоту» с разъяснением позиции автора рукописи (папка 46, конверт 6).

Учитывая, что археология базируется на изображении источников, полноценной передаче деталей предметов, их объема и прочих визуальных характеристик, зачастую археологам свойственно пристрастие к зарисовкам и фотографированию. Судя по тому, что материалы фонда В. В. Кропоткина изобилуют фотографиями и негативными пленками, ученый искренне тяготел к фотографической съемке не только важных для работы археологических источников (т. н. предметная фотосъемка), но и к съемке ландшафтов и архитектурных памятников. Но все же большая часть фотографий посвящена научным интересам

Кропоткина: собрание изображений краснолаковой керамики, амфор, отдельных монет и кладов из музейных коллекций (ГИМ, музей археологии г. Варшавы, Бахчисарайский историко-археологический музей и т. д.), фотокопий таблиц из редких изданий и многое другое.

Несколькими десятилетиями ранее цифрового фотографирования еще не существовало, и фотосъемку проводили на специальную пленку: в папках фонда отложилось большое число негативных, преимущественно черно-белых пленок с изображением монет, находок, рабочих моментов раскопок, видовых съемок из разных мест. В большинстве случаев негативные пленки В. В. Кропоткин хранил в наполовину обрезанных почтовых конвертах, нередко снабжая их краткими описаниями. При разборе документов все подписи автора с подробными аннотациями (название находки, датировка, место ее выявления и пр.) были сохранены и вложены в конверты с негативами. В таких случаях на конверте имеются надписи «с аннотацией» или «с описанием». Максимальное сохранение первичного материала, его подлинности гарантирует поддержание живого авторского языка первоисточников. Встречаются и неаннотированные негативы. В таких случаях они были сгруппированы по тематическому признаку изображений на них (примеры) и подписаны «без аннотации».

Сам факт сохранения в фонде Кропоткина столь большого числа разновидовых фотопленок с изображением находок, предметов из музейных и частных коллекций, а также снимков раскопов свидетельствует о том, что этот фотоархив долгие годы сможет хранить визуальную информацию высокого качества, т. к. до сих пор цифровая съемка, превзойдя пленку по удобству использования, не сумела обойти ее по качеству передачи изображения.

В заключение хотелось бы сказать, что многообразие документации, представленной в личном фонде В. В. Кропоткина, скрупулезность и научная педантичность, которая проявляется в широком диапазоне картотек, фотографий, описаний памятников, – все это наследие способно раскрыть не только истинный вклад одного ученого-историка, но и составить базис для изучения истории развития советской археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Каменецкая Е. В., 2004. Артемий Владимирович Арциховский в годы войны (по материалам переписки) // Новгородские археологические чтения – 2: материалы науч. конф. / Ред. В. Л. Янин и др. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник. С. 17–22.

Каменецкая Е. В., 2007. Владислав Всеволодович Кропоткин – археолог и нумизмат (по материалам личного архива) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Гуманитарные науки. Вып. 12. С. 8–12.

Кропоткин В. В., 1959. Могильник Суук-Су и его культурно-археологическое значение: по данным погребального обряда // СА. № 1. С. 181–194.

Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 135 с. (САИ; вып. Г4-4).

Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 88 с. (САИ; вып. Е4-4).

Кропоткин В. В., 1986. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора) / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: Казань: Ин-т языка, литературы и искусства Казанского филиала АН СССР. С. 38–62.

Пиоро И. С., 2000. Объективность и оригинальность в научном творчестве В. В. Кропоткина // Stratum plus. № 6. С. 10–15.

Сокирская В. В., 2011. Григорий Храбан – первый научный краевед Уманщины // Краєзнавство. № 3–3. С. 110–115.

Стефанович В. А., Евстропов Н. Т., 1957. Археологическая карта Уманщины. Умань.

V. S. Batchenko, S. S. Gorlanov, A. A. Malyshev

THE PERSONAL COLLECTION OF V. V. KROPOTKIN IN THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RAS

Abstract. The article describes materials available to researchers in the personal collection of Vladislav Vsevolodovich Kropotkin housed in the archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (RAS). The collection includes sources typical for archaeological documentation (expedition materials such as field diaries, drawings, field and inventory records, reports; sketches, photographs, and negatives of monuments and artifacts) as well as resources specific to V. V. Kropotkin's scholarly work, such as card indices of coins, coin hoards, and items related to the Chernyakhov culture.

Keywords: V. V. Kropotkin, numismatics, history of science, Institute of Archaeology, Chernyakhov culture, Eastern Europe

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В. В. КРОПОТКИНА

1951

1. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. № 4 (38). С. 243–281.

1952

2. Белынецкие курганы и стоянка (К вопросу о связи средневековой и фатьяновской культур) // КСИИМК. Вып. 47. С. 52–66.
3. Рец.: Археологія. Т. 5, Київ // ВДИ. № 2. С. 143–147 (совместно с Н. Я. Мерпертом).

1953

4. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси // КСИИМК. Вып. 49. С. 21–25 (совместно с Г. Ф. Соловьевой).
5. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья: автореф. дис. … канд. ист. наук. М. 16 с.

1954

6. Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР // ВДИ. № 3 (49). С. 152–180.

1956

7. О некоторых кладах римских монет, найденных в России (из истории русской нумизматики) // КСИИМК. Вып. 66. С. 100–106.
8. Рец. на кн.: Материалы по археологии юго-западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.; Л., 1953 // СА. XXV. С. 345–348.

1957

9. Крест-складень из Коктебеля // СА. № 2. С. 257–258.
10. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Сев. Причерноморья и на Руси // КСИИМК. Вып. 68. С. 35–44.
11. Рец. на кн.: Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955 // СА. № 3. С. 297–298.

1958

12. Походы восточноевропейских дружин в Причерноморье и Подунавье в III в. // Очерки истории СССР. III–IX вв. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР. С. 124–129.
13. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. // СА. № 2. С. 279–285.
14. Рец. на кн.: Sevin H. Die Gepiden. Műnchen, 1955 // СА. № 2. С. 314–317.

15. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. № XXVIII. С. 198–218.

1959

16. Могильник Суук-Су и его историко-археологическое значение (по данным погребального обряда) // СА. № 1. С. 181–194.
17. Новые исследования Белынецких курганов // КСИИМК. Вып. 75. С. 103–113.

1960

18. Лукашевский клад бронзовых римских монет IV века // НЭ. Т. I. М. С. 215–222.

1961

19. Клады римских монет на территории СССР. М.: Наука. 136 с. (САИ; вып. Г4-4).
20. Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса // ВДИ. № 1. С. 128–136 (совместно с Л. Н. Казамановой).
21. XXI съезд КПСС и задачи советской археологии (передовая статья) // СА. № 4. С. 1–4.
22. Рец. на кн.: Брайчевский М. Ю. Римська монета на територи України. Киев. 1959 // СА. № 1. С. 300–305.

1962

23. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Наука. 64 с. (САИ; вып. Е4-4).
24. Из истории римской торговли с Восточной Европой // Историко-археологический сборник: Артемию Владимировичу Арциховскому к шестидесятилетию со дня рождения и тридцатипятилетию научной, педагогической и общественной деятельности / Под ред. Д. А. Авдусина и В. Л. Янина. М.: МГУ. С. 147–153.
25. Византийский сосуд из Южного Приуралья // КСИА. Вып. 87. С. 65–66.
26. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. № 3. С. 235–240. (совместно с И. С. Каменецким).
27. Liaisons économiques de I'Empire Romain avec I'Europe Orientale // VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologies de I'URSS. M. С. 3–9.

1963

28. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло Древней Тмутаракани. М. С. 175–185.

1964

29. Подражания римским золотым монетам II–III вв. // ВДИ. № 1. С. 140–148 (совместно с Л. Н. Казамановой).

30. Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г. // КСИА. Вып. 102. С. 57–63.

1965

31. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. Т. XXVI. С. 166–169.
32. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100. С. 108–115.
33. Клад римских денариев, найденных в с. Подлесновка (Сумская область) // ВДИ. № 1. С. 136–139.
34. Черняховская культура и Римская империя // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М. С. 15–17.
35. Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве. М. С. 76–79.

1966

36. Начало Великого переселения народов // История СССР. С древнейших времен до наших дней. Т. 1. М.: Наука. С. 305–308.
37. Новые находки римских монет в СССР // НЭ. № VI. С. 74–102. (САИ; вып. Г4-4. Дополнение).
38. Раскопки Черняховского могильника в с. Рыжевка // АО 1965. М.: Наука. С. 137–139.
39. Надьсентмиклошский клад // СИЭ. Т. 9. М. Стб. 875.
40. Liaisons économiques de I'Empire Romain avec I'Europe Orientale // Atti del VI Congresso Internazionale delle Scienze Preistoriche a Protostoriche. Tivoli. С. 135–140.

1967

41. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука. 1967. 135 с.
42. Черняховские памятники Среднего Побужья // АО 1966. М.: Наука. С. 230–231.
43. Пастырское городище // СИЭ. Т. 10. М. Стб. 917–918.

1968

44. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII – первой половине IX вв. // Славяне и Русь. М. С. 72–79.
45. Некоторые проблемы изучения археологии Восточной Европы в эпоху раннего средневековья // КСИА. Вып. 113. С. 3–9.
46. Исследования Черняховских памятников в Среднем Побужье и Среднем Поднепровье // АО 1967. М.: Наука. С. 228–229.

47. Византийские монеты в Восточной Европе как исторический источник // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. T. 6. Warszawa; Krakow. С. 124–128.
48. Выступление в дискуссии по докладам // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. T. 6. Warszawa. С. 239.

1969

49. Перещепинский клад // СИЭ. Т. II. М. Стб. 34–35.
50. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. Вып. 119. С. 32–36.
51. Изучение Черняховской культуры на Полтавщине // АО 1968. М.: Наука. С. 310–311.
52. Выступление в прениях // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М. С. 108–109.
53. Skarb rzymskich denarów ze wsi Turia w okręgu czerkaskim (ZSRR) // Wiadomości Numizmatyczne. T. XIII, № 3. С. 149–152.
54. Черняховская культура и Римская империя // I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. T. 11. Wrocław; Warszawa; Krakow. С. 283–285.

1970

55. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Наука. 278 с. (САИ; вып. Д1-27).
56. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен Черняховской культуры в III–IV вв. н. э. // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука. С. 146–160.
57. Торговые связи Волжской Болгарии в X веке по нумизматическим данным // Древние славяне и их соседи. М.: Наука. С. 146–150. (МИА; № 176).
58. Хронология Черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе // КСИА. Вып. 121. С. 52–55.
59. Новый клад римских денариев из Закарпатской области Украинской ССР // Acta Archaeologica Carpathica. T. XI. С. 217–225.
60. Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР) // Acta Archaeologica Carpathica. T. XI. С. 227–230.
61. Византия и славянские племена Поднестровья и Поднепровья // Тезисы докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии в Берлине. М.: Наука. С. 24–25.
62. Skarb srebrnych monet i przedmiotów z IV w. n. e. z Zamościa // Wiadomości Numizmatyczne. T. 14, № 1. С. 15–17.

1971

63. Византийская чаша из Крылосского клада VII в. // ВВ. Т. 31. С. 194–195.
64. Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. Т. 32. С. 216–218.

65. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. Т. IX. С. 76–97.
66. Могильник Черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. // СА. № 4. С. 225–229.
67. Памяти А. Л. Бертье-Делагарда // СА. № 1. С. 140–142 (совместно с Д. Б. Шеловым).
68. Экономические связи Северного Северного Кавказа в I тысячелетии н. э. // ТД СПИПАИ 1970. Археол. секции. Тбилиси. С. 130–133.
69. Суук-Су // СИЭ. Т. 13. М. Стб. 968.
70. Клад серебряных вещей VII века из с. Крылос в Поднестровье // Acta Archaeologica Carpathica. Т. 12, fasc. 1–2. С. 65–71.
71. Могильник Черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении Черняховской культуры) // Slavia Antiqua. Т. XVII. С. 197–206.
72. Skarb denarów rzymskich (l–ll w. n.e.) z Jamie (woj. warszawskie) // Wiadomości Numizmatyczne. Т. XV. С. 31–38.

1972

73. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука. С. 197–202.
74. Новый могильник поморско-мазовецкой культуры у с. Городок Ровенской области // СА. № 4. С. 255–256.
75. Золотая подвеска из Рыжевки // СА. № 1. С. 264–269.
76. Войтовский клад римских монет I–II вв. н. э. // ВДИ. № 3. С. 174–178 (совместно с А. Ф. Прокофьевым).
77. К публикации клада римских монет из с. Старая Романовка. Прил. к ст.: Каплун В. Я. Старо-Романовский клад римских денариев I–II вв. н. э. // НЭ. Т. X. С. 126–127.
78. Варварские подражания римским золотым монетам в Закавказье и в Восточной Европе // Тезисы докладов на научной сессии, посвященной памяти проф. Д. Г. Капанидзе. Тбилиси. С. 6.
79. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Культура та побут населения Українських Карпат: тез. докл. Ужгород. С. 94–95.

1973

80. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Berichte über den II Internationalen Kongress für Slavische Archäologie. Bd. III. Berlin. С. 441–449.
81. Экономические и культурные связи восточных славян с Византийской империей // Berichte über den II Internationalen Kongress für Slavische Archäologie. Bd. III. Berlin. С. 221–233.
82. Караванные пути в Восточной Европе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука. С. 226–230.

83. О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольской области) // СА. № 3. С. 240–243.
84. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // СА. № 2. С. 250–254 (совместно с Т. И. Макаровой).
85. Византийский экзагий из Керчи // ВВ. Т. 34. С. 262, 263.
86. Тепсень // СИЭ. Т. 14. М. Стб. 192.
87. Богатое погребение у д. Пилипки (уезд Вельск Подляска, Боев. Белосток, Польша) // Archaeologia Polona. Wrocław. Z. 14. С. 331–336.

1974

88. Пшеворское погребение I в. н. э. из с. Звенигород (Львовская область) // КСИА. Вып. 140. С. 51–56.
89. Раскопки поселения у села Ромош // АО 1973. М.: Наука. С. 294–295.

1975

90. Пшеворские и поморско-мазовецкие памятники Западной Украины // Новейшие открытия советских археологов: тез. докл. конф. Ч. III. Киев. С. 40–42.
91. Раскопки поселения у села Ромош // АО 1974. М.: Наука. С. 301–302 (совместно с В. И. Кулаковым, А. Н. Геем, О. А. Панасюк).
92. Раннеславянские памятники VI–VII вв. и их связи с предшествующими археологическими культурами // Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М. С. 15–16.

1976

93. Новый центр железоделательного производства III–IV вв. н. э. в бассейне Южного Буга // СА. № 3. С. 317–324 (совместно с В. Е. Нахапетян).
94. Исследование поселения у с. Ромош // АО 1975. М.: Наука. С. 344–345.
95. Чуфут-Кале // СИЭ. Т. 16. М. Стб. 101.
96. Эски-Кермен // СИЭ. Т. 16. М. Стб. 599–600.
97. Проблема происхождения и этнической принадлежности Черняховской культуры в свете новых антропологических исследований (по поводу книги Т. С. Кондукторовой «Антропология древнего населения Украины». М. 1972) // Slavia antiqua. Т. XXIII. С. 165–173.
98. Варварские подражания римским золотым монетам в Восточной Европе // Slovenska numizmatika. № IV. С. 11–35.

1977

99. Исследования на Волыни // АО 1976. М.: Наука. С. 314.
100. Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica und Černjachov-Kultur // Symposium «Ausklang der Latène-Zivilisation und Anfänge der Germanischen Besiedlung im Mittleren Donaugebiet». Bratislava. С. 173–200.

1978

101. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М. С. 111–117.
102. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М. С. 147–163.
103. Раскопки поселения у с. Ромош // АО 1977. М.: Наука. С. 340.

1979

104. Раскопки Думановского могильника // АО 1978. М.: Наука. С. 351 (совместно с А. В. Кропоткиным).
105. Рец. на кн.: Em. Nohejlova-Pratova. Zaklady numismatiky. Praha, 1975 // СА. № 4. С. 295–300 (совместно с Н. А. Соболевой).

1980

106. Раскопки Думановского могильника // АО 1979. М. С. 291.
107. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М. С. 12–13.
108. Подготовка научных кадров в Институте археологии АН СССР (1919–1978 гг.) // КСИА. Вып. 163. С. 42–45.

1981

109. Раскопки Думановского могильника // АО 1980. М.: Наука. С. 266–267.

1982

110. Античные воздействия на эволюцию культур в бассейне Среднего Днепра в I тыс. до н. э. и начале I тыс. н. э. // Przemiany ludnościowe i kulturowe I tysiąclecia p. n.e. na ziemiach między Odrą i Dnieprem. Warszawa; Krakow. С. 35–36.

1984

111. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 137–141.
112. Раскопки Думановского могильника // АО 1982. М.: Наука. С. 282–283.
113. Распространение монетных находок в степях и лесостепях Восточной Европы. Карта // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука. Рис. 51. (Археология СССР; т. 1).

1985

114. Находки античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. № 2. С. 242–246 (совместно с М. Ф. Обыденновым).

115. Раскопки Думановского могильника // АО 1983. М.: Наука. С. 299.

1986

116. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. Казань. С. 38–62.
117. Раскопки поселения у с. Ромош // АО 1984. М.: Наука. С. 256.

1988

118. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники Черняховской культуры. М.: Наука. С. 168–184 (совместно с А. В. Кропоткиным).

1990

119. Bulgarian Tenth-century coins in Eastern Europe and around the Baltic (Topography and distribution routs) // Commentationas de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. 6. Sigtuna Papers, Proceedings of the Sigtuna symposium on Viking-age coinage 1–4. June 1989 / Ed. by K. Jonsson and B. Maimer. Stockholm. P. 197–201.
120. О распространении христианства в Северном Причерноморье // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории (до конца XIII в.): тез. докл. на юбилейных чтениях памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М. С. 41–43.

1991

121. Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // Acta Orientalia. Academiai scientiarum Hungaricae. T. XLV, 23. С. 403–423. (совместно с С. В. Гусевым).

2000

122. Дополнение к списку находок римских монет // Stratum plus. № 6. С. 20–117.

О. М. Ворошилова, А. Н. Ворошилов

НЕКРОПОЛЬ ФАНАГОРИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В. В. КРОПОТКИНА[1]

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.43-57

Резюме. Работа посвящена малоизвестному сюжету из биографии В. В. Кропоткина – его участию в исследованиях Фанагории в 1955 г. В статье публикуются результаты раскопок ученого на территории некрополя столицы Азиатского Боспора. На юго-западном некрополе Фанагории в разрушенном карьером кургане была обнаружена и исследована монументальная гробница. Большой каменный склеп, вероятно, обрушился в эллинистическое время при землетрясении, а затем был частично разобран и полностью ограблен. После этого над ним появилась могила римского времени. Обнаруженное архивное фото амфоры из склепа позволяет отнести время постройки гробницы ко второй – третьей четверти IV в. до н. э. Полевая документация этих раскопок свидетельствует о высоком профессионализме тогда еще молодого археолога.

Ключевые слова: Кропоткин Владислав Всеволодович, Северное Причерноморье, Боспор Киммерийский, Фанагория, античность, некрополь, курган, каменный склеп

Поводом для появления данной статьи стал недавний вековой юбилей выдающегося российского археолога Владислава Всеволодовича Кропоткина. Нередко биографии талантливых ученых содержат не одну «сюжетную линию» и, как правило, более яркая из них становится тиражируемой «легендой» жизненного пути человека после его ухода, отодвигая в глубокий полумрак истории те события, которые выпадают из канвы основных вех. Между тем значимость этих конкретных событий человеческой жизни преуменьшать не стоит. Оценить их со стороны невероятно сложно (если вообще возможно), однако многие, казалось бы, не основные события в совокупности играют заметную роль в становлении ученого, формировании его интересов, накоплении опыта, необходимого для развития «основной сюжетной линии» жизни. Не исключено, что к подобным «не первостепенным» историям в жизни Владислава Всеволодовича относится его работа в Фанагории – сюжет малоизвестный для современных продолжателей дела Кропоткина. Речь идет о его участии в работе Фанагорийской экспедиции в далеком 1955 г. На то время археологу исполнилось 33 года, он был относительно молодым, но опытным исследователем, прошедшим крайне непростой жизненный путь и защитившим за два года до этого кандидатскую диссертацию. Не вдаваясь в подробный анализ этого этапа биографии В. В. Кропоткина, позволим себе обратить взор читателя на интересующий нас полевой сезон.

---

[1] Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

Фанагорийская экспедиция 1955 г., по словам ее руководителя М. М. Кобылиной, «была выполнена» с участием нескольких ведущих учреждений страны: Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Института истории искусств Академии наук СССР, Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Московского государственного университета (*Кобылина*, 1955. С. 1).

В полевом отчете экспедиции в перечне представителей Института истории материальной культуры АН СССР упомянут старший научный сотрудник В. В. Кропоткин (*Кобылина*, 1955. С. 1, 46). В обширном списке работ, проведенных экспедицией, отдельным пунктом указаны: «исследования случайно обнажившихся архитектурных остатков… близ железной дороги у хутора Трактового, в карьере, в северо-восточной поле кургана, перерезанного железной дорогой» (Там же. С. 1). Именно этот раздел полевой работы на территории некрополя был доверен начальником экспедиции В. В. Кропоткину. Под его руководством сначала была проведена зачистка в карьере, а затем разбит раскоп. О том, почему именно Владислав Всеволодович стал руководителем раскопок некрополя Фанагории в этом сезоне, доподлинно неизвестно. Однако рискнем предположить, что это могло быть связано с его полевым опытом погребальной археологии Крыма – к тому времени он несколько сезонов самостоятельно проводил раскопки крымских некрополей (*Айбабин*, 2022. С. 185) и обладал необходимой для изучения фанагорийского некрополя квалификацией, о чем не могла не знать М. М. Кобылина. Кроме того, сохранилась информация о его более раннем полевом опыте работы на Таманском полуострове, где он участвовал в раскопках под руководством В. Д. Блаватского в 1951 г.[2]; помимо этого, В. В. Кропоткин упоминается М. М. Кобылиной как участник исследований городища Фанагории в 1954 г. (*Кобылина*, 1954. С. 1). Не вызывает сомнений, что упомянутый выше исследовательский опыт позволял В. В. Кропоткину руководить раскопками объекта, обнаруженного в карьере на кладбище древней столицы Азиатского Боспора.

Источником информации об этих спасательных раскопках в первую очередь служит отчет Фанагорийской экспедиции о работах 1955 г. (*Кобылина*, 1955). Вполне вероятно, что соавтором раздела отчета «Склеп близ железной дороги» (Там же. С. 46–49) мог быть В. В. Кропоткин. Дополнительную информацию, не попавшую в полевой археологический отчет экспедиции, удалось почерпнуть из небольшой серии фотоснимков (изначально депаспортизированных) из архива Фанагорийской экспедиции ИА РАН (рис. 5; 6: *1*; 7: *2*; 8: *2–3*).

Из текста упомянутого отчета следует, что во время работы экспедиции в большом карьере у линии железной дороги, «не доходя хутора Трактóвого»[3],

---

[2] См. статью в сборнике: *Каменецкая Е. В., Кропоткина М. В.* Биография и научное творчество Владислава Всеволодовича Кропоткина.

[3] Вероятно, имелось ввиду – не доходя до хутора со стороны лагеря экспедиции, расположенного на берегу Таманского залива, т. е. указано направление с северо-востока на юго-запад.

была обнаружена каменная кладка. Карьер образовался в результате выборки земли для насыпи железной дороги и находился в северо-восточной поле большого, но сильно распаханного кургана, перерезанного с северо-востока линией железной дороги. Первоначальная форма кургана осталась неясной. Его юго-западная часть была разрушена распашкой и сливалась с поверхностью соседних холмов, а северо-восточная была деформирована при сооружении насыпи железной дороги (рис. 1). Указано, что курган принадлежит к той цепи насыпей, которая протягивается на юго-запад от фанагорийского городища. Отметим, что, скорее всего, речь идет об участке курганного некрополя к западу от Майской горы (Шапурская или Блевака). На археологической карте 1928 г., составленной под руководством Л. П. Харко, эта часть некрополя Фанагории обозначена как юго-западный некрополь (*Кузнецов*, 2013. Рис. 10).

Как сказано в отчете, «под руководством ст. научн. сотрудника ИИМК В. В. Кропоткина» (*Кобылина*, 1955. С. 46) была произведена зачистка хорошо сохранившегося юго-западного борта карьера, а затем с целью «выяснения кладки» был разбит раскоп (рис. 2–3). В результате стало понятно, что кладка принадлежала каменному склепу, основательно разрушенному и совершенно ограбленному (рис. 2; 4). Хотя курган был очень деформирован, не вызывало сомнений, что каменная гробница находилась не в центре, а в поле кургана. Склеп на 1,3 м был впущен в материк, который представлял собой чередующиеся слои песка и глины, залегающие косыми пластами (рис. 5: *2*; 7: *1*). На поверхности материка была отмечена корка железняка. Глубина залегания материка от современной поверхности кургана или же самых верхних камней наиболее хорошо сохранившейся западной стены – 0,85 м.

Судя по сохранившемуся контексту, склеп был однокамерным. Длина архитектурного сооружения с внешней стороны составляла 5,5 м, ширина – 3,8 м, с внутренней стороны – 4,7×2,7 м[4]. Склеп ориентирован с юга-юго-востока на север-северо-запад. От конструкции сохранились остатки трех стен и северо-западный угол с фрагментом стены, где располагался вход. Наибольшая высота кладок сохранилась с западной-юго-западной стороны усыпальницы, где уцелели пять рядов каменной кладки высотой до 1,3 м. Вход в склеп находился в торцевой стене на севере-северо-востоке.

К сожалению, стена, в которой был организован проход, не уцелела. Однако сохранился небольшой фрагмент кладки северной стены, примыкавший к западной стене и формировавший северо-западный угол склепа. К сожалению, автору чертежа склепа (прямо на нем указано, что он выполнен А. Б. Михайловым 24 августа 1955 г.) не удалось передать форму и конструктив этого важного элемента архитектуры сооружения (рис. 2; 4). В описании сказано, что интересующий нас угол постройки по внутренней стороне северной стены достигал длины 0,2 м, его

[4] Описание размеров гробницы разнится с чертежом склепа. Здесь мы приводим цифры в соответствии с чертежной документацией.

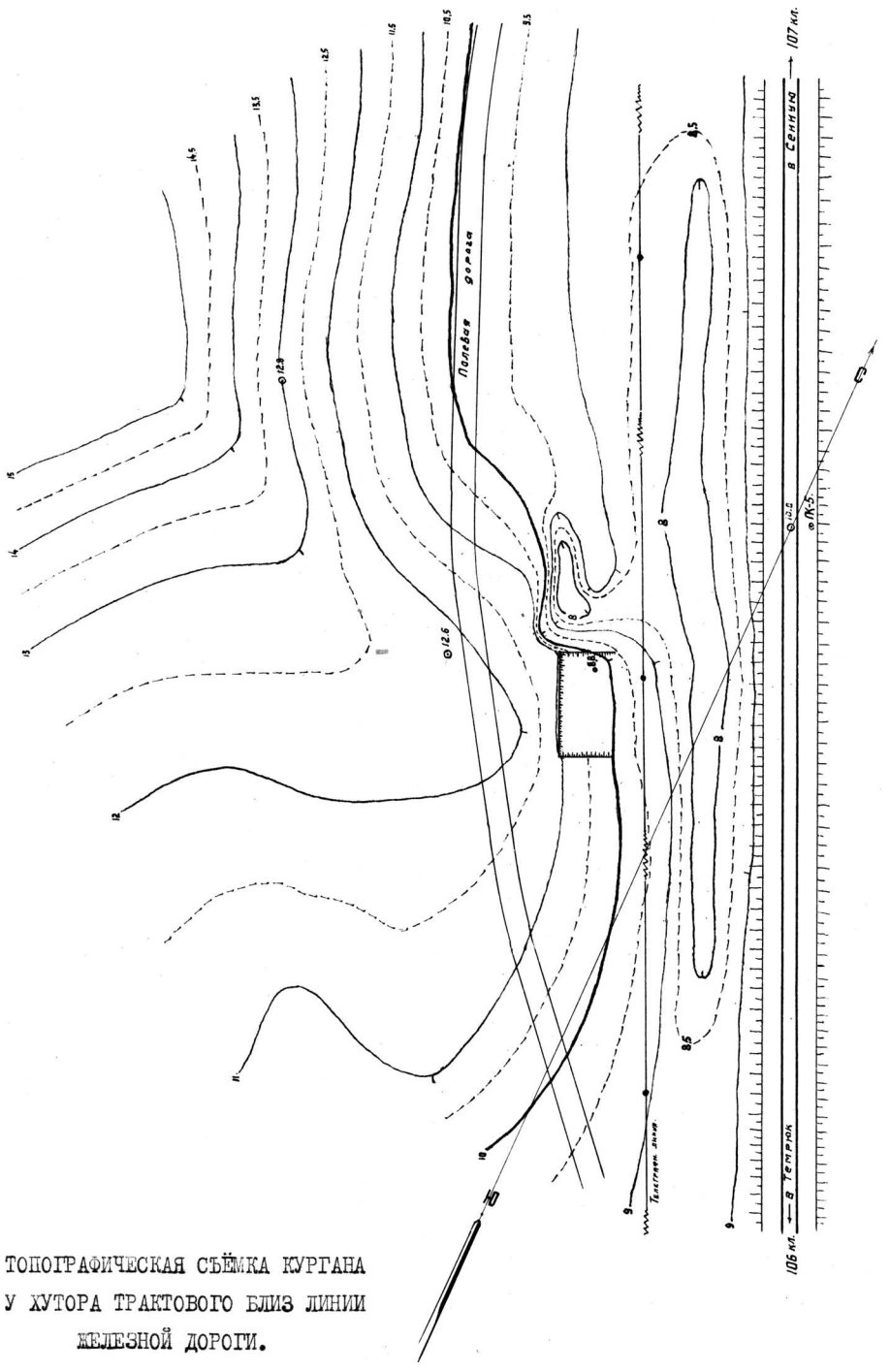


Рис. 1. Некрополь Фанагории. Топографическая съемка кургана у хутора Трактового

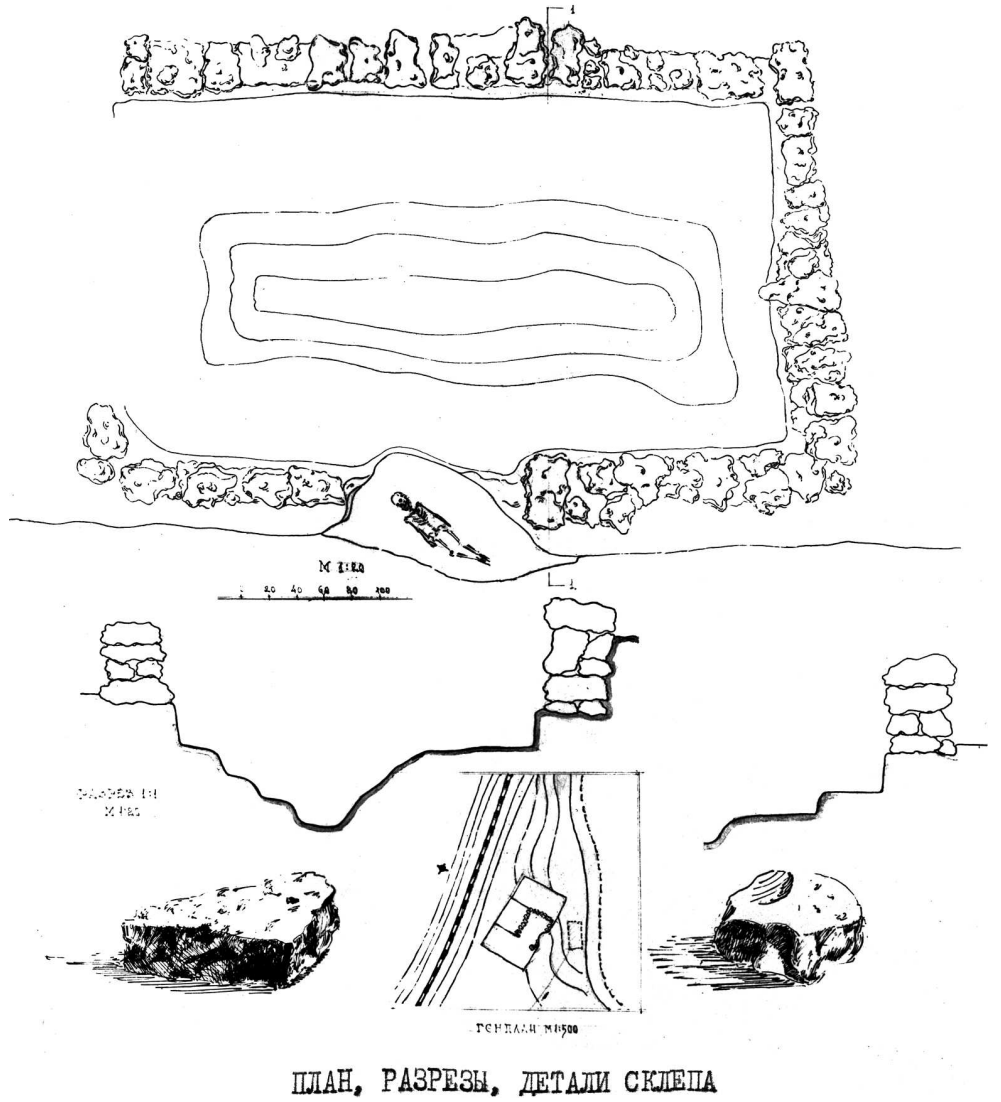


Рис. 2. Страница полевого отчета с чертежами

сохранившаяся высота достигала 1,3 м. Благодаря детализированным фотографиям этой части конструкции удалось установить, что вертикальный край небольшого участка северной стены был изначально выстроен ровным и, похоже, формировал западную часть проема входа в погребальную камеру (рис. 5; 7; 8: *1*). Принимая во внимание ширину склепа и обычные для таких сооружений размеры входа, можно довольно уверенно предположить, что вход в склеп находился не в центре северной стены, а был смещен максимально к западу, оставляя удобное пространство для установки саркофагов вдоль восточной стены.

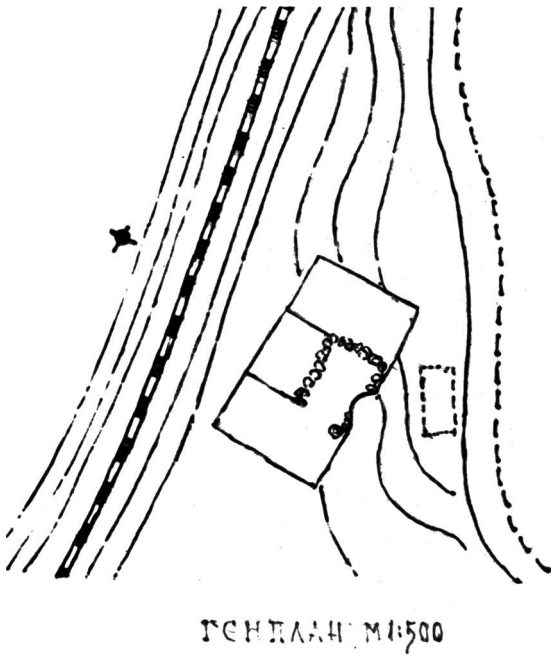


Рис. 3. План раскопа В. В. Кропоткина в Фанагории

Вопрос о том, как был оформлен проход в склеп за пределами камеры, авторы раскопок оставили открытым, так как эта часть кургана, прилегающая с севера-северо-запада к склепу, была уничтожена огромной ямой котлована. Опираясь на опыт недавних раскопок подобных монументальных гробниц Фанагории, рискнем предположить, что дромос, ведущий в камеру склепа, был выполнен в форме вертикальной шахты.

Анализируя конструкцию склепа, необходимо обратить внимание на описание кладок. По мнению исследователей, сохранившиеся кладки, относящиеся к стенам склепа, выполнены весьма небрежно: камни лежат неплотно один к другому, между ними есть пустоты; обращают на себя внимание нестойкие углы сооружения; камни подтесаны только с внутренней стороны, притом довольно плохо. С внутренней стороны склепа камни кладок стен имеют более или менее правильную четырехугольную форму и более или менее одинаковые размеры. Но если смотреть сверху или с внешней стороны кладок, становится очевидным различие этих камней: есть длинные прямоугольные блоки известняка, есть треугольные с острыми углами; местами промежутки между камнями заложены мелким бутом. Размеры камней: 0,46×0,30×0,28 м; 0,50×0,37×0,28 м и др. Выделяются только два более тонких, неправильной формы, сильно оббитых и бесформенных камня песчаника (0,40×0,25×0,10 м и 0,31×0,35×0,281 м).

Соглашаясь с общей оценкой низкого уровня каменной кладки стен гробницы, отметим, что на фотографиях видны свидетельства довольно тщательной

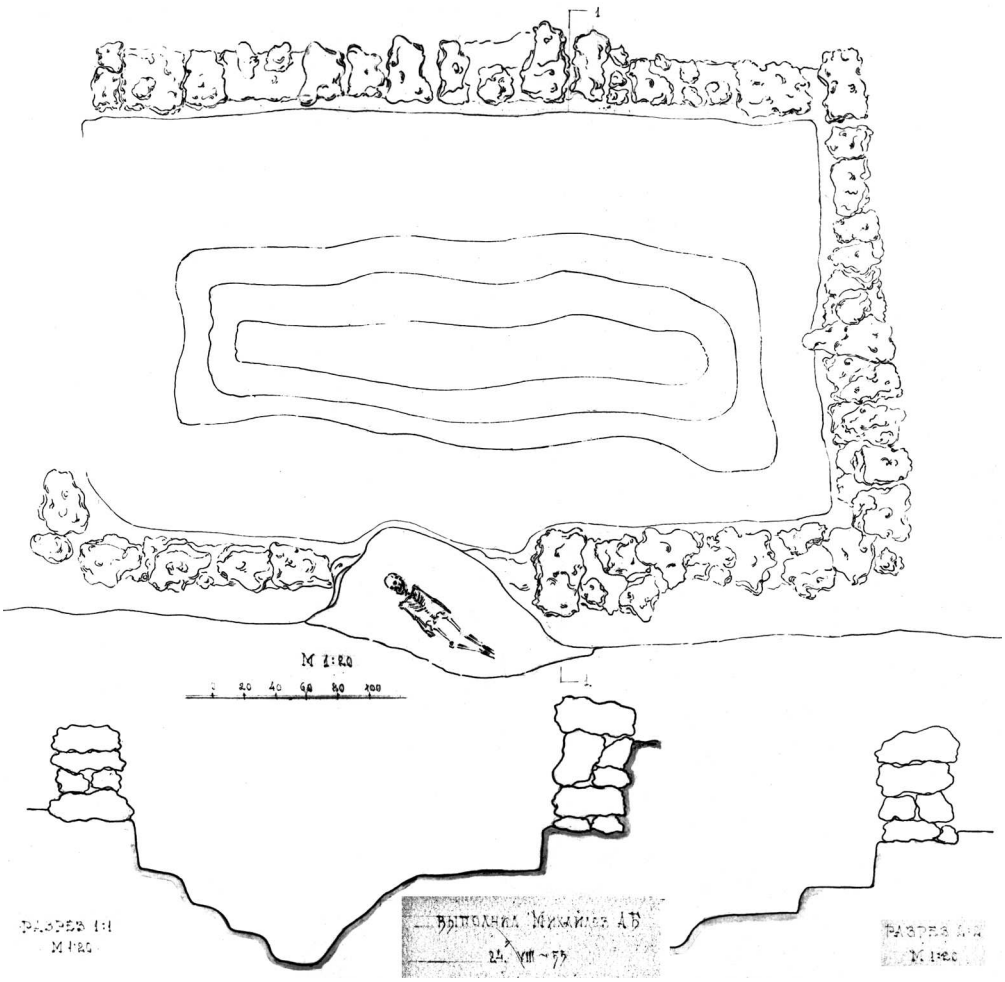


Рис. 4. Чертежи каменного склепа

подгонки известняковых блоков «по месту» (рис. 5–7). Не вызывает сомнений, что процесс подтески осуществлялся непосредственно на строительной площадке. При этом прямоугольная форма блоков зачастую приносилась в жертву ради плотности кладки, элементы которой тем не менее выстраиваются в весьма явные горизонтальные ряды (рис. 8: *1*). При этом внутренняя поверхность стен действительно была преднамеренно выровнена в вертикальную плоскость.

Описанные особенности кладки каменных стен наталкивают на мысль о возможном использовании строителями штукатурки. Ведь это позволило бы нивелировать неблагоприятный визуальный эффект от использования не традиционных прямоугольных и хорошо обработанных блоков, а камней разной формы и размера. Однако археологические реалии не подтверждают этой гипотезы –

Рис. 5. Фотографии раскопа В. В. Кропоткина в Фанагории.
1 – общий вид склепа; *2* – западная стена склепа и погребение № 1

Рис. 6. Фотографии раскопа В. В. Кропоткина в Фанагории.
1 – восточная стена склепа; *2* – южная стена склепа

Рис. 7. Фотографии раскопа В. В. Кропоткина в Фанагории.
1–2 – западная стена склепа

Рис. 8. Фотографии раскопа В. В. Кропоткина в Фанагории. *1* – западная стена склепа (деталь); *2* – амфора в яме в полу склепа; *3* – развал амфоры *in situ*

остатков или следов штукатурки в камере склепа не обнаружено. Только при первоначальном обследовании карьера в районе склепа на поверхности был найден небольшой фрагмент (1 см длиной) штукатурки белого цвета. Он не может считаться свидетельством того, что камера склепа была внутри оштукатурена: в этом случае множественные фрагменты штукатурки были бы обнаружены в заполнении гробницы и рядом с ней. Единичный случай обнаружения малого фрагмента штукатурки с высокой степенью вероятности может свидетельствовать о вторичном использовании более раннего оштукатуренного блока при строительстве каменной гробницы. О вторичном использовании всего известняка в стенах склепа недвусмысленно говорят форма и размеры блоков.

Внутреннее пространство каменного склепа заполнял турбированный грунт, содержавший отдельные перемещенные блоки известняка, в полной мере соответствующие камням из сохранившихся стен сооружения.

По мнению исследователей, склеп был разрушен еще в эпоху античности. В качестве доказательства приводится погребение, открытое над остатками западной стены склепа на глубине 0,9–1 м от поверхности кургана. Форму могилы проследить не удалось, что является вполне закономерным явлением для многих комплексов Фанагории, какое-то время располагавшихся неглубоко от поверхности. В подобных ситуациях интенсивный для южных регионов процесс почвообразования, преобразуя грунты в почву, не позволяет выявить конструктивные особенности грунтовых могил.

Обнаруженный скелет человека лежал в вытянутом положении, головой на север (рис. 4; 5: *2*; 7) с небольшим отклонением к востоку; около левого плеча был найден обломок лакримария II в. н. э. из прозрачного стекла[5]. Часть стены склепа, находящаяся под могилой, была разрушена не во время ее постройки, а значительно раньше. Свидетельство тому – значительный слой земли (мощностью около 60 см) между дном могилы и остатками кладки.

Вдоль продольной оси склепа, в его перерытом полу, была обнаружена яма (рис. 4; 6). Ее края и дно были неровными. Наибольшие размеры ямы: длина – 3,9 м, ширина – 1,2 м, глубина – 0,6 м. Авторы отчета высказали предположение о возможном происхождении этого объекта, обозначив, что здесь грабители могли искать сокровища.

Из отчета мы знаем, что при расчистке ямы были найдены незначительные остатки дерева – возможно, от саркофага. Основная масса находок, обнаруженных при расчистке склепа, относится к IV в. до н. э. (фрагменты амфор и чернолаковых сосудов), но было и несколько чернолаковых фрагментов, которые могут быть отнесены к III в. до н. э.

К сожалению, какие-либо изображения найденных археологических предметов в отчете отсутствуют, что не позволяет оценить корректность хроноло-

[5] Приведена интерпретация авторов раскопок, изображение бальзамария не сохранилось.

гических определений на современном уровне. В этом контексте большой удачей стала обнаруженная в архиве экспедиции фотография расчищенной в яме амфоры (рис. 8: *2–3*). На ней довольно хорошо виден развал тарного сосуда *in situ*. Аннотация фото, сделанная карандашом на обороте карточки, не оставляет сомнений в локализации находки: «Южн. часть склепа. Разбитая амфора в яме». Фотография фиксирует довольно внятную ситуацию с развалом амфоры в одном горизонте, который состоит из трех основных элементов – горла с ручкой, тулова во фрагментах и относительно целой нижней части тулова амфоры с хорошо видимой ножкой. Именно последняя деталь имеет решающее значение для атрибуции сосуда[6].

Судя по фотографии, в склепе была найдена амфора о. Хиос. Согласно типологии хиосских амфор, предложенной С. Ю. Монаховым, данный сосуд можно отнести (насколько это позволяет источник информации – фотография *in situ*) к коническому типу V, т. е. это амфора с коническим туловом и колпачковой ножкой (*Монахов*, 2003. С. 12). Судя по форме ножки, сосуд из склепа принадлежит к самому распространенному варианту хиосской тары конического типа (вариант V-B). Появляются эти амфоры не раньше рубежа V–IV вв. до н. э. и господствуют в хиосском амфорном производстве почти столетие (Там же. С. 20–21). Наиболее близкими по форме сосудами можно признать: амфору 70-х гг. IV в. из погребения 2 кургана № 4 Никонийского некрополя (Там же. Таб. 11: *6*), сосуд из погребения 29/1936 херсонесского могильника (Там же. Таб. 12: *1*), амфору 40-х гг. IV в. из кургана № 8 группы «Чередниковой Могилы» (Там же. Таб. 12: *3*). Общая хронология этих сосудов лежит в границах второй – третьей четверти IV в. до н. э. (Там же. С. 22).

Опираясь на наблюдения авторов отчета и разработанную хронологию хиосских амфор, можно уверенно говорить о том, что склеп был построен в IV в. до н. э. С учетом датировки амфоры из ямы в полу склепа, рискнем сузить временной створ появления гробницы до второй – третьей четверти IV в. до н. э.

Упомянутые в отчете сосуды III в. до н. э. свидетельствуют об использовании монументального склепа на протяжении довольно длительного времени. Верхнюю границу эксплуатации гробницы позволяет конкретизировать расчищенное над западной стеной усыпальницы погребение. Упомянутая находка в нем стеклянного бальзамария неустановленной формы позволяет отнести этот комплекс к римскому времени: в любом случае не ранее рубежа эр, а по мнению авторов отчета – ко II в. н. э. Ситуация под могилой указывает на то, что к моменту совершения этого захоронения монументальный склеп уже давно был разрушен и на его месте сформировался открытый позже археологами контекст. Эта ситуация косвенно свидетельствует в пользу гибели гробницы еще в эллинистическое время.

---

[6] Авторы искренне признательны Алексею Андреевичу Завойкину за экспертное мнение и помощь в атрибуции амфоры.

Причины разрушения гробницы доподлинно не известны, впрочем, как и конструкция ее перекрытия. Наиболее вероятным сценарием гибели усыпальницы выглядит тектоническая активность, характерная для этого региона. Многочисленные свидетельства землетрясений мы отмечаем при раскопках прежде всего монументальных погребальных сооружений, архитектура которых сохраняет следы их влияния. Фатальность одного из подземных толчков для открытого В. В. Кропоткиным комплекса можно объяснить довольно посредственным материалом его стен и в целом кладки, не устоявшей перед сейсмическим воздействием.

Полностью реконструировать архитектуру склепа не представляется возможным, однако хронология гробницы способствует попытке исключить из возможных вариантов устройства перекрытия полуциркульный свод, который распространяется на Боспоре в более позднее время. Между тем необходимо отметить, что планировка камеры склепа в виде вытянутого прямоугольника со входом в торцевой стене в целом располагает к рассмотрению такой гипотезы. Внушительная ширина усыпальницы делает наличие здесь прямого перекрытия маловероятным, так как для этого потребовались бы дорогие плиты длиной не менее 3 м, что не соответствует скромному качеству стен, сложенных в том числе из вторично использованного известняка. Оставшийся вариант с уступчатым сводом также не является бесспорным – достоверных свидетельств его существования у нас нет. В целом стоит признать, что этот вопрос пока остается открытым. Аргументов в пользу уступчатой конструкции не больше, чем у варианта с полуциркульным сводом (тогда этот склеп может быть одним из ранних подобных сооружений на Боспоре).

Здесь, вероятно, стоит попытаться объяснить отсутствие полного комплекта блоков свода и верхней части стен в заполнении рухнувшей камеры склепа. Как раз эти элементы древней конструкции могли бы стать ключом к пониманию всей архитектуры гробницы, но они были намеренно изъяты из заполнения. Наиболее вероятным объяснением их исчезновения представляется разбор верхней части рухнувшей постройки еще в древности – возможно, сразу после обрушения – с целью добычи дефицитного на Азиатском Боспоре строительного камня. Совокупность выявленных археологических ситуаций свидетельствует в пользу того, что разбор завала и частичный демонтаж каменных конструкций гробницы произошли в конце эллинистического периода.

В завершение хотелось бы вернуться к личности автора раскопок в контексте проведенных им исследований некрополя Фанагории. Дошедшие до нас тексты и изображения позволяют говорить о профессионализме Владислава Всеволодовича как полевого исследователя. Для небольшого по меркам античной археологии раскопа был создан обширный для своего времени пакет визуальной информации: топографический план местности (рис. 1), генплан раскопа (рис. 3), план и разрезы склепа (рис. 2, 4), представительная серия фотоматериалов с общей ситуацией и деталями раскопа (рис. 5–8). Текст подробно фиксиру-

ет почти все археологические контексты, открытые в ходе исследования некрополя Фанагории в 1955 г. В целом обращает на себя внимание высокий для того времени уровень проведения раскопок с последующей фиксацией полученных результатов, внимание к деталям и скрупулезная работа с источником – свойственные, впрочем, для всех научных работ В. В. Кропоткина.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 2022. Проблемы истории раннесредневекового Крыма в трудах В. В. Кропоткина // РА. № 4. С. 184–188.

Кобылина М. М., 1954. Отчет о раскопках Фанагории в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1010.

Кобылина М. М., 1955. Отчет о раскопках Фанагории в 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1420, 1421.

Кузнецов В. Д., 2013. Фанагория: некоторые итоги исследований // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1 / Отв. ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 12–41. (Материалы по археологии и истории Фанагории; вып. 1).

Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов: Киммерида: изд-во Сарат. ун-та. 352 с.

O. M. Voroshilova, A. N. Voroshilov

THE NECROPOLIS OF PHANAGORIA IN V. V. KROPOTKIN'S RESEARCH

Abstract. This article explores a lesser-known episode from V. V. Kropotkin's biography – his participation in the 1955 research of Phanagoria. The article presents the results of his excavations at the necropolis of the capital of the Asiatic Bosporus. In the southwestern necropolis of Phanagoria, a monumental tomb was discovered and studied in a mound partially destroyed by quarrying. The large stone crypt likely collapsed during a Hellenistic-era earthquake and was subsequently partially dismantled and thoroughly looted. Later, a Roman-era grave appeared above it. An archival photograph of an amphora from the crypt dates the construction of the tomb to the second to third quarter of the 4th century BC. Field documentation from these excavations highlights the professionalism of the then-young archaeologist.

Keywords: Vladislav Vsevolodovich Kropotkin, Northern Black Sea region, Cimmerian Bosporus, Phanagoria, antiquity, necropolis, mound, stone crypt

В. В. Гурулева

«КЛАДЫ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ СССР» В. В. КРОПОТКИНА И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИСТРАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ НАХОДОК МОНЕТ ВИЗАНТИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.58-72

Резюме. В статье дается оценка исследованию византийских монет в топографиях В. В. Кропоткина в контексте сложившихся к середине XX в. научных взглядов на их место и роль в культуре Древней Руси. Приводятся данные о новых находках и об изменениях в атрибуциях ряда монет, произошедших за последние годы в результате появления фундаментальных работ, посвященных византийской нумизматике. Ставится вопрос о необходимости создания электронной базы данных находок византийских монет, включающей в себя как ранее опубликованные, так и новые памятники.

Ключевые слова: В. В. Кропоткин, Древняя Русь, византийские монеты, топография, база данных

Топография находок византийских монет на территории СССР, составленная В. В. Кропоткиным (1922–1993), – это, бесспорно, важное научное достижение не только для XX в.; она остается актуальной и востребованной и в XXI в. (*Кропоткин,* 1962; 1965. С. 166–189). Любое исследование, связанное с проблемами монетного обращения Древней Руси и сопредельных стран, традиционно начинается с этого труда (рис. 1).

В. В. Кропоткин обобщил разрозненные известия о находках византийских монет, имевшиеся в многочисленных публикациях – как научных, так и краеведческих; учел данные существовавших на то время топографий кладов и публикаций единичных находок; ввел в научный оборот ранее не публиковавшиеся сведения.

Впервые целенаправленное создание топографии кладов и единичных находок монет на территории России было инициировано нумизматами Петрограда и Москвы: А. А. Ильиным (1857–1942), А. К. Марковым (1858–1920), Н. П. Бауером (1888–1942), А. В. Орешниковым (1855–1933) – и активно велось в 1920–1930 гг. сначала в Комиссии по нумизматике и глиптике Академии истории материальной культуры, где сосредоточилась научная деятельность этих исследователей, а после закрытия Комиссии – в стенах Эрмитажа и ГИМа (*Гурулева,* 1997. С. 42–52). В рамках общей работы Н. П. Бауер подготовил сводку находок византийских монет. Милиарисии, входившие в состав кладов, где преобладали западноевропейские монеты, были опубликованы им в Германии (*Bauer,* 1929. S. 1–87; 1930. S. 188–210). Все же известные на то время находки византийских монет исследователь проанализировал в двух разделах второй главы докторской диссертации, написанной в конце 1930-х гг., защитить которую он так и не смог: в июле 1942 г. он был арестован и расстрелян (*Гурулева,* 1994. С. 117–126; *Гайдуков,* 2002. С. 65–72; 2014. С. V–CXX).

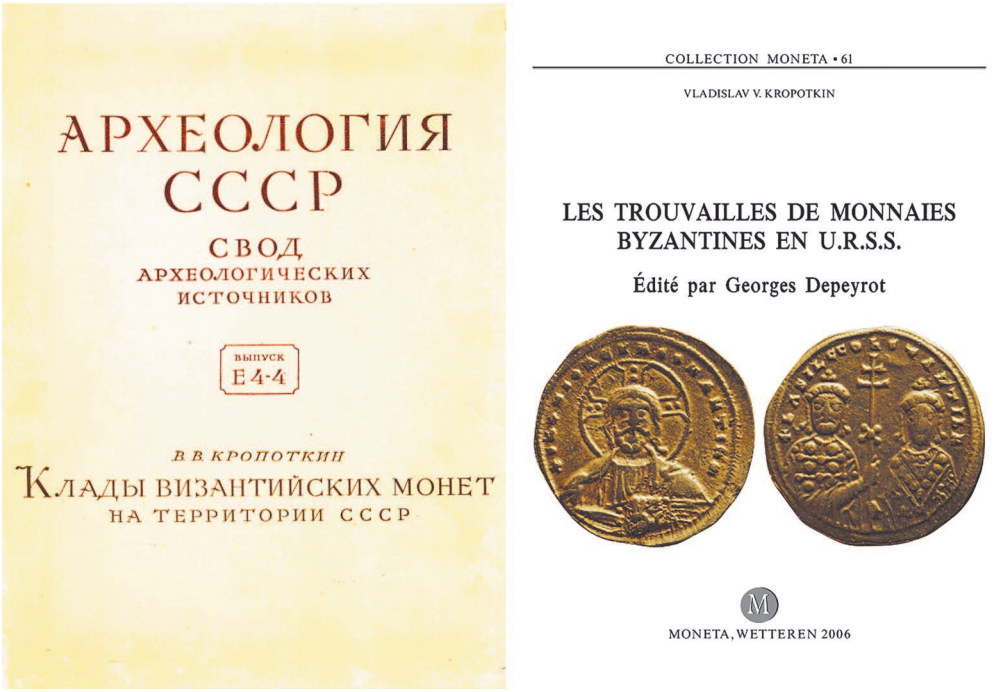


Рис. 1. Издания свода В. В. Кропоткина «Клады византийских монет на территории СССР»

Диссертация Н. П. Бауера, сопровождаемая большими вступительными статьями, комментариями и указателями, была подготовлена к печати стараниями П. Г. Гайдукова и издана в 2014 г. (*Бауер,* 2014). Необходимость более подробно остановиться в настоящей статье на суждениях Н. П. Бауера вызвана тем обстоятельством, что они оказали большое влияние на взгляды последующих исследователей.

По мнению Н. П. Бауера, которое в настоящее время разделяют многие исследователи, византийские милиарисии участвовали в денежном обращении Руси наряду с восточными дирхамами и западноевропейскими денариями[1]. Признавая, что в IX–X вв. население Киевской Руси было знакомо с византийской чеканкой, причем с выпусками из всех трех монетных металлов, Н. П. Бауер, тем не менее, считал, что малочисленность находок не позволяет говорить о полном внедрении византийских монет в древнерусскую жизнь. В опубликованном исследователем списке золотых и медных монет, а также выпусков из сплавов серебра XI–XII вв. насчитывается 56 золотых и 69 медных монет из 79 мест находок (*Бауер,* 2014. С. 224–232). Возможной причиной малочисленности золотых монет была, по мнению Н. П. Бауера, их слишком высокая

[1] В этом он был солидарен и с первым обратившем внимание на роль милиарисиев на Руси академиком А. А. Куником (1814–1899) (*Куник*, 1860. С. 7).

стоимость для примитивных потребностей формирующегося общества. Золото предпочитали использовать в виде утвари и украшений, возможно, слитков, но лишь с целью накопления, а не оборота. Медь же была еще менее пригодна, но уже вследствие ее незначительной стоимости. Поэтому медные монеты расценивались исследователем как своего рода курьезы, случайно завезенные на Русь после заграничного путешествия (Там же. С. 233–234).

Важный труд по топографированию, определению и анализу значимости кладов и единичных находок монет для изучения денежного обращения Кавказского региона (где фиксировались и византийские монеты, найденные в Краснодарском и Ставропольском краях) принадлежит Е. А. Пахомову (1880–1965) (*Пахомов,* 1926–1966).

Византийские монеты, по большей части золотые, входившие в состав вещевых кладов, описаны в монографии Г. Ф. Корзухиной (1906–1974) (*Корзухина,* 1954).

Перечисленные труды стали теми основными опорами, на которых В. В. Кропоткин начинал создавать топографию. Важно отметить, что, работая в архивах, он изучил в числе других документов рукопись диссертации Н. П. Бауера (существовали две машинописные копии – одна в архиве Эрмитажа, другая – с авторскими правками – в ИИМК (РО НА ИИМК РАН. Ф. 41. Д. 2)). В. В. Кропоткин не только учел все наработки Н. П. Бауера, но и имел мужество сослаться на труд опального ученого, имя и заслуги которого замалчивались многие годы, даже в период «оттепели». Н. П. Бауер был реабилитирован только в 1989 г.

В. В. Кропоткин фиксировал сведения о находках на карточках, вырезанных из листов бумаги (иногда тетрадных), размером со стандартный почтовый конверт (рис. 2). Они хранятся ныне в архиве Института археологии РАН (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Фонд 64 «Владислав Всеволодович Кропоткин». Опись 1. Папка 21–23). Картотека пополнялась и после публикаций основной топографии и дополнения к ней. По приблизительным подсчетам в ней появилось около 80 новых карточек, последние из которых датированы 1991 г. В ряде случаев описания монет сопровождались их карандашными протирками или фотографиями, а также вырезками из газет с сообщениями о находках кладов. Любопытно, что на карточке, где описана находка Анастасиевского (Славянского) клада, обнаруженного в 1989 г. в Славянском районе Краснодарского края, наклеена вырезка из газеты «Правда» от 8 сентября 1989 г., содержание которой является апелляцией в высшую инстанцию финансовых органов, связанной с задержкой выплаты вознаграждения находчикам клада. Приведу ее полностью: «Начальнику отдела учета и расчетов Гохрана СССР Н. Высребенцевой. 7 мая наша рисоводческая бригада нашла клад – 207 золотых монет общим весом 730 граммов. Находка была сдана мною местному представителю управления внутренних дел и теперь находится в Краснодарском археологическом музее. Нам сказали, что монеты относятся к VII–VIII векам н. э. Мы обращались в районные и областные финансовые органы с вопросом об оценке

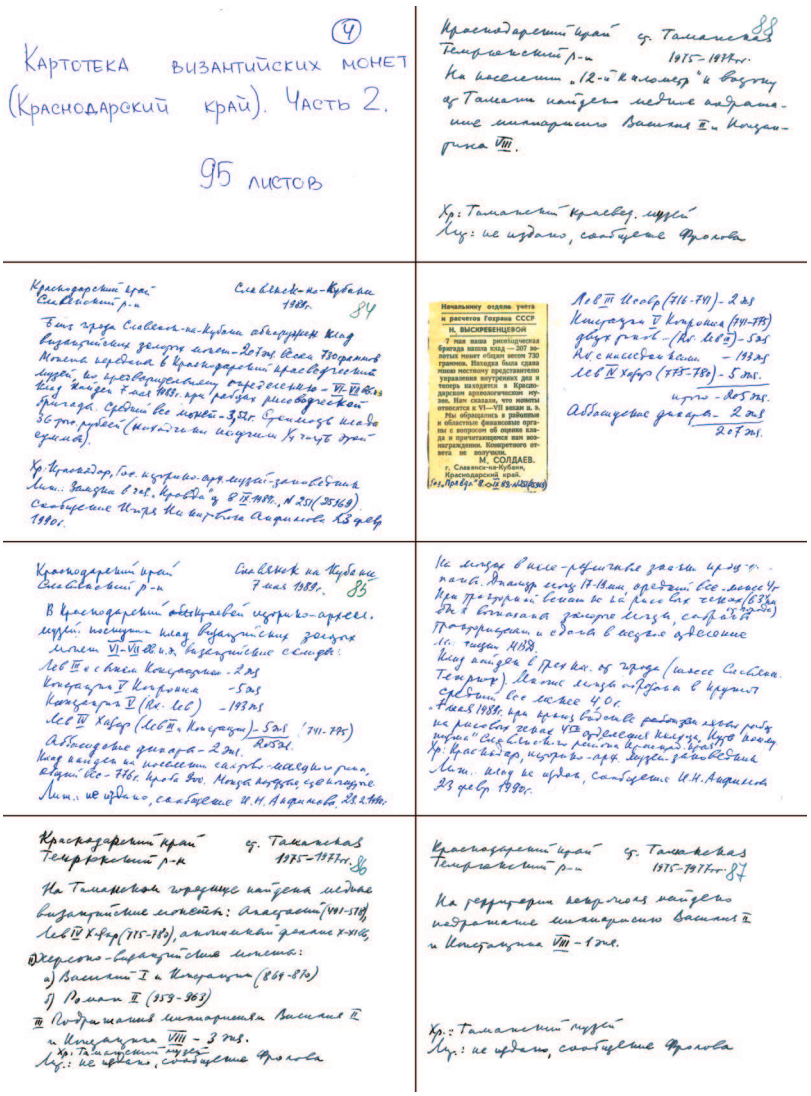


Рис. 2. Карточка из картотеки В. В. Кропоткина, которая фиксирует находку Анастасиевского (Славянского) клада в архиве ИА РАН

клада и причитающемся нам вознаграждении. Конкретного ответа не получили. М. Солдаев. Славянск-на-Кубани. Краснодарский край» (Научно-отраслевой архив ИА РАН. Фонд 64. Опись 1. Папка 21. Конверт 4. Л. 84 об.).

Помимо сведений о новых находках, В. В. Кропоткин вносил в картотеку дополнения к опубликованным данным. На некоторых карточках имеются приписки другими чернилами с разного рода информацией: ссылки на новую литературу и каталоги коллекций Британского музея и Дамбартон Оукс, уточнения прежних определений, метрологические данные, более подробные описания состава кладов.

Труд В. В. Кропоткина определил методику работы с такого рода источниками, как клады, – важную для историков, археологов и нумизматов. На основе анализа фактического материала В. В. Кропоткин выстроил периодизацию кладов и единичных находок византийских монет, проследил основные пути их проникновения на Русь, изучил характер и особенности древнерусского денежного обращения. Византийские серебряные монеты попадали в Восточную Европу, по мнению В. В. Кропоткина, различными путями. В южные регионы они проникали непосредственно из Византии, а в северные области Руси – как с юга, из Поднепровья, так и с запада – из Польши, Прибалтики, Скандинавии. Свидетельством в пользу существования западного пути служат, как считал исследователь, скандинавские подражания византийским милиарисиям (*Кропоткин,* 1962. С. 17).

Примеры подражаний византийским монетам XI в., сведения о которых появились после издания труда В. В. Кропоткина, подтверждают возможность функционирования днепровского пути на север и в более позднее время. Речь идет о группе датских имитаций, появление которых исследователи связывают с сокровищами, привезенными Харальдом Хардрадой на родину после возвращения из Константинополя через Киев (*Grierson,* 1966. P. 129–130; *Jensen,* 1995. P. 23–24, 30–31; *Джаксон* 2000. С. 148).

Говоря о роли византийских монет на Руси, В. В. Кропоткин присоединялся к мнению А. А. Куника и Н. П. Бауера о том, что серебряные милиарисии, хотя и составляли в кладах очень маленький процент по отношению к восточным и западноевропейским монетам, тем не менее, наравне с ними принимали участие в денежном обращении на Руси. С прекращением поступления восточного серебра в южнорусские княжества в начале XI в. там, по мнению В. В. Кропоткина, активизировалось обращение византийских золотых и медных монет: первые обслуживали крупную международную торговлю, а медь заменила исчезнувшее серебро (*Кропоткин,* 1961. С. 14, 17).

Этот вывод поддержал киевский археолог В. Н. Зоценко (1953–2009). К сожалению, в его работе много ошибок и досадных неточностей, затрудняющих правильное понимание сути дела. Так, например, основываясь на неверной интерпретации данных письменных источников, автор объявляет византийские медные монеты XI–XII вв. международной валютой (*Зоценко,* 1991. С. 74), что не соответствует действительности (*Гурулева,* 2013. С. 17–18).

Гипотеза Н. П. Бауера и В. В. Кропоткина об участии византийских милиарисиев в денежном обращении Древней Руси была детально обоснована в работе Томаса Нунена (1938–2001). Его выводы построены на всестороннем анализе составленной В. В. Кропоткиным топографии находок кладов византийских монет в Восточной Европе, ставшей основным источником для американского исследователя. Что касается золотых и медных монет, автор отрицает их участие в денежном обращении Руси, хотя и отмечает, что они попадали в Киевскую Русь в значительно больших количествах, чем арабские динары и фельсы (*Noonan,* 1980. P. 143–180). Трудно согласиться с мнением Т. Нунена,

высказанным в другом его исследовании, что золотые и медные монеты попадали в Киев лишь в качестве сувениров (Idem, 1987. P. 398).

Обоснованная критика выводов Т. Нунена о прекращении с середины XII в. поступления византийских монет в Восточную Европу звучит в работе А. Е. Мусина, где монеты рассматриваются в контексте всех византийских памятников из находок на территории Древней Руси, известных в настоящее время (*Musin,* 2020. P. 83–85).

Новый материал, накопившийся за прошедшие десятилетия, позволяет развить, уточнить, а иногда и пересмотреть некоторые выводы, сделанные в труде В. В. Кропоткиным. В первую очередь необходимо признать, что оценка В. В. Кропоткиным роли византийских золотых монет как основного платежного средства в международной торговле (*Кропоткин,* 1961. С. 14) оказывается ошибочной. Византийские монеты, найденные в Восточной Европе, не следует рассматривать как показатели торговых отношений между населяющими ее народами и Византией. Законодательные акты и другие византийские официальные документы свидетельствуют о запрете на вывоз золота из империи как для иностранцев, так и для самих византийцев (Codex Justinianus. 4.63.2), распространение этого запрета на серебро прослеживается в «Книге эпарха» (Византийская книга Эпарха. 1962. II, § 4). Такие монеты легально оказывались вне пределов ромейской державы в качестве даров, выкупов пленных и денежных выплат варварским вождям, производимых византийскими императорами по разным причинам. Дары и выплаты варварам прослеживаются почти на всем протяжении истории Византии (*Constantinus Porphyrogenitus,* 1829. P. 597–598; *Константин Багрянородный*, 1989. С. 39, 55; *Kovačevič,* 1962/1963. P. 126; *Hendy*, 1985. P. 263) Попадая в инокультурную среду, золотые монеты зачастую теряли свою платежную функцию, превращаясь в средство накопления сокровищ, сырье для изготовления ювелирных изделий или использовались в качестве элементов украшений, знаков отличия, предметов личного благочестия.

Практиковались и нелегальные способы вывоза драгоценных металлов, к коим относятся и монеты, иначе не появлялись бы законодательные запреты. Одна из статей в «Книге эпарха» гласит: «Если кто из аргиропратов обнаружит, что женщина занимается продажей золотых или серебряных вещей, жемчуга и драгоценных камней, он должен об этом заявить эпарху, чтобы эти предметы не были переправлены иностранцам» (Византийская Книга эпарха. 1962. II, § 4). М. Я. Сюзюмов в комментарии к этому параграфу приводит также агиографические свидетельства о том, что на рынке в Константинополе имелись торговки мелким галантерейным товаром – «патрии», которые при случае могли поспособствовать иностранцам приобрести запрещенные к вывозу ценности (Там же. С. 131). По-видимому, нелегально единичные монеты попадали на Русь в кошельках купцов, дружинников, паломников, духовенства (в том числе и греческого), переселенцев из Византии, но приоритетным условием для этого было персональное пребывание людей в Византии.

Новые находки постепенно заполняют и те временные лакуны, на которые указывал В. В. Кропоткин, имея в виду отсутствие или крайнюю редкость на территории Восточной Европы византийских монет VIII–IX и XII–XV вв.

В задачи нынешней работы не входит полный обзор нового материала, приведу лишь наиболее важные и порой необычные находки.

Говоря о монетах VIII в., следует в первую очередь упомянуть клад солидов императоров-иконоборцев Льва III (717–741), Константина V (741–775), Льва IV (775–780), Константина VI и Ирины (780–797), найденный в 1989 г. неподалеку от станицы Анастасиевской Славянского района Краснодарского края (*Гурулева, Кулешов, Юрченко,* 2011. С. 136–186). Депозит насчитывает более 250 выявленных на сегодняшний день монет; он относится ко времени союзнических отношений Византии с Хазарским каганатом и является примером легальных выплат.

Существенно возросло количество медных монет – как найденных в ходе раскопок, так и из подъемного материала, – что побуждает нас к пересмотру их роли в культуре, а может быть, и в денежном обращении Древней Руси.

Важными для нашего исследования являются публикации археологов, которые изучают византийские монеты, найденные во время раскопок конкретных памятников – например, Гнёздово. На сегодняшний день там преобладают находки медных выпусков. В отличие от золотых и серебряных, среди которых все без исключения имеют следы «второй жизни» (т. е. они служили статусными украшениями или оберегами), медные монеты использовались не только в этом качестве, поскольку лишь на трети из них имеются ушки или отверстия (*Шевцов,* 2018. С. 487–489). Особенно отмечается присутствие фоллисов императора Феофила (829–842), которые находят пока только в Гнёздово и на Рюриковом Городище (Он же, 2017. С. 141–145). Оценивая возможную роль медных монет в местной культуре, исследователи предполагают, что они могли быть сырьем для изготовления ювелирных изделий, разновесками для небольших взвешиваний, а также служить «резервным» запасом для купцов и путешественников, прибереженным для будущих трат на константинопольском рынке (*Ениосова, Пушкина,* 2012. С. 38–41).

Предположение В. В. Кропоткина о том, что в южных регионах Руси с прекращением поступления туда арабского серебра в начале XI в. медные византийские монеты отчасти заменили в обращении дирхамы, представляется весьма возможным. Об этом свидетельствуют находки анонимных фоллисов конца X – XI вв. (а также местных подражаний этим монетам), особенно частые в районе Чернигова (*Дуткинский,* 2015. С. 176–188). Появление подражаний является достаточно надежным показателем востребованности для денежного обращения тех или иных монет.

Нередки случаи находок херсоно-византийских выпусков, однако об их роли в денежном обращении и культуре Древней Руси пока судить трудно (*Мусин,* 2010. С. 35–45; *Зайцев,* 2011. С. 41–45; *Стародубцев,* 2020. С. 78–82).

В 2002 г. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник приобрел клад из 221 экз. биллоновых монет – так называемых «болгарских» и «латинских» имитаций конца XII – начала XIII в., подражавших византийским монетам XII в. Клад был найден в Солецком районе Новгородской области неподалеку от р. Шелони. Это первый и пока единственный случай проникновения так далеко на север большого комплекса медных выпусков Балканского региона

(*Гурулева, Федорова,* 2015. С. 63–99). Две «болгарские» имитации типа «С» были найдены во время археологических раскопок боярской усадьбы середины – второй половины XIII в. в Людином конце Новгорода (*Янин и др.,* 2006. С. 10).

Более необычный клад был обнаружен не позднее 2011 г. на территории Юго-Западной Руси неподалеку от города Каменец-Подольский. Такого рода комплекс зафиксирован впервые. Он состоял из 297 мелких фрагментов, разрезанных или разрубленных на 6–9 частей медных вогнутых монет византийского типа. Общий вес клада составляет 95,17 г; вес отдельных фрагментов колеблется от 0,06 г до 0,78 г, но две трети их общего количества составляют компактную группу в весовом диапазоне от 0,21 г до 0,40 г. Клад, по-видимому, является депозитом мелких денежных и счетных единиц. Атрибуции фрагментов в немалой степени способствовал анализ металла. Монеты клада в основном состоят из так называемых латинских имитаций первой половины XIII в. (*Гурулева,* 2018. С. 144–173). Находки фрагментированных монет – как единичные, так и в составе кладов с неповрежденными монетами – характерны для придунайских земель; их обращение в этом регионе датируется 1230–1261 гг. Они относятся к так называемым «латинским» имитациям, к выпускам правителей Никейской и Фессалоникской империй (*Йорданов*, 1984. С. 116–117. Табл. XIII–XVII, XIX–XXXV), что соотносится с составом Каменец-Подольского клада. Единичные находки и небольшие клады неповрежденных монет Балканского региона конца XII – первой половины XIII в. в последние годы нередко фиксировались на территории западных областей Древней Руси (*Гурулева, Мусин, Остапюк,* 2017. С. 281–292).

Находки византийских монет, буквально обрушившиеся на нас за последние годы, позволяют уточнить характер их поступления и использования на Руси, периодизацию и особенности, характерные для разных регионов древнерусского государства. Однако определенные трудности возникают с монетами, найденными с помощью металлодетекторов. С одной стороны, ненаучность методов таких искателей лишает нас возможности изучать монеты в археологическом контексте, а с другой стороны, невозможно и полностью их игнорировать. Они уже есть, и хорошо, если люди, их нашедшие, не скрывают места и обстоятельства их обнаружения – тогда монеты можно использовать хотя бы для статистики. Проблемы, связанные с введением в научный оборот памятников, выявленных частными лицами и «черными археологами» с помощью металлодетекторов, актуальны для всех стран, но единства в подходах для их решения, как и в законодательных актах, пока не наблюдается (*Musin, Wołoszin*, 2019. P. 20–28).

На нынешнем этапе назрела необходимость разработки единой базы данных (далее – БД) для ввода в нее монет, опубликованных в топографии В. В. Кропоткина, и для фиксации новых находок (рис. 3). Такая БД была создана нами на основе СУБД Microsoft Access[2]. Структура ее включает три основные таблицы:

[2] Приношу свою искреннюю благодарность за помощь в разработке БД Н. А. Зайцеву, до недавнего времени сотруднику Отдела нумизматики Эрмитажа.

«Находки», «Литература» и «Монеты», которые связаны между собой промежуточными таблицами. Так, «Литература» связана с «Находками» субтаблицей «Публикация находок». Необходимость последней диктуется теми обстоятельствами, что в одной публикации может быть представлено несколько находок, а одна находка, в свою очередь, может фигурировать в нескольких изданиях. Основные таблицы БД дублируются специальными формами, имеющими несколько полей и отражающими внизу промежуточные таблицы. Главная форма – «Находки» – дополняется двумя субтаблицами: «Состав находки», где приводится краткий список монет, и «Литература», где указаны сокращенные названия изданий и номера страниц. В описаниях находок предусмотрено подробное изложение обстоятельств обнаружения монет, географические координаты для последующего картографирования, места хранения. В разделе «Монеты» созданы поля для полного описания памятников с метрологическими данными и фиксацией имеющихся следов «второй жизни». Если атрибуция монет со временем изменилась, это отражается в поле со ссылкой на ее прежнее определение. Чтобы не перегружать БД, в ней не используется специальное поле для изображений, но дается отсылка на папку, где сосредоточены фотографии.

Важно не только зафиксировать новые находки, но и по возможности перепроверить атрибуции опубликованных ранее монет. Произошедший в буквальном смысле слова прорыв в византийской нумизматике, который начался в 1960–70-е гг., вывел науку на новый уровень. Особенно это коснулось пересмотра атрибуций монет Балканского региона XIII в. – так называемых болгарских и латинских имитаций, которые ранее приписывались византийским императорам XII в. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Работа по уточнению устаревших атрибуций ведется уже на протяжении нескольких лет. Краснодарский археолог А. В. Пьянков активно публикует не только монеты и клады из новых находок на территории края, но и вносит коррективы и дополнения в уже известные ранее памятники. Список его публикаций по этой теме насчитывает 36 работ – указать все в рамках данной статьи сложно. Приведу лишь некоторые, относящиеся к находкам монет разных номиналов: *Пьянков*, 2003. С. 215–222; 2004. С. 254–259; *Пьянков, Завьялов,* 2019. С. 240–248; *Пьянков, Юшков,* 2020. С. 265–275; *Пьянков, Бабиец, Полицын,* 2020. С. 163–168.

Недавно были переатрибутированы монеты, найденные при раскопках в Старой Рязани, которые описаны у В. В. Кропоткина в соответствии с представлениями того времени как выпуски византийских императоров XII в. (*Кропоткин,* 1962. С. 27–28. № 92, 92а, 92б). В действительности же они являются так называемыми «болгарскими» и «латинскими» имитациями первой половины XIII в. (*Гомзин,* 2016. С. 44–56).

Большой удачей стало обнаружение П. Г. Гайдуковым письма А. Н. Оленина к А. Д. Черткову с приложенными к нему рисунками, воспроизводившими клад медных византийских монет, сокрытых в бронзовом кувшине, который рыбаки выловили в Днепре в начале XIX в. В публикациях монеты отнесены ко вре-

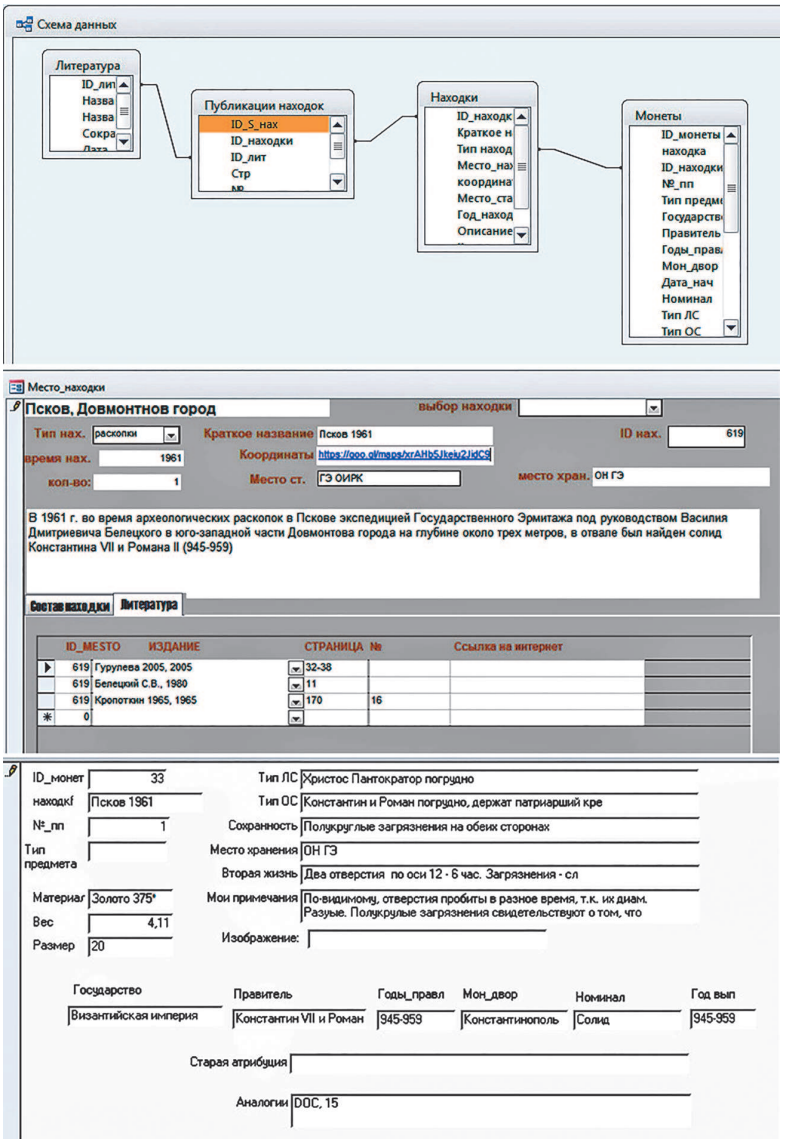


Рис. 3. Страница нумизматической БД о солиде Константина VII и Романа II (раскопки в Пскове)

мени правления Иоанна Цимисхия – согласно определению А. Н. Оленина (*Кропоткин,* 1962. С. 31. № 154). Благодаря этому рисунку впервые стал точно известен монетный состав клада: фоллис Льва VI (886–912), фоллисы Никифора II (963–969) и семь анонимных фоллисов, только один из которых относится ко времени правления Иоанна Цимисхия (970–976). Остальные анонимные фоллисы датируются концом X – третьей четвертью XI в. (*Гурулева, Гайдуков,* 2016. С. 34–46).

Хорошие результаты на современном этапе изучения монет приносит применение естественнонаучных методов – таких, как химический анализ, РФА и электронная микроскопия. Состав металла, в частности, является важным критерием для атрибуции однотипных с византийскими монетами так называемых «болгарских» и «латинских» подражаний. Биллон, из которого чеканились византийские монеты, содержал в своем составе серебро, количество которого колебалось от 15% в начале XII в. до 3% в конце. Состав сплава имитаций показывает либо полное отсутствие серебра, либо десятые доли процента (*Гурулева,* 2021. С. 15–19). Проверка с помощью РФА монет из Шелонского клада, проведенная в июне 2022 г., в целом подтвердила прежние определения, внеся лишь несколько исправлений (*Гурулева, Хаврин,* 2022. С. 410–414).

Крайне актуальной в наше время является также проблема определения подделок и выделения их в составе музейных коллекций. Немаловажным показателем востребованности византийских монет на Руси служило стремление их подделывать для различных целей: от употребления как средств обращения или накопления вместе с подлинными деньгами до изготовления копий для использования в женских уборах или в качестве оберегов – зачастую также наряду с подлинными монетами. Причем подделывались монеты всех номиналов. Находки такого рода артефактов на территории Древней Руси подразделяются на несколько категорий. Подражаниями являются, например, так называемые болгарские и латинские имитации, выпуски Тмутараканского княжества и скандинавских стран, которые изготавливались для внутреннего обращения и никого не вводили в заблуждение. Подделки, напротив, стремились выдавать за подлинные монеты, обманывая потребителя. Несколько такого рода артефактов, в том числе из тех, что были найдены на территории Древней Руси, также были выявлены в собрании Эрмитажа и переатрибутированы (*Гурулева,* 2019. С. 7–12). Долгое время оставался открытым вопрос о местах изготовления подделок. В свете этого обстоятельства большое значение приобретает подпрямоугольная свинцовая пластинка, найденная в Киеве во время археологических раскопок 2016 г. на Подоле, где была обнаружена литейная мастерская XI в. На пластинке с обеих сторон были оттиснуты одинаковые отпечатки (три на одной стороне и четыре – на другой) с изображением императора, каковым он представал на оборотной стороне византийской золотой монеты начала XI в. – возможно, номисмы тетартерона Романа III. Каждый из оттисков носит следы доработки портрета императора резцом, причем в разной степени завершенности. По мнению исследователей, опубликовавших этот артефакт, мастер совершенствовал штемпель для чеканки фальшивых монет, пробуя его раз за разом на мягкой свинцовой пластине и доводя до максимального сходства с прототипом (*Ivakin et al.,* 2019. P. 951–984).

Подводя итоги, можно отметить основные изменения в наших представлениях о роли и месте византийских монет в денежном обращении и культуре Древней Руси, которые произошли со времени создания труда В. В. Кропоткина. Большинство исследователей признают, что золотые и серебряные монеты

поступали в Восточную Европу преимущественно как следствие государственных выплат и даров византийских императоров соседним народам, а не как результат международной торговли. Возросшее число находок медных монет (особенно это касается выпусков XI–XIII вв.), а также подражаний анонимным фоллисам заставляет отказаться от прежних взглядов на эти монеты как на сувениры или курьезы и искать иные причины их востребованности на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Бауер Н. П., 2014. История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / Изд. подгот. П. Г. Гайдуков. М.: Русское слово. 683 с.

Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М.: Восточная литература, 1962. 295 с.

Гайдуков П. Г., 2002. Николай Павлович Бауер (К 60-летию со дня смерти) // Нумизматический альманах. № 3–4. С. 65–72.

Гайдуков П. Г., 2014. «Последний нумизмат в области русской истории». О Николае Павловиче Бауере и его книге // *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. – 1535 г. / Изд. подгот. П. Г. Гайдуков. М.: Русское слово. С. V–CXX.

Гомзин А. А., 2016. Монеты из раскопок А. В. Селиванова 1888 г. на городище Старой Рязани // КСИА. Вып. 245, ч. II. С. 44–56.

Гурулева В. В., 1994. Н. П. Бауер и его вклад в византийскую нумизматику // Византия и Ближний Восток (памяти А. В. Банк): сб. науч. тр. СПб.: ГЭ. С. 117–126.

Гурулева В. В., 1997. А. В. Орешников и создание комиссии по нумизматике и глиптике ГАИМК // Нумизматический сборник / Московское нумизмат. о-во. № 5. С. 42–52.

Гурулева В. В., 2013. Находки византийских монет как археологический источник: проблемы осмысления и интерпретации // Нумизматические чтения 2013 года (Москва, 19–20 ноября 2013 г.): материалы докл. и сообщ. М. С. 16–19.

Гурулева В. В., 2018. Каменец-Подольский клад фрагментов византийских и имитационных монет XIII в. // НЭ. Вып. XX. М. С. 144–173.

Гурулева В. В., 2019. «Что в имени тебе моем?»: имитации, подражания, подделки и копии византийских монет на Руси // Деньги в Российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. II. Сборник материалов Второй международной конференции (16–18 октября 2019 г., Санкт-Петербург). СПб. С. 7–12.

Гурулева В. В., 2021. Состав металла как критерий для атрибуции так называемых Болгарских и Латинских подражаний византийским монетам // Деньги в Российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. IV. Сборник материалов Четвертой международной конференции (13–15 октября 2021 г., Санкт-Петербург). СПб. С. 15–19.

Гурулева В. В., Гайдуков П. Г., 2016. Византийский клад с днепровских порогов начала XIX в. // Белградский сборник: к XXII Междунар. конгр. византинистов (Белград, Сербия, 22–27 августа 2016 г.). СПб. С. 34–46. (Тр. ГЭ; LXXX).

Гурулева В. В., Кулешов В. С., Юрченко Т. В., 2011. Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // НЭ. XVIII. М.: Наука. С. 136–186.

Гурулева В., Мусин А. Остапюк А., 2017. Находки латинских и «болгарских» имитаций византийских монет на Волыни и проблемы денежного обращения XIII – на-

чала XIV вв. в Восточной Европе // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Любомль та Любомльщина в українській та європейській історії: науковий збірник. Випуск 63. Матеріали Міжнародної історико-краєзнавчої конференції (24–25 жовтня 2017 року, м. Любомль) / Упоряд.: Г. Бондаренко, О. Остапюк, А. Силюк. Луцьк. С. 28–292.

Гурулева В. В., Федорова Т. Н., 2015. Шелонский клад болгарских и латинских имитаций византийских монет конца XII – первой половины XIII вв. // НЭ. XIX. М. С. 63–99.

Гурулева В. В., Хаврин С. В., 2022. Шелонский клад монет Балканского региона первой половины XIII в.: новые данные в свете изучения состава металла // Деньги в Российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. V. Сборник материалов Пятой международной конференции (13–14 октября 2022 г., Санкт-Петербург). СПб. С. 410–414.

Джаксон Т. Н., 2000. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М: Языки славянской культуры. 188 с.

Дуткинский Н. Е., 2015. Черниговские фоллисы класса А2 // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 г.): материалы докл. и сообщ. СПб. С. 176–188.

Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., 2012. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак. С. 34–85.

Зайцев В. В., 2011. Новые находки античных и византийских монет на Брянщине // Нумизматический альманах. № 1 (42). С. 41–45.

Зоценко В. Н., 1991. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия: сб. науч. тр. к XVIII Конгрессу византинистов. Киев. С. 57–79.

Йорданов, 1984. Монети и монетно обръщение в средновековна България, 1081–1261. София: Наука и искусство. 253 с.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей: текст, пер., коммент. / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука. 493 с.

Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX–XIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 156 с.

Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 135 с. (САИ; вып. Г4-4).

Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 64 с. (САИ; вып. Е4-4).

Кропоткин В. В., 1965. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. Т. XXVI. М. С. 166–189.

Куник А. А., 1860. О русско-византийских монетах Ярослава I Владимировича, с изображением Св. Георгия Победоносца. Историко-нумизматическое исследование. СПб.: Тип. Академии наук. 166 с.

Мусин А. Е., 2010. Находки херсоно-византийских монет на территории Древней Руси и «путь из Варяг в Греки» // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова: сб. ст. / Ред.: Н. В. Хвощинская, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин С. 35–45.

Научный архив ИА РАН. Фонд 64. Владислав Всеволодович Кропоткин. Опись 1. Папка 21–23.

Пахомов Е. А., 1926–1966. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. I–IX. Баку.

Пьянков А. В., 2003. Клад византийских монет комниновского времени, найденный на Тамани в 1995 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар. С. 215–222.

Пьянков А. В., 2004. Таманский клад 1995 г. византийских монет комниновского времени (продолжение публикации) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар. С. 254–259.

Пьянков А. В., Завьялов С. Л., 2019. Два клада византийских монет второй половины X века из Краснодарского края // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа: сб. науч. ст. Вып. 17 / Отв. ред. Е. И Нарожный. Армавир; Краснодар. С. 240–248.

Пьянков А. В., Юшков В. Н., 2020. Клад византийских электровых монет из пос. Сукко Анапского района Краснодарского края // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 18 / Отв. ред. Е. И. Нарожный. Армавир; Краснодар: Наследие Кубани. С. 265–275.

Пьянков А. В, Бабиец А. И., Полицын Е. Б., 2020. Милиарисии византийских императоров втор. пол. X в. из находок в окрестностях города Новороссийска // «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка»: VII Междунар. Нумизмат. симпозиум (Судак, 21–25.09.2020): материалы науч. конф / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь: Колорит. С. 163–168.

Стародубцев Г. Ю., 2020. Новые находки монет Херсонеса в Курском Посеймье // V Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: сб. ст. СПб.; Старая Ладога. С. 78–82.

Шевцов А. О., 2017. Монеты императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. № 1. С. 141–149.

Шевцов А. О., 2018. Коллекции византийских монет Гнёздова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX–XI вв. // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. М. С. 483–542. (Тр. ГИМ; вып. 210).

Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Степанов А. М. Покровская Л. В., 2006. Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 20. Великий Новгород. С. 5–16.

Bauer N., 1929. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Bd. 39. S. 1–187.

Bauer N., 1930. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Bd. 40. S. 188–210.

Codex Justinianus. Berolini: apud Weidmannos, 1877. 1210 p.

Constantinus Porphyrogenitus, 1829. Constantini Porphyrogeniti De caerimoniis aulae Byzantini. Vol. I. / Ed. J. J. Reiske. Bonn.

Grierson Ph., 1966. Harold Hardrada and Byzantine Coin Types in Denmark // Byzantinishe Forschungen: International Zeitschrift für Byzantinistik. Bd. I. Amsterdam. P. 124–138.

Hendy M., 1985. Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450. Cambridge: Cambridge University Press. 773 p.

Ivakin H., Bibikov D., Ivakin V., Baranov V., 2019. Recent sigillographic finds from early medieval Kyiv = Nowe znaleziska sfragistyczne z obszaru wczesnośredniowiecznego Kijowa // The Sphinx of Slavic Sigillography – Small Lead Seals of «Drohiczyn type» from Czermno in their East European Context = Sfinks słowiańskiej sfragistyki – Plomby «typu drohiczyńskiego» z Czermna na wschodnioeuropejskim tle porównawczym / Eds.: A. Musin, M. Wołoszyn. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Saint Petersburg; Warszawa. P. 951–984. (U Źródeł Europy Środkowo-Wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas; 6, 1).

Jensen J. S., 1995. Tusindtallets Danske Mønter fra Den kongelige Mønt- og Medaillesamling. København: Nationalmuseet. 170 p.

Kovačevič J., 1965. Авари и злато = Avares et or // Starinar. Nowa Serija. Kn. XIII–XIV (1962/1963). Beograd. P. 125–135.

Musin A., 2020. The Byzantine Materiality in/of Eastern Europe: Archaeological Approach // Byzantium and Kievan Rus' (882–1240) / Ed. G. Kardaras. Athens: National Hellenic Research Foundation/Institute of Historical Research, Section of Byzantine Research. P. 77–105.

Musin A., Wołoszin M., 2019. Small Lead Seals of «Drohoczyn Type» as the Sphinx of Slavic Sigillography: an Introduction // The Sphinx of Slavic Sigillography – Small Lead Seals of «Drohiczyn type» from Czermno in their East European Context = Sfinks słowiańskiej sfragistyki – Plomby «typu drohiczyńskiego» z Czermna na wschodnioeuropejskim tle porównawczym / Eds.: A. Musin, M. Wołoszyn. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Saint Petersburg; Warszawa. P. 13–73. (U Źródeł Europy Środkowo-Wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas; 6, 1).

Noonan Th. S., 1980. The Circulation of Byzantine Coins in Kievan Rus' // Byzantine Studies. 7, pt. 2. P. 143–180.

Noonan Th. S., 1987. The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period // Harvard Ukrainian Studies. Vol. XI, № 3–4 (December). P. 384–443.

V. V. Guruleva

«TREASURES OF BYZANTINE COINS ON THE TERRITORY OF THE USSR» BY V. V. KROPOTKIN AND MODERN PROBLEMS OF REGISTRATION AND STUDY OF FINDS OF BYZANTINE COINS IN EASTERN EUROPE

Abstract. The article evaluates the study of Byzantine coins in the works by V. V. Kropotkin within the context of mid-20th century scholarly perspectives on their place and role in the culture of Ancient Rus. Data on new discoveries and changes in the attribution of several coins are presented, reflecting recent advancements in Byzantine numismatics research. The article highlights the need to create a digital database of Byzantine coin finds, encompassing both previously published and newly discovered items.

Keywords: V. V. Kropotkin, Ancient Rus, Byzantine coins, topography, database

А. А. Строков

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И НУМИЗМАТИКИ. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. Н. В. В. КРОПОТКИНА (15–17 ФЕВРАЛЯ 2022 Г., МОСКВА)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.73-76

Резюме. В феврале 2022 г. в Институте археологии РАН прошла международная конференция, посвященная 100-летию выдающегося археолога В. В. Кропоткина. Участники представили доклады о научном наследии ученого, его археологических находках и их интерпретациях. Темы охватывали историю и археологию Крыма, женский костюм разных эпох, римскую и византийскую нумизматику. Были обсуждены вопросы хронологии, а также этнической интерпретации археологических культур эпохи Средневековья. Конференция подчеркнула вклад В. В. Кропоткина в отечественную археологию и его влияние на современную науку.

Ключевые слова: В. В. Кропоткин, конференция, римское время, Средневековье, нумизматика, Крым

15–17 февраля 2022 г. в Институте археологии РАН в Москве состоялась конференция, посвященная 100-летнему юбилею выдающегося археолога и историка В. В. Кропоткина. Мероприятие проводилось в смешанном формате – очно в конференц-зале ИА РАН и в виде онлайн-конференции для участников, которые не смогли присутствовать лично. В ней приняли участие несколько десятков исследователей из России, Франции, Германии и Польши, а также близкие и родственники Владислава Всеволодовича.

Заседания конференции открылись 15 февраля под председательством заместителя директора ИА РАН, член-корреспондента РАН *П. Г. Гайдукова*. Он поприветствовал всех участников конференции, а также отметил значительную роль В. В. Кропоткина в развитии отечественной науки. С докладом, посвященным личной и научной биографии В. В. Кропоткина, выступила вдова Владислава Всеволодовича *Е. В. Каменецкая* (Москва). Особое внимание было уделено документам из личного архива ученого, продемонстрированы редкие фотографии и выдержки из переписки с А. В. Арциховским, Б. А. Рыбаковым и др. Заседание продолжилось выступлением *А. И. Айбабина* (Симферополь) о вкладе В. В. Кропоткина в археологическое исследование Крыма. С докладом, посвященным женскому убору западных балтов по материалам самбийско-натангинской культуры, выступила *О. А. Хомякова* (Москва). *М. М. Казанский* (Париж) попытался проследить истоки возникновения обряда погребения в каменном круге в могильнике самбийско-натангинской культуры Шлакалькен 2 – Заостровье 2. *Е. В. Столяров* (Тула) представил материалы раскопок уникального городища Страхово I в. н. э. в Верхнем Поочье.

Рис. 1. Международная научная конференция «Восточная Европа в I тысячелетии н. э. по данным археологии и нумизматики. К 100-летию со дня рождения д. и. н. В. В. Кропоткина (15–17 февраля 2022 г., Москва). 1 – Е. В. Каменецкая; 2 – П. Г. Гайдуков; 3 – Н. А. Макаров; 4 – В. В. Седов; 5 – О. С. Румянцева; 6 – А. И. Айбабин; 7 – М. М. Казанский; 8 – Э. А. Хайрединова; 9 – А. М. Обломский и П. Г. Гайдуков на открытии конференции; 10 – И. Н. Храпунов; 11 – И. О. Гавритухин; 12 – А. М. Обломский ведет заседание; 13 – М. Ю. Трейстер; 14 – В. В. Енуков; 15 – Н. А. Алексеенко; 16 – А. Н. Ворошилов; 17 – А. А. Малышев; 18 – К. В. Мызгин; 19 – В. В. Гурулева

Вечернее заседание под председательством *А. М. Обломского* открылось сообщением *И. Н. Храпунова* (Симферополь) о находках вещей в позднеримском полихромном стиле из могильника Опушки, в котором он предложил свое видение вопроса происхождения данного стиля в Крыму и социальной интерпретации данных предметов. Следующий доклад (*А. Н. и О. М. Ворошиловы,* Москва)

был посвящен женскому убору Боспора Киммерийского в эпоху Великого Переселения народов на основании последних находок в погребениях некрополя Фанагории. Женскому костюму готского населения VI–VII вв. юго-западного Крыма с большой пряжкой посвятила свой доклад *Э. А. Хайрединова* (Симферополь). В сообщении *А. А. Строкова* и *Г. А. Камелиной* (Москва) представлено естественнонаучное исследование остатков текстиля из погребений могильников Суук-Су и Чуфут-Кале. В докладе *И. О. Гавритухина, Г. А. Камелиной* и *А. А. Строкова* (Москва) дан подробный анализ и хронологическая атрибуция инвентаря из богатого склепа 118 могильника Чуфут-Кале (раскопки В. В. Кропоткина).

Заседание 16 февраля проходило под председательством *А. А. Малышева*. Утренняя секция открылась сообщением *А. В. Дмитриева* (Новороссийск), *А. С. Клемешова и А. А. Малышева* (Москва) о подготовке издания ключевого памятника эпохи раннего Средневековья Северного Причерноморья – могильника Дюрсо в рамках серии «Некрополи Черноморья». Далее доклад о торговых связях Северного Причерноморья – в частности, Танаиса и Поочья – в позднеримскую и раннесредневековую эпохи представил *А. М. Обломский* (Москва). *О. С. Румянцева* (Москва) рассмотрела результаты химического анализа состава стеклянных предметов из могильника Фронтовое 3 и предположила варианты путей поступления сырья для изготовления стеклянных сосудов в юго-западный Крым. В докладе *М. Ю. Трейстера* (Бонн, Германия) рассмотрены находки бронзовых цедилок типа Eggers 160 в Азиатской Сарматии, проанализирована их хронология и дана функциональная атрибуция. *И. И. Марченко* и *Н. Ю. Лимберис* (Краснодар) представили обзор находок античных стеклянных чаш из сарматских и меотских погребений Прикубанья.

Вечернее заседание 16 февраля было полностью посвящено вопросам нумизматики. В докладе *А. М. Воронцова* (Тула) и *К. В. Мызгина* (Шлезвиг, Германия) был представлен обзор находок кладов позднеримских бронзовых монет в Верхнем Поочье, предложены варианты путей поступления этих монет на столь отдаленную территорию, представлены памятники, на которых обнаружены клады. *Н. А. Алексеенко* (Севастополь) рассказал слушателям о новых находках римских провинциальных монет в юго-западном Крыму, а *А. И. Бабиец* и *Е. О. Богачук* (Новороссийск) – о таких же монетах, обнаруженных в Нижнем Прикубанье. В следующем докладе *К. В. Мызгин* (Шлезвиг, Германия) представил фундаментальный обзор состояния античной нумизматики и изучения римских монет в Восточной Европе. Анализ кладов, содержащих монеты булгарской чеканки X в., найденных в памятниках юго-восточной Руси, представили *Е. А. Шинаков* (Брянск) и *С. А. Гоглов* (Ковров). Завершающий доклад в этот день сделан *В. В. Енуковым* (Курск), он был посвящен анализу нумизматических находок X в. в ареале роменской культуры.

Работа конференции продолжилась 17 февраля под председательством *П. Г. Гайдукова*. Заседание открылось блоком из трех докладов по византий-

ской нумизматике. Масштабный доклад *В. В. Гурулевой* (Санкт-Петербург) был посвящен обзору состояния исследования византийских монет со времен выхода обобщающего свода В. В. Кропоткина. Сообщение *В. В. Гурулевой* (Санкт-Петербург), *П. Г. Гайдукова* и *С. В. Язикова* (Москва) было посвящено анализу нового клада византийских золотых монет X в. с территории Таманского полуострова. Доклад *В. В. Гурулевой* (Санкт-Петербург) и *В. В. Седова* (Москва) представил находку редкой монеты из раскопок Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, предположительно отчеканенной на Балканском полуострове в XIII–XV вв. В сообщении *Е. А. Шинакова* (Брянск) и *В. В. Миненко* (Москва) рассмотрены памятники северо-западного ареала роменской культуры. *П. А. Миляев* (Санкт-Петербург) и *А. А. Кудрявцев* (Москва) представили результаты исследования ключей и замков раннесредневековой Ладоги и осветили вопросы их происхождения и распространения. Затем с докладом выступили *И. Р. Ахмедов* (Санкт-Петербург) и *Н. А. Биркина* (Москва), сообщившие о результатах исследования вопросов происхождения рязано-окских фибул в эпоху римских влияний. В заключении выступил *С. В. Гусев*, последний ученик В. В. Кропоткина, который поделился своими воспоминаниями о работе под руководством Владислава Всеволодовича.

В завершении участники конференции еще раз отметили большой вклад В. В. Кропоткина в различные темы и вопросы отечественной археологии, а также оценили хороший уровень подготовки и проведения этого мероприятия.

A. A. Strokov

THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «EASTERN EUROPE IN THE 1ST MILLENNIUM AD: ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATIC EVIDENCE. ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES V. V. KROPOTKIN» (FEBRUARY 15–17, 2022, MOSCOW)

Abstract. In February 2022, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences hosted an international conference dedicated to the 100th anniversary of the distinguished archaeologist V. V. Kropotkin. Participants presented reports on the scholar's scientific legacy, his archaeological discoveries, and their interpretations. Topics covered the history and archaeology of Crimea, women's costumes from various periods, as well as Roman and Byzantine numismatics. Discussions focused on issues of chronology and the ethnic interpretation of medieval archaeological cultures. The conference highlighted V. V. Kropotkin's contributions to Russian archaeology and his impact on modern science.

Keywords: V. V. Kropotkin, conference, Roman Age, Medieval, numismatics, Crimea

АРХЕОЛОГИЯ, НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

И. Р. Ахмедов, Н. А. Биркина

САСАНИДСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОБРАНИИ ГИМ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.79-99

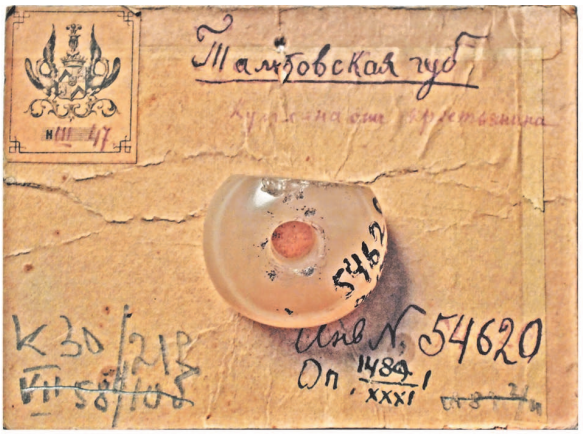
Резюме. В статье рассматривается сасанидская печать из халцедона с изображением в стиле «официального портрета» из бывшей Тамбовской губернии – находка, поступившая в Государственный исторический музей в составе коллекций музея Уваровых в Поречье. В работе определены наиболее близкие печати, составляющие с публикуемым образцом единую стилистическую группу. Рассмотрены также печати с подобными изображениями в собраниях музея Государственного Эрмитажа, Метрополитен-музея, Британского музея. Это позволило определить датировку выделенной группы в рамках позднего IV – начала VI в. Обзор других находок сасанидских печатей в Восточной Европе позволил наметить возможные пути проникновения таких вещей во второй половине I тыс. – начале II тыс. в лесную зону. Наиболее вероятным является донской маршрут, по которому отдельные образцы сасанидской глиптики поступали из районов Северного Кавказа. Также установлена возможная связь этой находки с древностями среднецнинской мордвы на территории Тамбовской губернии.

Ключевые слова: Восточная Европа, Кавказ, Средняя Азия, сасанидская глиптика, атрибуция, хронология, культурные взаимодействия, торговые пути

В коллекции Отдела археологических памятников Государственного исторического музея (далее – ГИМ) хранится каменная печать, выполненная в характерной для сасанидской глиптики форме ложного перстня (инв. № 54620, опись 1489/1). Согласно записи в Главной инвентарной книге ГИМ от 04 мая 1923 г., предмет поступил в составе части коллекции музея Уваровых в Поречье, переданной в дар музею графиней П. С. Уваровой осенью 1917 г.[1]

Печать нашита на оклеенную бумагой карточку из картона, на которой сохранилась рукописная надпись фиолетовыми чернилами: «Тамбовская губ. Куплена от крестьянина». В верхнем левом углу приклеена печатная этикетка, на которой в геометрической виньетке изображен дворянский герб, представляющий собой упрощенную версию герба, пожалованного императором Николаем I в 1846 г. вместе с графским титулом министру народного просвещения и президенту Санкт-Петербургской академии наук Сергею Семеновичу Уварову (Именной Высочайший указ от 1 марта 1846 г.; Жалованная грамота императора Николая I Сергею Семеновичу Уварову на графское Российской империи достоинство и герб. Санкт-Петербург. 29 декабря 1850 г. – ГИМ ОПИ, Инв. № 55749,

[1] Авторы выражают искреннюю благодарность И. В. Белоцерковской, Е. Ю. Новиковой, В. Г. Черненко (Отдел археологических памятников ГИМ), а также Е. И. Арсентьевой (Отдел античного мира Государственного Эрмитажа (далее – ГЭ)) за дружескую помощь в процессе подготовки этой статьи.



1

2

Рис. 1. Печать из Тамбовской губернии. *1* – на планшете музея Уваровых в Поречье; *2* – оттиск печати, опубликованный А. А. Захаровым (*Захаров*, 1928)

фонд 17, ед. хр. 280). Под гербом поле из параллельных линий с «№» и вписанными фиолетовыми чернилами цифрами «III 47» (рис. 1: *1*). Такими этикетками маркировались экспонаты музея Уваровых в имении Поречье. Аналогично оформлен экслибрис графа А. С. Уварова, сохранившийся на книгах из его библиотеки (https://gpib.livejournal.com/109156.html).

Тамбовская губерния в XIX – начале XX в. имела вытянутые с юга на север очертания и включала в себя все течение р. Цны и почти все протяжение ее притока р. Мокши – Тамбовский, Моршанский, Шацкий, Елатомский уезды (два последних в настоящее время в составе Рязанской области), Темниковский уезд (сейчас Республика Мордовия), Спасский уезд (сейчас Пензенская область), почти все течение р. Вороны – Кирсановский, Борисоглебский уезды (в настоящий момент в составе Воронежской области), а также верхнее течение р. Воронеж и часть верхнего течения р. Дон – Козловский, Лебедянский, Липецкий, Усманский уезды (сейчас Липецкая область) (История административно-территориального деления… 2011. С. 8–12).

Впервые оттиск печати был опубликован А. А. Захаровым в работе «Геммы Государственного Исторического музея» (*Захаров*, 1928. С. 8. Табл. I: *22*). Однако эта находка не привлекла внимания ни специалистов по древней глиптике, ни исследователей восточноевропейских древностей. Возможно, этому способствовало и невысокое качество опубликованного изображения (рис. 1: *2*). Мы попытаемся это исправить в нашей статье.

Печать выполнена из светло-серого халцедона в форме усеченного эллипсоида. На боковых сторонах сквозное отверстие, просверленное с двух сторон, о чем свидетельствуют равный диаметр на обеих сторонах и видимый на просвет небольшой уступ в середине отверстия. Края отверстия сглажены, следы инструмента прослеживаются также на внутренних сторонах отверстия. Подобный прием обычен для древней обработки камня, в том числе и для сасанидского производства (*Harper et al.*, 1992. P. 56–58). Размеры печати – 2,7×2×2,2 см. Размеры площадки с изображением – 2×1,9 см. Диаметр отверстия – 0,6 см.

По краю рабочей поверхности печати и краю отверстия присутствуют сколы и трещины, в которых сохранились почвенные загрязнения. В углубленных линиях изображения следы вещества красного цвета (сургуч?). На плоской площадке – инталия в объемно-штриховой технике в виде бюста бородатого мужчины. Голова показана в профиль, грудь – в три четверти. Волосы перехвачены повязкой, показанной одиночной линией. Нижняя часть прически обозначена двумя линиями, выполненными в два приема, а затылочная часть изображена четырьмя крупными горизонтальными линиями. Таким образом мог быть изображен головной убор, нижний край которого почти соприкасается с линией брови. Глаз показан вертикальным штрихом, перпендикулярными линиями – веки и брови. От верхней губы слегка дуговидной линией прочерчен длинный «ус», доходящий до края прически и верхнего края бороды. В нижней части изображения, в районе шеи – дуговидная линия, расширенная в передней части, – возможно, шейная гривна. Одежда передана горизонтальными широкими штрихами на плечах и вертикальными мелкими частыми линиями на груди, которые должны были показывать драпировки ткани. Вокруг головы по краю – две «ветви» из V-образных листьев, образующие арку от плеча к плечу: одна «ветвь» из четырех, другая – из шести листьев (рис. 2; 3: *1*).

Близкое изображение известно на другой печати, хранящейся в собрании отдела археологических памятников ГИМ (Коллекция П. И. Щукина. Инв. № 15158, оп. Б 817/2; *Захаров,* 1928. С. 9. Табл. I: *29*) (рис. 3: *2*). Изображение (инталия) нанесено на плоскую площадку эллипсовидного перстня из халцедона с достаточно большим округлым отверстием. Размеры перстня: общие – 2,7×2,3×0,9 см, площадка – 1,6×0,9 см, отверстие – 1,5×1,5 см.

На камне вырезан бюст бородатого мужчины, голова в профиль, грудь показана практически фронтально. Прическа так же, как и на тамбовской печати, показана крупными штрихами, выполненными в несколько приемов. Волосы перехвачены повязкой, обозначенной крупной одиночной линией, проходящей по всей длине головы. Затылочная часть, которая, возможно, является частью повязки, выполнена несколькими линиями, доведенными до височной зоны. Глаз так же, как и на рассмотренной выше инталии, показан вертикальным штрихом. На шее угадывается линия «гривны», драпировка одежды очерчена крупными штрихами, косыми на плечах и горизонтальными на груди. Около затылочной части бюста – изображение полумесяца, расположенного

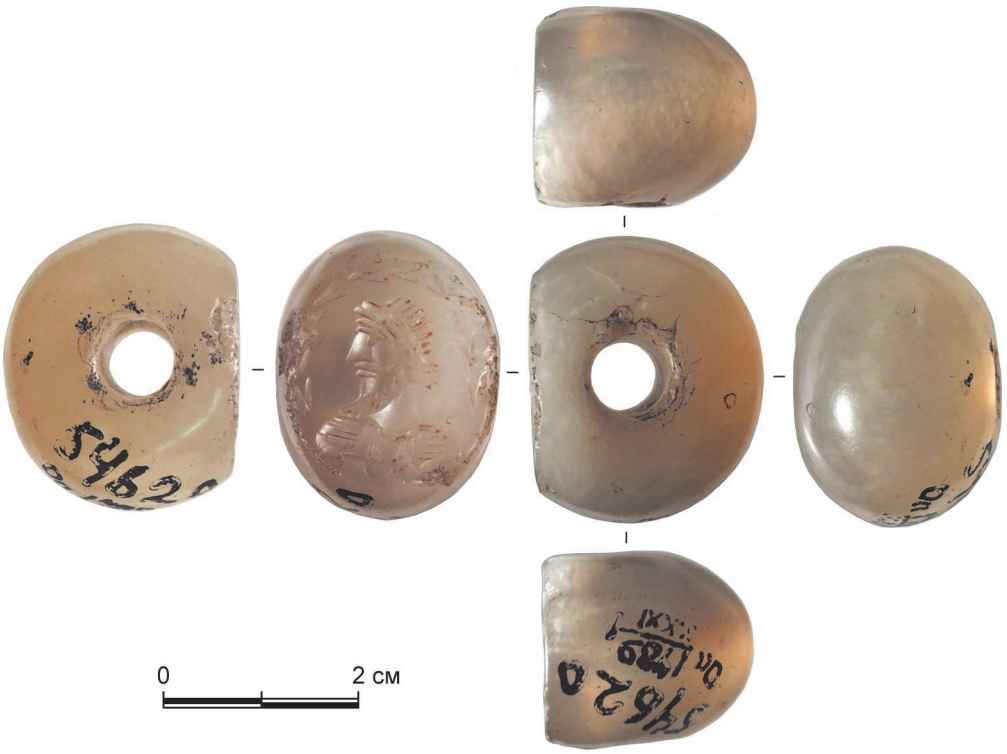


Рис. 2. Печать из Тамбовской губернии. Халцедон.
Фото с оригинала

Рис. 3. Печать из Тамбовской губернии и ее параллели. *1* – оттиск печати из Тамбовской губернии; *2* – печать из коллекции П. И. Щукина; *3* – печать с городища Кумкент (*Железняков, Акымбек*, 2020); *4* – оттиск печати из коллекции Г. Кристи в собрании Британского музея (*Bivar*, 1969); *5* – оттиск печати из собрания музея Метрополитен (*Brunner*, 1978); *6* – оттиск печати из коллекции Л. А. Перовского (фонды отдела Востока ГЭ) (*Борисов, Луконин*, 1961); *7* – оттиск печати из раскопок О. Рассама в Южном Ираке в собрании Британского музея (*Bivar*, 1969); *8* – оттиск печати из коллекции Музея искусства и истории в Женеве (*Vollenweider*, 1967)

горизонтально «рогами» вверх. Голова обрамлена от левого (по оттиску) плеча к темени «ветвью» из семи V-образных листьев. Техника резьбы, в которой выполнен этот ложный перстень, в целом более небрежная, нежели у тамбовской печати. У изделия из Щукинской коллекции менее выражен объем, меньше штрихов, показывающих «волосы», «повязка» показана несколькими линиями, прерывающимися в височной части. Вертикальный штрих, показывающий глаз, пересекает и линию брови, и нижнюю линию повязки. Нос очерчен двумя линиями. Нижний край ноздрей и губы выполнены длинными сужающимися горизонтальными штрихами, перекрытыми штрихами, изображающими бороду. Так же грубо изображены линии драпировки одежды с хорошо видимыми перекрытиями, иллюстрирующими последовательность нанесения изображения. Небрежны и изображения «листьев», показанные двумя косыми штрихами, которые образуют в некоторых случаях косые кресты с опущенным местом пересечения, иногда частично наложенные друг на друга.

Близкое изображение известно на печати, найденной недавно у внешней стены городища Кумкент X–XV вв. в Созакском районе Туркестанской области Республики Казахстан (*Железняков, Акымбек,* 2020. С. 210–213) (рис. 3: *3*). Она изготовлена из халцедона в виде ложного перстня. Рисунок выполнен еще более упрощенно, чем на двух описанных выше печатях из фондов ГИМ. Он имеет неглубокий объем. «Волосы» и, возможно, головной убор показаны лишь несколькими линиями. Нижняя часть прически показана прерывающимися штрихами, с расширенной задней частью, изображенной в виде косой линии, проходящей по диагонали. Затылочная часть, которая, возможно, является частью повязки, выполнена четырьмя параллельными линиями, сужающимися к концам. Глаз выполнен вертикальным штрихом, пересекающим бровь, и подчеркнут линией «века». Нос в виде двух линий в верхней части пересекается с выступающей вперед бровью, в нижней упирается в перекрывающие его штрихи бороды. «Ус» и нижняя губа показаны двумя горизонтальными линиями, также перекрытыми «бородой», которая показана при помощи косой линии с отходящими от нее вертикальными штрихами. В ее нижней части – два длинных штриха, наносившихся последними и пересекающих друг друга. На шее также угадывается гривна. Одежда показана упрощенно – двумя косыми линиями по плечам и тремя дугообразными линиями на груди. Штрихи драпировок одежды частично перекрывают друг друга. Обрамляющая изображение «ветвь» также выполнена небрежно. Линии, образующие V-образные листья, либо не соединены, либо «приставлены» один к другому.

Авторы публикации печати из Кумкента считают, что изображение выполнено в «(поздне)-аршакидском стиле», и, возможно, представляет собой местную версию, изготовленную по парфянскому образцу на территории древнего Кангюя, и его следует датировать первыми десятилетиями III в. н. э. (*Железняков, Акымбек,* 2020. С. 213–215).

Три рассмотренных изображения составляют единую стилистическую группу, внутри которой наиболее качественно выполнена инталия на печати из Там-

бовской губернии, а наиболее упрощенно и наименее профессионально – печать из Кумкента.

Датировку этой группы можно предложить на основании наиболее близких образцов, входящих в состав огромного количества сасанидских печатей с изображениями в виде «официального портрета», хранящихся в музейных собраниях.

К ним можно отнести печать из коллекции Г. Кристи в собрании Британского музея (Инв. № BM 119719) (рис. 3: *4*), печати из собрания музея искусств Метрополитен (Инв. № 74.51.4409) (рис. 3: *5*) и из коллекции Л. А. Перовского собрания отдела Востока ГЭ (Инв. № Гл. 205) (рис. 3: *6*) (*Brunner,* 1978. Cat. # 47. P.57, 142; *Борисов, Луконин*, 1963. Кат. № 31. С. 54, 79; *Bivar,* 1969. P. 46, pl. 1: *AB. 10*).

Все они близки по размерам и изготовлены из халцедона в виде ложного перстня. Печать Британского музея – с декором на боковых сторонах. На всех изображениях глаз показан в виде вертикального штриха, волосы перехвачены повязками, которые выполнены в виде тонкой линии, на шеях есть гривны. На печати Британского музея также присутствует дуговидная линия из V-образных листьев, обрамляющая изображение мужского бюста. У всех персонажей незначительно отличаются формы причесок и детали одежды. На печатях из музея искусств Метрополитен и Эрмитажа присутствуют надписи, представляющие собой одну из самых распространенных религиозных формул или, пользуясь определением К. Браннера, «благочестивых фраз» – «Упование на богов» (*Brunner,* 1978. P. 142). Парные «распахнутые» крылья на печати Британского музея являются одним из распространенных мотивов или символических элементов в сасанидском искусстве, появляющихся в конце III в. н. э. (*Борисов, Луконин,* 1963. С. 17–18). Подробный обзор использования этого мотива в различных видах прикладного и монументального искусства Сасанидского Ирана и находившегося под его политическим и культурным влиянием Закавказья, а также спектр мнений исследователей о его значении содержится в работе Г. Е. Афанасьева. Этот мотив ассоциируется исследователями с символом бога войны и победы *Вэртрагны (Vere9rayna)*, причем есть предположения, что он также может быть связан и с воплощением понятия *хварены, фарра, фарна (x^{v}arənah)*, божества и абстрактного понятия божественного дара «удачи, сияющего света, долголетия, возрастающей славы, благополучия» (*Афанасьев,* 2016. С. 101–105).

К элементам, подчеркивающим благочестие обладателя печати, видимо, относятся и изображения ветвей с V-образными листьями, которые используются не только в портретных изображениях, но и в составе сцен приношения магами жертв перед алтарями, где такие ветви изображены вертикально за спиной персонажа. Присутствуют ветви и в других сюжетных сценах, характер которых менее определен (*Bivar,* 1969. P. 56. Pl. 4: *BC 3, 4; 5: BD 1, 2*).

Печать Британского музея из коллекции Г. Кристи А. Д. Н. Бивар датирует IV в. н. э. (*Bivar,* 1969. P. 46). В. Г. Луконин рассматривал печать из Эрмитажной коллекции среди печатей V–VI вв., относя ее к V – началу VI в. (*Борисов, Луконин,* 1963. С. 19, 78–81). К. Браннер датирует печать из музея искусств

Метрополитен «ранним V в.», определяя изображение на ней как образец стиля B, для которого характерна стандартизированная, несколько упрощенная манера выполнения, но с точным изображением деталей (*Brunner,* 1978. C. 57, 132).

Также следует указать на изображение, выполненное в близкой манере на другой печати из собрания Британского музея. Она происходит из раскопок Ормузда Рассама в 70-е гг. XIX в. в южном Ираке (Инв. № BM 120214) (рис. 3: *7*). Инталия вырезана на декорированном ложном перстне из красно-серой яшмы. Глаз показан штрихом, борода – слегка дуговидными линиями, на шее – гривна, на груди – две зоны вертикальных линий драпировки одежды. Над правым плечом – полумесяц, над ним – звезда, в левой верхней части – надпись *mtrbwcyt* (*Mihr-bozid* – имя владельца). А. Д. Н. Бивар датирует печать III–IV вв. (*Bivar,* 1969. P. 45, 126 Pl. I: *AA 7*; *Gignoux,* 1977. P. 142). По мнению В. Г. Луконина, изображения звезды и полумесяца появляются на сасанидских геммах и монетах в V в., что, вероятно, может свидетельствовать о более поздней датировке этой печати (*Борисов, Луконин,* 1963. С. 18).

К. Браннер указывает на еще один аналог печатям из Метрополитен и Эрмитажа, опубликованный М.-Л. Волленвейдер, из коллекции Музея искусства и истории в Женеве (*Vollenweider,* 1967. P. 87, #103. Pl. 44: *4, 5*) (рис. 3: *8*). Видимо, исследователь имел в виду общий мотив, набор деталей и композицию, однако изображение отличается стилистически и выглядит упрощенно. Отличается как моделировка фигуры, так и способ изображения обрамляющей «ветви», показанной в виде дуговидной линии с пересекающими ее «листьями» в виде косых штрихов. Видимо, эту инталию следует относить к несколько другому кругу изображений.

Таким образом, основываясь на указанных параллелях, датировку выделенной группы печатей можно указать в рамках позднего IV – начала VI в. При этом наиболее ранней, видимо, является печать из Тамбовской губернии, а наиболее поздней – находка на городище Кумкент.

Для печати из Тамбовской губернии самая территориально близкая подобная находка происходит из сборов А. Г. Николаенко на овражных разрушениях на территории Нижнелубянского катакомбного могильника салтово-маяцкой археологической культуры VIII–IX вв. Она, скорее всего, связана с инвентарем из разрушенного погребения (рис. 4: *1*). Обстоятельная публикация этого предмета осуществлена Г. Е. Афанасьевым (*Афанасьев,* 2016. С. 100–114. Рис. 2: *1*). Печать изготовлена из желто-коричневого халцедона (сардера) в форме усеченного эллипса с небольшим отверстием. На площадке – изображение растения с тремя цветками или плодами, вырастающего из парных крыльев, выполненное в технике объемно-выемчатой и штриховой резьбы. По стилистике и технике исполнения может быть датирована V–VI вв., наиболее близкий аналог известен в собрании отдела Востока ГЭ (Гл-156) (*Борисов, Луконин,* 1963. С. 165, № 613). Г. Е. Афанасьев на основании предпринятого им анализа предполагает, что здесь изображено древо жизни, опирающееся на парные крылья – символ победы, удачи, благополучия и божественного покровительства (*Афанасьев,* 2016. С. 109).

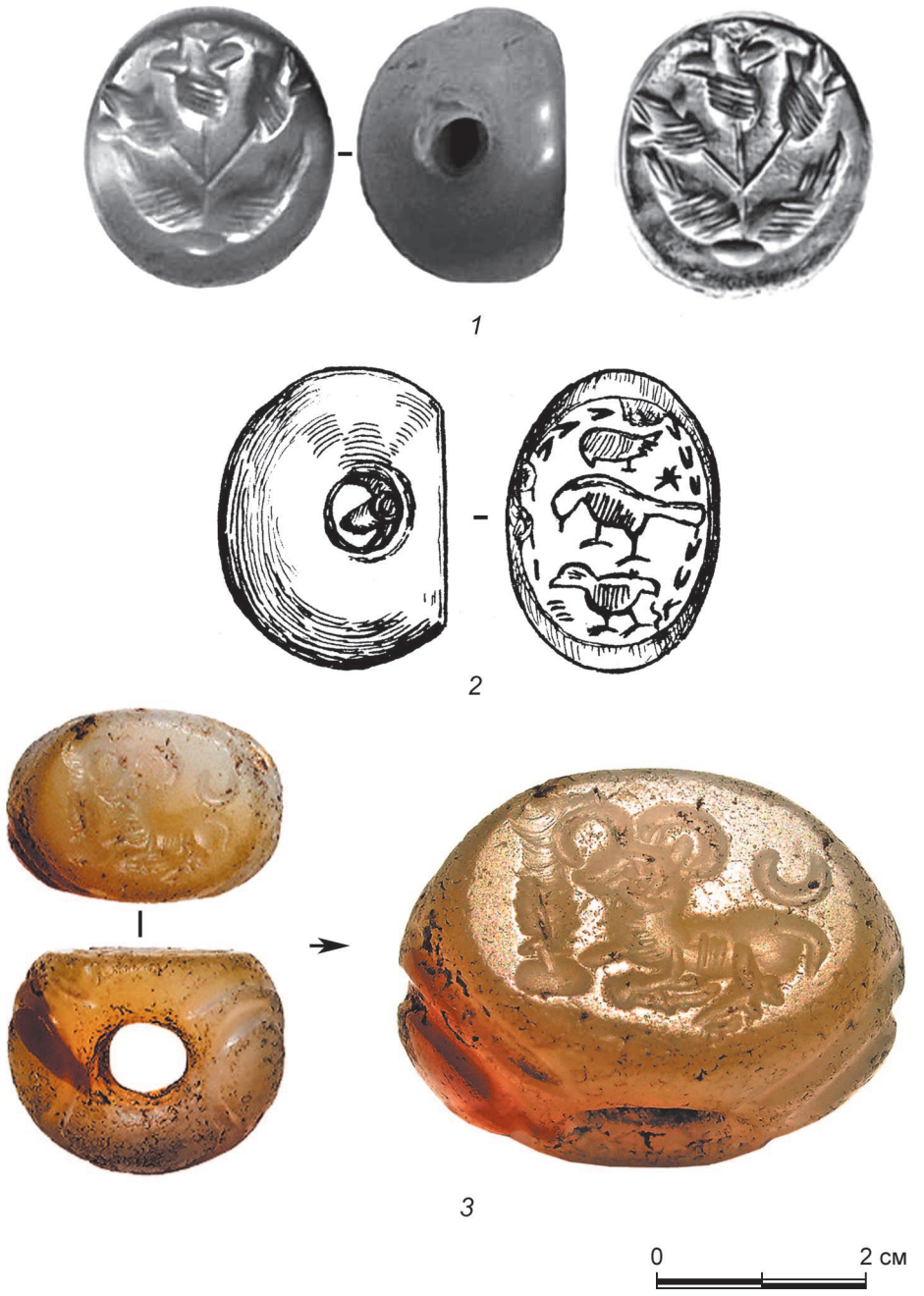


Рис. 4. Находки печатей в Белгородской области и в Республике Крым.
1 – Нижнелубянский могильник (*Афанасьев*, 2016); *2* – захоронение 8 в склепе 38 могильника Лучистое (*Айбабин, Хайрединова*, 2008); *3* – Мангупское городище (*Науменко, Герцен*, 2021)

Печать, найденная на Нижнелубянском могильнике, скорее всего, поступила сюда через территорию Северного Кавказа. Исследователи реконструируют возможные торговые маршруты из Центрального Предкавказья на Нижний Дон и далее на север по Дону и Северскому Донцу через территории, занятые населением салтово-маяцкой культуры (*Прокопенко, Лубова,* 2008. С. 53–54)[2].

На северном Кавказе – от Дагестана до Прикубанья – известен очень большой массив находок печатей. Часть из них найдена в закрытых комплексах, датирующихся как концом VI – VII в., так и VIII–IX вв. Подавляющее большинство печатей и перстней с вставками-инталиями найдено в Северной Осетии (не менее 50 экз.) и Дагестане (не менее 44 экз.). По мнению Ю. А. Прокопенко, эти вещи поступали из Закавказья через Дарьяльское ущелье или Дербентский проход (*Прокопенко,* 2009. С. 39–50; *Прокопенко, Чаплыгина,* 2017; *Шестопалова,* 2018. С. 116–117, 126. Рис. 75: *К.6 № 12, К.16 №№ 3/1, К.18 № 35/2*; См. также статью А. А. Красноперова в настоящем сборнике). В этом смысле чрезвычайно показательны находки из могильника Едыс (Республика Южная Осетия), где в шести погребениях VI–VII вв. найдены 15 печатей и серебряный перстень с вставкой из граната с инталией, изображающей двух птиц. Отметим, что в погребении 1 было найдено шесть экземпляров, а в погребении 6 – четыре. Печати использовались в составе ожерелий, в которых наряду со стеклянными найдены и многочисленные янтарные бусы, большинство из которых изготовлено в виде имитаций «ложных перстней». Р. Г. Дзаттиаты предполагает, что этот погребальный памятник связан с аланами – возможно, нанятыми персами для охраны путей из Восточной Грузии в центральную часть Северного Кавказа (*Дзатиатты,* 2006. С. 9, 11, 14–17, 19–21, 26–27, 48–49. Рис. 5: *22*; 7: *15*; 8: *34–37*; 15: *23*; 16: *3*; 19: *5*).

С погребальными памятниками также связаны еще три находки печатей на более удаленных территориях. Одна находка происходит из погребального комплекса могильника Лучистое (Крым), а две – из Бахмутинского могильника. Этот памятник расположен в северо-восточной части Республики Башкортостан (*Шмидт,* 1929. Рис. 5; *Русланова,* 2018. Рис. 31). А. А. Красноперов установил погребальный комплекс, в котором они были обнаружены, – погребение 5 из раскопок А. В. Шмидта – и определил наиболее вероятную датировку захоронения в рамках VI в. (См. статью А. А. Красноперова в этом сборнике, там же – изображения)[3]. Обе печати, происходящие из этого могильника, изготов-

[2] Статья уже находилась в печати, когда была выявлена еще одна находка геммы в виде ложного перстня из сердолика с изображением льва в составе женского ожерелья в кат. 4, Верхне-Салтовского могильника (раскопки В. А. Бабенко, 1906 г.). Этой находке и контексту использования таких предметов в составе женского убора посвящена отдельная работа – *Ахмедов,* 2025. В печати.

[3] Авторы выражают искреннюю признательность А. А. Красноперову за возможность ознакомиться со сданной в печать работой.

лены из светло-серого халцедона, имеют вид усеченного эллипса с небольшим отверстием. Сюжет на печатях одинаков – антропоморфная фигура «охотника», по определению В. Г. Луконина, которое, видимо, объясняется тем, что эту фигуру иногда сопровождает изображение собаки (*Борисов, Луконин,* 1963. С. 218). Есть обоснованная версия, что этот образ, широко распространенный на сасанидских печатях, является изображением Гайомарда («GAYŌMARD»), первочеловека-великана, созданного Ахура Маздой и ставшего прародителем человечества (о Гайомарде см.: *Cereti,* 2015). Стиль, в котором выполнены изображения, К. Браннер определяет как стиль D-упрощенный (*Brunner,* 1978. С. 68–74, 134).

Анализируя возможный источник поступления гемм на территорию Башкортостана, А. А. Красноперов указывает на находки печатей в памятниках урочища Джетыасар в дельте Сырдарьи. Автор отмечает, что среди двадцати двух находок печатей пять происходят из комплексов VI – начала VII в. могильника Алтын-Асар 4 (*Левина,* 1996. С. 237–243; *Левина, Никитин,* 1991. С. 53–65; 1992; см. также статью А. А. Красноперова в этом сборнике). Исследователи обращают внимание на ближайшее место концентрации таких находок на средней Сырдарье. Восемь печатей обнаружены на памятниках в Отрарском оазисе, одна найдена в слое VII–VIII вв. на городище Куйрук-тобе, еще одна – на территории Отрарского оазиса, но не имеет привязки к памятнику. Одна печать происходит из разрушенного погребения в окрестностях городища Пшакчитобе. Еще один предмет – случайная находка рядом с городищем Мардан-куик (Коныртобе). Четыре геммы входили в погребальный инвентарь женского погребения 65 могильника Коныртобе (*Байпаков, Смагулов, Ержигитова,* 2005. С. 45–47). На святилище Сидак в Туркестанском оазисе в том же регионе были обнаружены три печати в составе вотивного комплекса или клада аксессуаров парадного костюма замужней женщины, помещенного в керамический кувшин, датирующегося VI в. (*Смагулов, Яценко,* 2008. Рис. 7; *Смагулов,* 2013. С. 118–121. Илл. 14). Описанная выше печать с городища Кумкент найдена в соседнем районе и дополняет эти находки. Е. А. Смагулов указывает и на другие случайные находки печатей в коллекциях Музея истории Узбекистана, происходящие из районов средней Сырдарьи, а также, возможно, в составе коллекций В. Н. Кастальского, Н. Ф. Петровского, Н. Н. Веселовского в собрании отдела Востока ГЭ (*Байпаков, Смагулов, Ержигитова,* 2005. С. 45–46). Он также считал, что «одновременное массовое появление специфичных «иранских импортов» по всей Средней и Нижней Сырдарье обязано участием ее насельников в одних и тех же исторических событиях» – например, в войнах сасанидского Ирана с восточными соседями. Некоторые исследователи предполагают, что в результате одной из них, закончившейся поражением персов и гибелью шахиншаха Пероза в 484 г., Иран был вынужден в течение долгого времени выплачивать ежегодную дань победителям – эфталитам (*Смагулов,* 2013. С. 121; *Курбанов,* 2003. С. 55–56). Видимо, именно это население было еще одним возможным источником поступления центральноазиатских и азиатских импортов в Поволжье и Приуралье.

Еще одна находка в погребальном комплексе известна в женском захоронении 8, в слое 3 склепа 38 могильника Лучистое (рис. 4: *2*). В состав погребального инвентаря входил репрезентативный набор украшений взрослой женщины: золотые серьги, пара днепровских антропо-зооморфных фибул вариантов I-2 и II-1, пара серебряных браслетов, серебряная орлиноголовая пряжка второго варианта, серебряный перстень с волютами, трапециевидные бронзовые подвески, железный нож. Также в комплекс входило ожерелье, которое состояло из стеклянных, янтарных, сердоликовых бусин, подвесок из клыка и зуба животных, а в качестве кулона была использована печать, сделанная из агата. По составу инвентаря и стратиграфии захоронений в склепе погребение можно датировать в рамках первой половины VII в. (*Айбабин, Хайрединова,* 2008. С. 36, 56–57, 107, 110–111. Рис. 19. Табл. 127: *8*; 138; 139; 140). Печать в виде ложного перстня с изображением трех расположенных друг над другом птиц, «идущих» влево; над хвостом птицы в центре – шестиконечная звезда. По краю – бордюр из V-образных листьев, заканчивающийся у лап нижней птицы. Изображение выполнено в технике объемно-выемчатой и штриховой резьбы. По мнению Э. А. Хайрединовой, находка близка группе печатей, хранящихся в фондах ГЭ и датирующихся, по определению В. Г. Луконина, V–VI вв. (*Хайрединова,* 2000. С. 106. Рис. 12: *6*; *Айбабин, Хайрединова,* 2008. С. 111. Табл. 139: *6*). Среди многочисленных изображений птиц на печатях композиции подобные изображению на находке из могильника Лучистого редки. Наиболее близка по стилю изображения печать на ложном перстне из непрозрачного «мутно-молочного» цвета халцедона, купленная в Тбилиси у антиквара и хранящаяся в Музее истории Азербайджана. Композиция состоит из двух птиц, расположенных друг над другом, нижняя несет в клюве ветку растения. Опубликовавший ее Е. А. Пахомов считал, что рисунок выполнен в манере, «обычной для печатей подобного типа, относящихся к аршакидскому и раннесасанидскому времени» (*Пахомов,* 1949. С. 107. Рис. 5/27). Стилистически близки также изображения пары птиц со звездой над спиной одной из них на печати на ложном перстне из Британского музея, которую А. Д. Н. Бивар датирует IV в. В этой коллекции также известны печати с изображениями пар птиц, расположенных друг над другом, которые, по мнению исследователя, могут быть интерпретированы как «птица и добыча», выполненные в более схематической технике, датируемые им V в. (*Bivar,* 1969. P. 103–105. Pl. 23: *HH 1; HI 8*; 24: *9–12*).

В Крыму в регулярных исследованиях дворца правителей княжества Феодоро в центральной части Мангупского городища найдена еще одна печать в форме орнаментированного ложного перстня из халцедона (рис. 4: *3*). На печати изображен лежащий перед алтарем горный баран, над крупом которого изображен полумесяц (*Науменко, Герцен,* 2021. С. 100–104). Этот сюжет ассоциируется с уже упомянутым выше *xᵛarənah*[4]. Подробно рассмотревшие эту

[4] О *xᵛarənah* см.: *Шенкарь,* 2013; мотив на печатях: *Bivar,* 1969. P. 42, 90–92; *Brunner,* 1978. P. 91–94.

находку В. Е. Науменко и А. Г. Герцен предлагают датировать ее позднесасанидским временем и связывают ее с археологическим контекстом раннего этапа истории поселения на Мангупе второй половины VI – начала VIII в. Они также выдвигают гипотезу о том, что печать могла попасть сюда в составе трофеев «византийского офицера, принимавшего участие в одной из многочисленных византийско-сасанидских войн второй половины VI – первой трети VII в. и затем продолжившего службу в составе гарнизона Мангупа-Дороса» (*Науменко, Герцен,* 2021. С. 105–110). Датировка может быть скорректирована в сторону удревнения – иконография изображения, степень проработки деталей и стиль резьбы более характерны для IV–V вв. (*Bivar,* 1969. Pl. 16: *EQ 3, 8*; 17: *ES 1–3*; *Brunner,* 1978. P. 92–94. № 117, 65; *Ritter,* 2012. Fig. 2).

С Крымом связано еще несколько находок. Печать в виде ложного перстня из светло-коричневого халцедона с декором в виде полуовалов на боковых сторонах была найдена на окраине г. Старый Крым и опубликована М. Г. Крамаровским. На ней изображен грифон с шестилучевой звездой над крупом. Автор публикации считает ее близкой к группе печатей VI–VII вв. по В. Г. Луконину, указывая на наиболее близкую печать с грифоном из коллекции К. И. Ольшевского (Камунта, Дигорское ущелье, Северная Осетия), хранящейся в собрании отдела Востока ГЭ (Инв. № Гл. 274. *Борисов, Луконин,* 1963. С. 116. № 254). Исследователь предполагает, что наиболее вероятной является связь этой находки с археологическим комплексом золотоордынского Солхата (*Крамаровский*, 1997. С. 52–53). Он также указывает на печати, «купленные в Крыму» (7 экз.) из бывшей коллекции Т. В. Кибальчича и хранящиеся в составе собрания отдела Востока ГЭ.

Таким образом, крымские находки связаны как с контекстом VII в. (находки в Лучистом и Мангупе), так и с более поздним временем. Вопрос об источниках поступления на полуостров таких вещей требует отдельного изучения специалистами, что не представляется возможным без детального анализа всех находок, в том числе купленных. Здесь мы можем лишь указать, что печати, найденные в Крыму, могли поступать в том числе через указанные выше районы концентрации таких находок на Северном Кавказе, в том числе и в контексте торговых взаимодействий с Хазарией (*Тортика,* 2006. С. 493–497).

Кроме того, известны две печати, найденные в древнерусском контексте. В частности, в переотложенном культурном слое рубежа IX/X – начала XI в. Гнездовского селища экспедицией МГУ под руководством Д. А. Авдусина в 1970 г. была найдена печать в виде ложного перстня. Она была изготовлена из коричневого халцедона, на рабочей поверхности – изображение пары развернутых друг к другу птиц, стоящих на голове быка (*Вешнякова, Булкин,* 2001. С. 47–49; *Вешнякова,* 1995. Рис. 1) (рис. 5: *1*). К. В. Вешнякова, консультировавшаяся с хранителем фонда глиптики отдела востока ГЭ А. Б. Никитиным, считает, что эти аллегорические изображения связаны с образами зороастрийского пантеона, а сама печать может быть датирована VI – началом VII в. (*Вешнякова,* 1995. С. 64–70).

Рис. 5. Находки печатей на территории Древнерусского государства и в Средней Швеции. *1* – Гнездовское селище (*Вешнякова*, 1995); *2* – Ростов Великий (*Леонтьев*, 2016); *3* – Уппланд, Швеция (*Пушкина*, 2007)

Вторая печать найдена в Ростове Великом в 2013 г. на территории Конюшенного двора в слое конца XI – начала XII в. Она изготовлена из разновидности халцедона (сардер), имеет вид усеченного эллипса с небольшим отверстием, рисунок выполнен в технике объемно-выемчатой и штриховой резьбы. На плоской стороне – изображение в виде грифона, обрамленного линией с косыми штрихами по внешней стороне. На основании техники исполнения изображения А. Е. Леонтьев датировал печать VI–VII вв. Изображение было отнесено им к распространенному в сасанидской глиптике сюжету «сидящий грифон» (*Леонтьев,* 2016. С. 37–40. Рис. 2) (рис. 5: *2*). Датировка А. Е. Леонтьева подкрепляется аналогичным обрамлением на печати с изображением пары баранов VI–VII вв., происходящей из Армении, в собрании отдела Востока ГЭ (Гл-746) (*Борисов, Луконин,* 1963. С. 136. № 401). К указанным исследователем близким образцам можно добавить перстень, происходящий из Южной Аравии, в составе Восточных коллекций Королевских музеев Берлина (*Horn, Steindorff,* 1891. S. 16. Taf. V: *2602*). На печати из коричневого халцедона (сардер), сделанной в форме усеченного эллипса с небольшим отверстием, – изображение сидящего грифона в обрамлении идущей по кругу линии из V-образных листьев.

Исследователи связывают эти находки с поступлениями «восточных вещей» в результате опосредованных связей с Хазарией и арабским Востоком. Такие предметы могли передаваться в качестве даров или сувениров, являться результатом торговых контактов, а также быть трофеями, полученными в процессе военной активности населения складывающегося Древнерусского государства. Через территорию Восточной Европы эти вещи попадали в Скандинавию. Среди них следует назвать печать в виде прямоугольного параллелепипеда со скошенными верхними краями и продольным отверстием с изображением оленя (?) (рис. 5: *3*) (*Пушкина,* 2007. С. 329–331. Рис. 2: *2*; 2020. С. 234–238; *Леонтьев,* 2016. С. 40–41; *Прокопенко, Чаплыгина,* 2017. С. 91–92).

Для дальнейшего изучения этой темы представляется важным учитывать и находки других видов сасанидских резных камней. В женском погребении 90 Елизавет-Михайловского могильника, одного из памятников среднецнинской группы мордвы, в составе представительного набора погребального инвентаря находился бронзовый перстень с каменной вставкой-инталией. На ней вырезано изображение человеческой фигуры в «танцующей» позе с длинными предметами в разведенных руках, у ног фигуры схематическое изображение животного (рис. 6: *1*) (Материальная культура… 1969. С. 64–65. Табл. 39: *3, 4*). Изображение воспроизводит упомянутый выше мотив Гайомарда, хорошо известный как на печатях, так и на резных вставках перстней (пример перстня VI в. с подобной вставкой: *Ахмедов, Хаврин, Чугунова,* 2023. С. 99. Ил. 9: *6*). Сам перстень относится к характерным для раннего периода салтовской культуры украшениям, выделенным С. А. Плетневой в тип 1. В большинстве случаев вставки изготовлены из стекла, но известны и каменные с резными изображениями (*Плетнева,* 1989. С. 115–116. Рис. 61: *5б*).

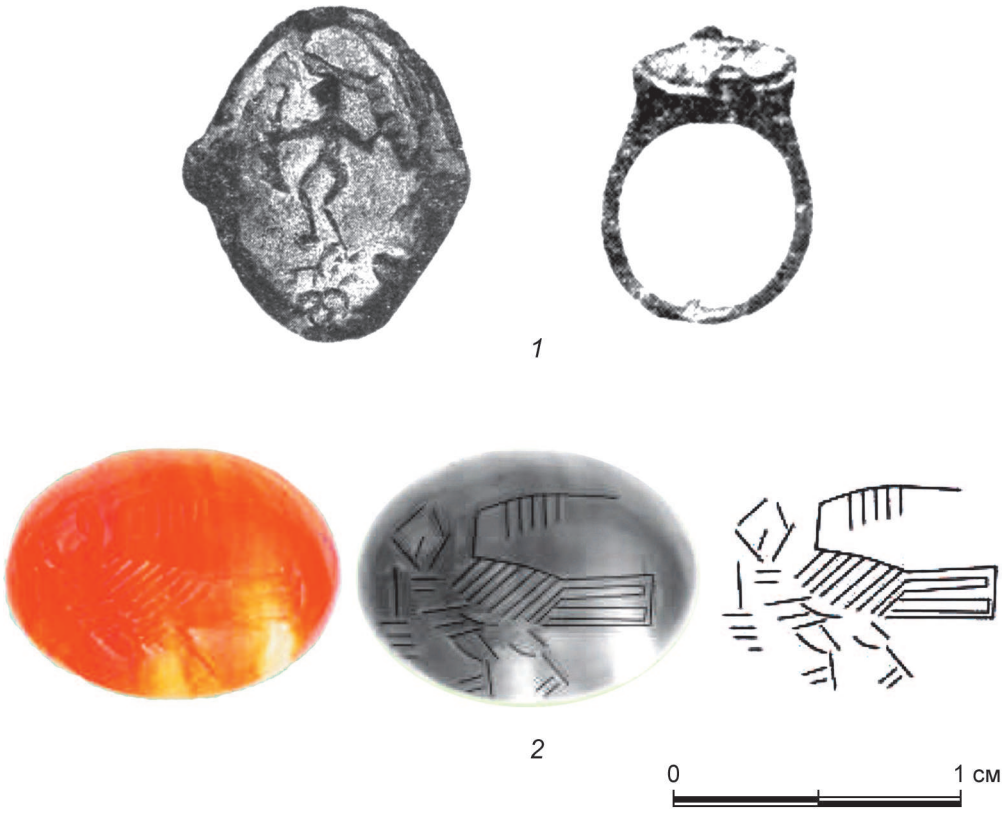


Рис. 6. Перстень с резной вставкой и вставка с изображением птицы.
1 – погр. 90 Елизавет-Михайловского м-ка (Материальная культура … , 1969);
2 – Рюриково городище (*Носов, Плохов, Хвощинская*, 2017)

Возможно, с иранской традицией связана и сердоликовая вставка-инталия, происходящая из культурного слоя второй половины X в. на Рюриковом городище (рис. 5: *3*). По мнению анализировавшей эту находку Т. С. Дорофеевой, здесь показана «птица в полете в профиль влево с гроздью винограда». Она предполагает, что это изображение может быть связано с характерным для раннехристианского искусства сюжетом «голубь или птица с гроздью винограда в клюве» (*Носов, Плохов, Хвощинская,* 2017. С. 97–98; *Дорофеева,* 2017. С. 247–249. Илл. 3-II: *3*). Не оспаривая этой гипотезы, хочется заметить, что изображение идущей влево (на оттиске вправо) птицы обычно для сасанидской глиптики, в некоторых случаях она несет в клюве гроздь плодов или стебель с тремя овальными листками или ягодами на конце (*Bivar,* 1969. P. 100–101. Pl. 22: *HE 1–12*). Стилистика изображения также сопоставима с поздними сасанидскими штриховыми изображениями VI–VII вв., которые в некоторых случаях помещались на небольшие выпуклые вставки для перстней (*Никитин,* 2012. С. 50–51. Кат. № 36, 43).

Любые предположения о более точной локализации места находки тамбовской печати пока не могут быть аргументированы. На территории бывшей Тамбовской губернии известны следующие группы памятников второй половины I тыс., с которыми гипотетически может быть связана эта находка.

В западной части губернии в верховьях р. Воронеж выявлена культурная группа раннеславянского населения, представленная древностями линий Ярок и Кривец VI–VII вв. Наиболее хорошо изученным является комплекс селищ у с. Стаево, расположенный у места слияния рек Лесной Воронеж и Польной Воронеж, представляющий собой поселок с «ярко выраженным торгово-ремесленным характером». Эта группа населения, по мнению А. М. Обломского, играла важную роль на трассе торгового пути по Дону, реконструируемого как для эпохи Великого переселения народов, так и для раннего средневековья (Торгово-ремесленный комплекс… 2022. С. 161–162, 166–167).

Следующим северным пунктом на трассе этого пути в это время был район Среднего Поочья и Нижнего Примокшанья, занятый родственными древней мордве рязано-окскими финнами. Восточная часть памятников располагалась и на территории бывшей Тамбовской губернии (Елатомский и Темниковский уезды). На этой территории в контексте древностей конца VI – начала VIII в. (Елшинский клад, могильники Городище 2, Курман, Шокшинский) известны отдельные случаи находок деталей ременных гарнитур и оружия центральноазиатского происхождения, в том числе и находящих параллели в районах среднего течения Сырдарьи. Эти импорты поступали сюда через транзитные пункты, располагавшиеся, скорее всего, в районах Прикамья и Южного Урала (*Циркин,* 1987; *Беговаткин,* 2017. С. 87–90, 407–412; *Ахмедов,* 2019. С. 157–159; 2020. С. 34–37).

В то же время на основной части бывшей Тамбовской губернии широко распространены древности средневековой мордвы VII–XI вв. Наиболее многочисленны памятники, составляющие группу на средней Цне. Достаточно хорошо они известны и на нижнем течении Мокши, и на ее притоках. В этих погребальных и поселенческих памятниках присутствуют многочисленные находки инокультурных импортов, среди которых наиболее массово представлены характерные для салтово-маяцкой культуры вещи, связанные как с личным убором, так и с воинским обиходом, поступавшие сюда по трассе Донского пути. Среди этих импортов для нашей темы весьма важен вышеописанный факт находки салтовского перстня с сасанидской вставкой-инталией в Елизавет-Михайловском могильнике, входящем в группу среднецнинских памятников. Массив салтовских импортов подтверждает предположения о существовании даннических отношений мордвы с Хазарским каганатом (*Воронина,* 2005. С. 101–104; *Петербургский,* 2013. С. 34–36; *Ахмедов,* 2016. С. 431, 433; *Беговаткин,* 2017. С. 90–97). Если учитывать находку печати на Нижнелубянском могильнике салтово-маяцкой культуры, то можно предполагать, что рассмотренная нами находка могла поступить в регион и в составе указанных выше «салтовских» импортов.

Возможно, именно с контекстом мордовских древностей на Средней Цне и следует связывать находку печати из Тамбовской губернии.

Авторы надеются, что дальнейшее накопление данных позволит конкретизировать гипотезы о динамике и путях поступления иранских и центральноазиатских импортов в лесную зону Центральной России.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2008. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Украина. 336 с. (БИ. Supplementum; вып. 4).

Афанасьев Г. Е., 2016. Сасанидская гемма из Нижнелубянского могильника // РА. № 3. С. 121–130.

Ахмедов И. Р., 2016. Мордва: между Хазарским каганатом, Волжской Булгарией и Русью // Путешествие ибн-Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М.: Изд. дом Марджани. С. 431–461.

Ахмедов И. Р., 2019. «Тюркский» след в Поочье? Меч с кольцевым навершием из Шокшинского могильника // Stratum plus. № 5. С. 133–165.

Ахмедов И. Р., 2020. «Восточные» и прикамские ременные гарнитуры в Среднем Поочье в VII – начале VIII в. // Археология Волго-Окского региона: сб. тез. к юбилею И. В. Белоцерковской / Ред., сост. Н. А. Биркина. М.: ГИМ. С. 34–42.

Ахмедов И. Р., 2025. Сасанидская печать из Верхне-Салтовского могильника // Ювелирное искусство и материальная культура: сб. ст. Вып. 8. СПб.: Изд-во ГЭ. (В печати).

Ахмедов И. Р., Хаврин С. В., Чугунова К. С., 2023. Перстень с изображением льва из Малой Перещепины. Новые возможности атрибуции // Ювелирное искусство и материальная культура. Вып. 7. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 93–110.

Байпаков К. М., Смагулов, Е. А., Ержигитова А. А., 2005. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Баур. 236 с.

Беговаткин А. А., 2017. Археологическая карта России. Республика Мордовия. М.: ИА РАН. 487 с.

Борисов А. Я., Луконин В. Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.: Изд-во ГЭ. 224 с.

Вешнякова К. В., 1995. Сасанидская печать из Гнездова // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга / Отв. ред.: В. М. Массон, Д. Г. Савинов. СПб.: Петербургкомстат. С. 64–70. (Археологические изыскания; вып. 34).

Вешнякова К. В., Булкин В. А., 2001. Ремесленный комплекс гнездовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Гнездово. 125 лет исследования памятника: археолог. сб. / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ. С. 40–53. (Тр. ГИМ; вып. 124).

Воронина Р. Ф., 2005. Южные и степные влияния в культуре среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. Вып. 218. С. 98–108.

Дзатиатты Р. Г., 2006. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ: Ир. 179 с.

Дорофеева Т. С., 2017. Приложение 1. Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет // Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В. 2017. Рю-

риково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 244–257. (Тр. ИИМК РАН; т. XLIX).

Железняков Б. А., Акымбек Е. Ш., 2020. Античный профиль на халцедоновой печати из предгорий Терской Каратау // Отан тарихы = Отечественная история. № 1 (89). С. 206–217.

Захаров А. А., 1928. Геммы Государственного исторического музея. М.: Изд-во ГИМ, 1928. 48 с., 6 с. табл., ил. (Оттиск из вып. III «Тр. секции археологии» Науч.-исслед. ин-та археологии и искусствознания РАНИОН).

История административно-территориального деления Тамбовского края. XVII – начало XXI вв. (исторический очерк). Тамбов: Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл., 2011. 43 с.

Крамаровский М. Г., 1997. Иранский амулет V – начала VI в. из византийского Крыма // Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь, 6–11 июня 1997 г.): тез. докл. Симферополь. С. 52–53.

Курбанов А., 2003. Политическая история эфталитов // Światowit. T. 5 (46), № A. S. 43–68.

Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Наука. 396 с.

Левина Л. М., Никитин А. Б., 1991. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ. № 4. С. 53–65.

Левина Л. М., Никитин А. Б., 1992. Иранские резные камни из восточного Приаралья // Культуры Востока: проблемы и памятники: крат. тез. докл. СПб. С. 68–72.

Леонтьев А. Е., 2016. Сасанидская печать из Ростова Великого // КСИА. Вып. 245. С. 37–41.

Материальная культура Средне-Цнинской мордвы (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 годы) / Науч. обработка и введение А. Е. Алиховой. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1969. 176 с. (Археологический сборник; т. III).

Науменко В. Е., Герцен А. Г., 2021. Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца: проблемы атрибуции и интерпретации // Античная древность и средние века. Вып. 49. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 97–114.

Никитин А. Б., 2012. Сасанидские геммы. Каталог // Никитин А. Б., Смирнова Н. М. Мир в миниатюре. Геммы из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М. С. 52–81.

Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В., 2017. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин. 288 с. (Тр. ИИМК РАН; т. XLIX).

Пахомов А. Е., 1949. Доисламские печати и резные камни Музея истории Азербайджана // МКА. Т. I. Баку: Изд-во АН АзССР. С. 104–110.

Петербургский И. М., 2013. Торгово-экономические связи мордвы в VIII–XI веках // Экономическая история. № 3 (22). С. 32–44.

Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 288 с.

Прокопенко Ю. А., 2009. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь: Графа. С. 39–60.

Прокопенко Ю. А., Лубова С. Ф., 2008. Культурные контакты и караванная торговля по северокавказскому – балто-донскому пути в IX – нач. XIII в. // Вестник СГУ. Вып. 59 (6). С. 52–56.

Прокопенко Ю. А., Чаплыгина С. Ф., 2017. Центральное Предкавказье в пространстве влияния Великого Шелкового пути и других транскавказских торговых магистралей в V – начале XIII в. Ставрополь: Печатный Двор. 272 с.

Пушкина Т. А., 2007. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник: к 30-летию археолог. изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской обл. археолог. экспедиции / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 325–331.

Пушкина Т. А., 2020. К проблеме воздействия Востока на Скандинавию и Русь в раннем средневековье // Хазарский альманах. Т. 17 / Гл. ред. О. Б. Бубенок. М.: Индрик. С. 228–242.

Русланова Р. Р., 2018. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия. 376 с.

Смагулов Е. А., 2013. Культовые постройки храмового комплекса на городище Сидак (Южный Казахстан) // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конф. «Согдийцы дома и на чужбине», посвящ. памяти Бориса Ильича Маршака (1933–2006). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 96–128. (Тр. ГЭ; т. LXII).

Смагулов Е. А., Яценко С. А., 2008. Святилище Сидак – один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V – нач. VIII вв.) [Электронный ресурс] // Transoxiana. 13. URL: http://www.transoxiana.org/13/smagulov_yatsenko-sidak_sanctuary-rus.php (дата обращения: 18.12.2022).

Торгово-ремесленный комплекс у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (конец V – VII в.) и некоторые проблемы археологии Верхнего Подонья эпохи раннего Средневековья / Отв. ред. А. М. Обломский. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 542 с. (Раннеславянский мир; вып. 21).

Тортика А. А., 2006. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харьков: Харьковская гос. академия культуры. 553 с.

Хайрединова Э. А., 2000. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь: Таврия. С. 91–133.

Шенкарь М. А., 2013. Об иконографии xᵛarənah и его роли в идеологии древних иранцев // Последний энциклопедист: к юбилею Б. А. Литвинского. М.: Ин-т востоковедения РАН. С. 427–442.

Шестопалова Э. Ю., 2018. Древний Дагом: по материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. Владикавказ: Цопанова А. Ю. 409 с.

Шмидт А. В., 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Уфа: Типолитогр. «Октябрьский натиск». С. 1–28.

Циркин А. В., 1987. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н. э. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 304 с.

Bivar A. D., 1969. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals II: The Sassanian Dynasty. London: The British Museum. 148 p.

Brunner C. J., 1978. Sasanian Stamp Seal in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art. 149 p.

Cereti C., 2015. GAYŌMARD [Электронный ресурс] // Encyclopædia Iranica. Online edition. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/gayomard (дата обращения: 08.01.2023).

Gignoux Ph., 1977. Cachets sasanides du British Museum // Varia. Téhéran; Liège. P. 125–148. (Acta Iranica; vol. 12).

Harper P. O., Skjærvø P. O., Gorelick L., Gwinnet A. J., 1992. A Seal-Amulet of the Sasanian Era: Imagery and Typology, the Inscription, and Technical Comments // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 6. P. 43–58.

Horn P., Steindorff G., 1891. Sassanidische Siegelsteine. Berlin: W. Spemann. 56 S. (Mitteilungen aus den Orientalischen Sammlungen; Heft 4).

Ritter N. C., 2012. On the Development of Sasanian Seals and Sealing Practice: A Mesopotamian Approach // Seals and Sealing Practice in the Near East. Developments in the Administration and Magic from Prehistory to the Islamic Period: Proceedings of an International Workshop at the Netherlands-Flemish Institute in Cairo on December 2–3, 2009 / Ed.: I. Regulsky, K. Duistermaat, P. Verkinderen. Leuven; Paris; Walpole. P. 99–114.

Vollenweider M.-L., 1967. Catalogue raisonné des sceaux, cylindres, intailles et camées. Vol. 1. Musée d'Art et d'Histoire de Genève. Genève; Mainz am Rhein: Ph. von Zabern. 217 p.

I. R. Akhmedov, N. A. Birkina

A SASANIAN SEAL FROM TAMBOV PROVINCE IN THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM

Abstract. The article examines a Sasanian chalcedony seal featuring a "formal portrait" style image, originating from the former Tambov Province. The artifact was acquired by the State Historical Museum as part of the Uvarov Museum collection in Porechye. The study identifies stylistically related seals forming a unified group with the published example. Comparable seals from the collections of the State Hermitage Museum, the Metropolitan Museum of Art, and the British Museum are also analyzed. This analysis dates the group to the late 4th – early 6th centuries AD. A review of other Sasanian seals discovered in Eastern Europe outlines potential routes for their introduction into the forested zones during the late 1st to early 2nd millennium AD. The most plausible pathway is the Don route, through which individual examples of Sasanian glyptics likely reached the region from the North Caucasus. The seal's connection to the antiquities of the Middle Tsna Mordvins in Tambov Province is also proposed.

Keywords: Eastern Europe, Caucasus, Central Asia, Sasanian glyptics, attribution, chronology, cultural interactions, trade routes

А. И. Бабиец, О. Н. Иванова

К ВОПРОСУ О НАХОДКАХ РИМСКИХ МОНЕТ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.100-112

Резюме. Со времени подчинения Боспорского царства Римской империи на Тамани имели хождение и римские монеты, которые, хотя и в небольшом количестве, встречаются регулярно, – в основном это римские монеты первых веков нашей эры. До настоящего времени монеты римской чеканки встречались на Боспоре преимущественно в границах городских центров и их некрополей, прочие находки рассеяны на территории боспорской хоры. В последнее время значительно увеличился объем информации о нумизматических находках на территории Краснодарского края в целом, что позволяет решить вопрос о путях поступления и значимости римских монет в экономике Боспорского государства и прилегающих пространств.

Ключевые слова: Боспорское царство, Римская империя, музейные коллекции, римские монеты, нумизматика, аверс, реверс

Нумизматические материалы наряду с письменными источниками и археологическими данными являются важной компонентой источниковой базы, которая позволяет не только значительно расширить наши представления о развитии международных политико-экономических связей населения Северного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа, но и комплексно подойти ко многим проблемам истории римско-боспорских отношений для изучения характера денежного обращения на Боспоре и у окрестных варваров в эпоху Империи. Наряду с новыми нумизматическими находками в Краснодарском регионе значительный потенциал для изучения истории и экономики региона имеют не введенные в научный оборот музейные коллекции, происходящие с территории Боспорского царства и Северо-Западного Кавказа.

Первые опыты сведения воедино разрозненных материалов и попытки их интерпретации (20–30-е гг. XX в.) оказались на редкость успешными. В 1926 г. известный нумизмат, профессор Бакинского университета Е. А. Пахомов предпринимает издание серии выпусков «Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа». В первых трех помещены известные нумизмату данные о находках монет в Краснодарском крае до 1940 г.

Продолжается издание трудов Е. А. Пахомова вплоть до 1966 г.: вышло шесть выпусков, в которых были обобщены все известные находки монет. Публикация находок и скрупулезное изучение материала позволили ему наметить основные этапы денежного обращения на Кавказе в античную эпоху. Дальнейшие исследования показали, что со времени подчинения Боспора Риму на Тамани римские монеты были в обращении: они встречаются регулярно, в основном это римские монеты времен Империи первых веков нашей эры (*Крушкол*, 1951. С. 266, 272).

В 1961 и 1966 гг. В. В. Кропоткиным были изданы обобщающие своды известных находок римских и византийских монет на территории Восточной

Рис. 1. Находки римских монет в Краснодарском крае:
1 – ст. Варениковская; *2* – Краснобатарейное поселение; *3* – хут. Аманат;
4 – клад на Ангелинском Ерике; *5* – Тамань (две римские золотые монеты)

Европы, куда вошли находки отдельных монет и кладов центрального и провинциального чекана Древнего Рима.

Большой объем информации содержится в материалах архивов и библиотечных фондов ИА РАН и ИИМК РАН: отчетная документация об археологических раскопках памятников Тамани и Северо-западного Кавказа конца XIX – начала XX в., 20–30 гг., 50–90 гг. нашего века, диссертации и авторефераты диссертаций, статьи и монографии. Источники данной группы позволяют проследить историю археологического изучения памятников Тамани и Северо-Западного Кавказа, а также развитие нумизматики Северо-Восточного Причерноморья в конце XIX – начале XX в. и в 50–90 гг. XX в. Благодаря обращению к этим источникам удается ввести в научный оборот неизвестные ранее монеты, дополнить общую картографическую ситуацию нумизматических находок на территории Тамани и Северо-Западного Кавказа. Их распределение позволяет с большим основанием судить об экономической и этнополитической ситуации в исследуемом регионе в римское время.

Вторая группа источников представляет ранее опубликованные своды монет исследователей 20–90 гг. XX в. Данные публикации содержат богатый фактический материал, обобщенные сведения археологических исследований с конца XIX в. по 90-е гг. XX в.

Третью группу составляют неопубликованные нумизматические и археологические материалы из музейных фондов. Данная группа источников расширяет круг известных находок римских монет, происходящих из Северо-Восточного Причерноморья, это очень важно для локализации основных районов сосредоточения находок римских монет, т. е. для создания основы для дальнейших умозаключений. К четвертой группе источников относятся неопубликованные нумизматические материалы из частных коллекций.

Изучая широкий круг опубликованных материалов и на основании анализа монет, найденных на Тамани и Северо-Западном Кавказе, следует выделять два источника поступлений монет: северо-западное (из Юго-Восточной Европы) и южное (из римских провинций Малой Азии). Максимальное количество найденных монет относится к римскому (I–III вв.) времени.

Римские монеты учтены в сводках А. Н. Зографа, Е. А. Пахомова и в своде В. В. Кропоткина (*Зограф,* 1945; С. 29–86, *Пахомов,* 1938. С. 14. № 347, 348, С. 15. № 353; 1940. С. 28. № 774, С. 30. № 784; 1949. С. 16. № 1351, С. 27. № 1419, 1420, 1424, С. 28. 1428, С. 30. № 1432, 1433; 1954. С. 30. № 1555, С. 31. № 1556; 1957. С. 7. № 1713; 1959. С. 7. № 1915, 1916, 1917, С. 8. № 1922; *Кропоткин,* 1961. С. 39, 40. №№ 2–4, 6, 7, 11–13, 15–17, 19, 23–29; С. 110. № 1686–1691). После выхода последнего дополнения свода В. В. Кропоткина интерес к учету находок римских монет на территории края снизился (Он же, 1966. С. 82. № 2 (1735), С. 99. № 222 (1933)).

Зафиксированное общее количество как отдельных монет, так и в составе кладов сравнительно невелико (*Абрамзон, Иванина,* 2010. С. 50–55). По мнению В. Н. Розова, среди разного рода монет, происходящих с территории Боспорского царства, римские монеты в местных находках встречаются нечасто и в основном принадлежат императорской эпохе (*Розов,* 2015. С. 282). Тем не менее новые находки в Краснодарском крае позволяют предположить, что объем поступающих в регион римских монет был гораздо больше (рис. 1).

Находки провинциальных монет Кесарии Каппадокийской на территории Краснодарского края были включены в своды А. Н. Зографа (*Зограф,* 1945. С. 78, 79. Кат. 176, 177), Е. А. Пахомова (*Пахомов,* 1949. С. 27. № 1421, 1423) и В. В. Кропоткина (*Кропоткин,* 1961. С. 39. № 1, 2; 2000. С. 21. № 1690, 1700).

Одна из наиболее ярких находок представляет собой клад из около 200 серебряных каппадокийских «тетрадрахм», найденных солдатами в глиняном кувшине при строительстве казармы у подножия кургана близ станицы Адагумской в 1859 г., о котором писал А. Н. Зограф со ссылкой на Е. Е. Люценко (*Зограф,* 1945. С. 78, 79. Кат. 177). Позднее этот клад был рассмотрен Е. А. Пахомовым, В. В. Кропоткиным (*Пахомов,* 1949. С. 27. № 1421; *Кропоткин,* 1961. С. 39. № 1). Е. А. Пахомов практически повторил А. Н. Зографа, но не обратил внимание на пометку (латинское слово «*sic*») после слова «тетрадрахма». Уже у В. В. Кропоткина упоминание тетрадрахм вызвало удивление, и в своде 1961 г. в статье об Адагумском кладе после этого слова автор поставил знак вопроса

Рис. 2. Драхмы Кесарии Каппадокийской

в скобках. М. Г. Амбрамзон и Н. А. Фролова, авторы «Корпуса боспорских кладов античных монет» (2008), остановились на этой неточности подробнее, сообщив, что в Цезарее Каппадокийской (столица и местонахождение монетного двора провинции) никогда не выпускали тетрадрахмы, и, вероятно, это были дидрахмы или тридрахмы (*Абрамзон, Фролова,* 2008. С. 309–310).

Вторая находка (монеты Кесарии Каппадокийской) обнаружена в 1895 г. в с. Адербиевка Геленджикского района. Три экземпляра оказались в Эрмитаже: одна монета императора Траяна и две – императрицы Юлии Домны (*Зограф,* 1945. С. 78, 79, № 176; *Пахомов,* 1949. С. 27, № 1423; *Кропоткин,* 1961. С. 39. № 2).

Для определения путей поступления каппадокийских монет на территорию современного Краснодарского края важно упомянуть клад, обнаруженный в 1926 г. в с. Герзеул (Абхазия). Он также содержал монеты Кесарии Каппадокийской. Первая предварительная публикация Герзеульского клада принадлежит М. М. Иващенко (*Иващенко,* 1931. С. 1–19), а сравнительно недавно клад был опубликован полностью (*Абрамзон,* 2005. С. 190–201. Табл. XXXII–XXXIX).

По мнению А. Н. Зографа и К. В. Голенко, в конце I – II в. н. э. серебро Кесарии Каппадокийской было основным денежным средством, обращавшимся на территории Западного Кавказа, включая Колхиду и прибрежные районы Абхазии, и в районах к северу по Черноморскому побережью – в местах дислокации римских гарнизонов, получавших жалованье кесарийскими драхмами (*Зограф,* 1945. С. 48; *Голенко,* 1964. С. 24, 25). Именно из этих территорий, по предположению М. Г. Абрамзона и Н. А. Фроловой, «монеты Кесарии Каппадокийской проникали на Боспор во II в. н. э.» (*Абрамзон, Фролова,* 2008. С. 311).

Отметим, что интуитивно А. Н. Зограф датировал Адагумский клад II в. н. э. (*Зограф,* 1945. С. 78, 79).

В 2017 г. в окрестностях ст. Варениковская Краснодарского края были найдены две драхмы Кесарии Каппадокийской (рис. 2) (*Бабиец, Полицын,* 2020. С. 25–28).

На территории Краснодарского края ранее неоднократно фиксировались находки римских монет. Сбор сведений о римских монетах получает развитие в начале этого века. Так, только в своде В. В. Кропоткина в пределах Краснодарского края упоминаются находки 276 римских монет, считая провинциальные

Рис. 3. Две римские золотые монеты из находок на Тамани

Рис. 4. Римские денарии I–II вв. н. э.,
найденные в окрестностях хут. Аманат

выпуски по греческим весовым нормам, но не считая подражаний и индикаций из бронзы, серебра и золота (*Кропоткин,* 1961. С. 39, 40. №№ 3–4, 6, 7, 11–13, 15–17, 19, 23–29; 1966. С. 82. № 2 (1735), С. 99. № 222 (1933); 2000. С. 21, 22. №№ 1686, 1688–1691, 1696–1698, 1704, 1701, 1707, 1712, 1713).

Сегодня таких находок известно значительно больше. Было издано несколько статей о римских денариях (*Пьянков, Юрченко,* 2014. С. 190–192, 2021. С. 269–275; *Розов,* 2018. С. 177–193).

Денарии Фаустины Старшей и Марка Аврелия найдены близ Анапы (*Фролова,* 1982. С. 56). Известны находки римских монет в западной части Таманского полуострова (Темрюкский район Краснодарского края) (*Абрамзон,* 2013. С. 61; *Розов,* 2015. С. 283), а в окрестностях пос. Белый (2018 г.) обнаружены две римские золотые монеты (*Бабиец, Пьянков, Полицын,* 2020. С. 91–95) (рис. 3).

В некотором удалении от побережья в 2016 г. были найдены римские монеты на окраине хут. Аманат (Крымский район Краснодарского края) (*Бабиец, Полицын,* 2019. С. 44–47) (рис. 1, 4). Кроме того, при исследовании культурных слоев

1 *2*

Рис. 5. Находки с Краснобатарейного поселения

римского времени Краснобатарейных поселений 2 и 3 (раскопки Н. Ф. Шевченко в 2015 г.) были обнаружены два денария Антонина Пия (рис. 5)[1].

Заметным событием стала публикация клада римских денариев (рис. 6–7) из практически континентальной части Прикубанья (Ангелинский Ерик) (*Пьянков, Тиханов*, 2017. С. 227–239), который может быть свидетельством присутствия на Кубани в догуннский период германских племен. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

До настоящего времени монеты римской чеканки встречались на Боспоре преимущественно в границах городских центров и их некрополей, прочие находки рассеяны на территории боспорской хоры (*Розов,* 2015. С. 286–287). В последнее время значительно увеличился объем информации о таких нумизматических памятниках. В основном это единичные находки; они по части информативности уступают кладам, но приобретают важное значение для понимания времени их обращения на территории Боспора и прилегающих территориях (*Кодацкий, Мызгин,* 2017. С. 72).

При рассмотрении обращения римских императорских монет возникает предположение, что со второй половины II в. н. э. полученные боспорскими царями от Рима субсидии использовались для оплаты наемных войск из варварских племен и для подкупа верхушки племен, представлявших наибольшую опасность для Боспора (*Фролова,* 1982. С. 58). В первой половине III в. готская волна, захлестнув обширную территорию между Дунаем и Доном, докатилась до Северного Причерноморья (*Лакоба, Бгажба,* 2007. С. 99). Воспользовавшись боспорским флотом, готы совершили ряд морских походов к устьям Днестра и Днепра, в Синоп, Питиунт и далее – на острова и материковые города бассейнов Мраморного, Эгейского и Средиземного морей (*Васильев,* 1921. С. 267). В 253 г. готы опустошили Каппадокию, области Питиунта и Эфеса.

Для сравнения, на территории современной Украины клады с денариями римских императоров I–II вв. являются массовыми находками (*Мызгин,* 2013. С. 218–223), причем называются разные причины поступления римского серебра на территорию черняховской культуры.

---

[1] Искренняя благодарность руководителю работ Н. Ф. Шевченко за предоставленную информацию.

Рис. 6. Клад римских денариев в долине Ангелинского Ерика

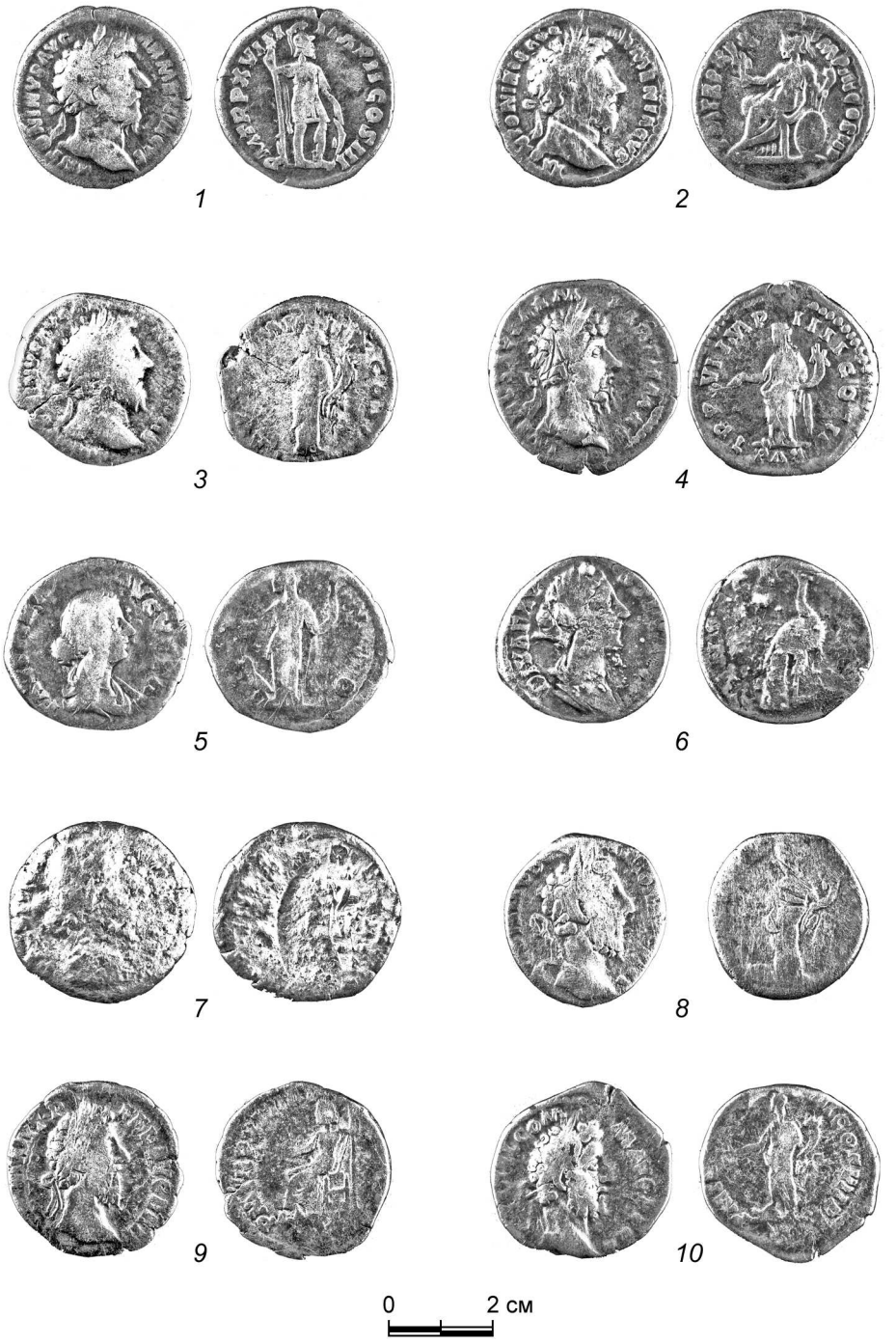


Рис. 7. Клад римских денариев в долине Ангелинского Ерика

У исследователей можно встретить разные приоритетные версии источников поступления римских денариев (*Кропоткин,* 1961. С. 35; *Мызгин, Дымовский,* 2014. С. 83). Одна из версий считает этот процесс результатом торговли (*Самоквасов,* 1897. С. 39, 40; *Ляскоронский,* 1901. С. 458–464; *Кропоткин,* 1961. С. 24, 25; 1966. С. 79–81). Вторая версия видит основной источник появления римских монет в грабительских походах германских племен в римские провинции в III в. в период Скифских войн, известных также как Готские войны (*Магомедов,* 1987. С. 79; 2001. С. 111; *Щукин,* 2005. С. 202; *Бейдин, Григорьянц, Любичев,* 2006. С. 117–119*; Шаров,* 2007. С. 34, 35; *Мызгин,* 2008. С. 51, 52). В последнее время становится популярной и третья версия, которая допускает наличие серебряной монеты у готских племен и у их союзников еще до переселения на юг Восточной Европы – и пополнение впоследствии (Он же, 2013. С. 222, 223). По мнению К. В. Мызгина, они могут являться свидетельствами передвижения германских племен из Центральной Европы (Он же, 2012. С. 23–24).

Данные письменных источников показывают, что племена, участвовавшие в «готских» вторжениях, совершали рейды в пределы Римской империи как самостоятельно, так и объединившись в коалиции. Совместные военные мероприятия и активные межплеменные контакты создавали благоприятные условия для проникновения в готскую среду элементов римской культуры. Среди них были и монеты, которые могли обращаться в варварской среде довольно долго. Очевидно, что влияние римской культуры испытали все варварские племена Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья, участвовавшие в «готских» войнах середины III в. н. э. (*Лавров,* 2003. С. 335). К сожалению, мы не располагаем большим числом кладов, относящихся ко времени начала кризиса Римской империи, сопровождавшегося вторжениями готов и причерноморских племен (*Кропоткин,* 1961. С. 18).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., 2005. Серебряные монеты Кесарии Каппадокийской из Герзеульского клада (собрание Абхазского государственного музея) // НЭ. Т. XVII / Ред.: Г. А. Кошеленко, Н. М. Смирнова. М. С. 190–201.

Абрамзон М. Г., 2013. Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 61–107. (Материалы по археологии и истории Фанагории; т. 1).

Абрамзон М. Г., Иванина О. А., 2010. Античные монеты. Нумизматическая коллекция (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника). Т. II. Киев: Мистецтво. 320 с.

Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., 2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.). Симферополь; Керчь. 870 с.

Бабиец А. И., Полицын Е. Б., 2019. Новые находки римских монет в Краснодарском крае // Нумизматические чтения ГИМ 2019 г.: материалы докл. и сообщ. М. С. 44–47.

Бабиец А. И., Полицын Е. Б., 2020. Монеты Кесарии Каппадокийской из новых находок в Краснодарском крае // Нумизматические чтения ГИМ 2020 г.: материалы докл. и сообщ. М. С. 25–28.

Бабиец А. И., Пьянков А. В., Полицын Е. Б., 2020. Два римских солида из находок на Таманском полуострове Краснодарского края // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 12–13. Ставрополь: Печатный Двор. С. 91–95.

Бейдин Г. В., Григорьянц М. Н., Любичев М. В., 2006. Находки монет римского времени на территории Харьковской области // Древности римского времени на Слобожанщине / Ред. А. Н. Зинухов. Харьков: Курсор. С. 117–119.

Васильев А. А., 1921. Готы в Крыму // ИРАИМК. Т. 1. С. 265–344.

Голенко К. В., 1964. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л.: Изд-во ГЭ. 109 с.

Зограф А. Н., 1945. Распространение находок античных монет на Кавказе // Труды Отдела нумизматики. Т. I. Л.: Типо-литогр. изд-ва АН СССР. С. 29–86.

Иващенко М. М., 1931. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 23 с. (ИГАИМК; т. VII, вып. 10).

Кодацкий С. В., Мызгин К. В., 2017. Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Одесса: Ирбис. С. 72–83.

Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 135 с. (САИ; вып. Г4-4).

Кропоткин В. В., 1966. Новые находки римских монет в СССР (Дополнение к «Своду археологических источников», вып. Г4-4) // НЭ. Т. VI / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука. С. 74–102.

Кропоткин В. В., 2000. Дополнение к списку находок римских монет // Stratum plus. № 6. С. 20–117.

Крушкол Ю. С., 1951. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937 и 1939 гг. Государственного исторического музея // СА. № 15. С. 256–273.

Лавров В. В., 2003. Готские войны III в. н. э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья // Проблемы античной истории / Ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 332–352.

Лакоба С. З., Бгажба О. Х., 2007. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Сухум. 392 с.

Ляскоронский В. Г., 1901. Находки римских монет в области Среднего Приднепровья // Труды Одиннадцатого Археологического съезда в Киеве (1899). Т. I / Под ред. П. С. Уваровой и С. С. Слуцкого. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гепеля. С. 458–464.

Магомедов Б. В., 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 112 с.

Магомедов Б. В., 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 290 с.

Мызгин К. В., 2008. К вопросу о времени поступления римских монет в среду черняховского населения // Вісник Харківського національного університету імені В Н. Каразіна. № 816. Історія. Вып. 40. С. 51–52.

Мызгин К. В., 2012. Находки римских республиканских монет на юге Восточной Европы // Stratum plus. № 4. С. 17–30.

Мызгин К. В., 2013. Римские монеты в ареале черняховской культуры: проблема источников поступления // Stratum plus. № 4. С. 218–223.

Мызгин К., Дымовский А., 2014. Приток римских денариев I–II вв. на территорию черняховской культуры в свете хронологической структуры и территориального распределения монетных кладов // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В. П. Петрова / Ред.: О. Петраускас, С. Горбаненко. Київ: ІА НАН України: Інтитут історичної освіти НПУ ім. М. П. Драгоманова, С. 82–95. (OIUM; № 4).

Пахомов Е. А., 1938. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. II. Баку: Изд-во Азербайджан. филиала АН СССР. 101 с.

Пахомов Е. А., 1940. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. III. Баку: Изд-во Азербайджан. филиала АН СССР. 46 с.

Пахомов Е. А., 1949. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V. Баку: Изд-во АН АзССР. 64 с.

Пахомов Е. А., 1954. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VI. Баку: Изд-во АН АзССР. 92 с.

Пахомов Е. А., 1957. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VII. Баку: Изд-во АН АзССР. 124 с.

Пахомов Е. А., 1959. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VIII. Баку: Изд-во АН АзССР. 128 с.

Пьянков А. В., Тиханов А. В., 2017. Клад римских денариев на Ангелинском Ерике у Красного леса (Красноармейский район Краснодарского края) // Шестые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.) / Ред.: Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: Смородин. С. 227–239.

Пьянков А. В., Юрченко Т. В., 2014. Римский денарий и варварские подражания императорскому серебру из новых поступлений Краснодарского музея-заповедника // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.). Краснодар: Традиция. С. 190–192.

Пьянков А. В., Юрченко Т. В., 2021. Римские серебряные монеты в собрании Краснодарского музея-заповедника, поступившие до 1991 г. // Вопросы археологии Адыгеи: сб. науч. тр. Майкоп: Магарин О. Г. С. 269–275.

Розов В. Н., 2015. О некоторых находках римских монет на таманском полуострове // ДБ. Т. 19. С. 282–283.

Розов В. Н., 2018. Античные монеты из находок в районе Сочи // Древности Боспора. Т. 22. М.: ИА РАН. С. 177–193.

Самоквасов Д. Я., 1897. О происхождении русских и польских славян и причине появления кладов римских монет в земле древних руссов и ляхов // Труды Восьмого Археологического съезда в Москве. Т. III / Под ред. П. С. Уваровой. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. С. 39–40.

Фролова Н. А., 1982. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н. э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья: сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Л. Янин. Киев: Наукова думка. С. 55–63.

Шаров О. В., 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами (краснолаковая керамика). СПб.: Нестор-История. 208 с.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филолог. фак. СПбГУ. 576 с.

A. I. Babiyets, O. N. Ivanova

ON THE DISCOVERY OF ROMAN COINS IN THE KRASNODAR TERRITORY

Abstract. Since the subjugation of the Bosporan Kingdom by the Roman Empire, Roman coins have circulated in the Taman Peninsula. Though found in small quantities, they appear regularly, primarily coins from the early centuries AD. Until recently, Roman-minted coins on the Bosporus were mostly discovered within the boundaries of urban centers and their necropolises, while other finds were scattered across the Bosporan chora. Recently, the volume of information about numismatic discoveries in the Krasnodar Territory as a whole has significantly increased, enabling the study of the pathways and economic significance of Roman coins in the Bosporan Kingdom and adjacent areas.

Keywords: Bosporan Kingdom, Roman Empire, museum collections, Roman coins, numismatics, obverse, reverse

В. В. Гурулева, П. Г. Гайдуков, С. В. Язиков

КЛАД ЗОЛОТЫХ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ X ВЕКА, НАЙДЕННЫЙ В 2019 Г. НА ГОРОДИЩЕ ДИНСКОГО ЗАЛИВА (ТАМАНЬ)

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.113-137

Резюме. В статье публикуется клад золотых византийских монет, найденный в декабре 2019 г. экспедицией Института археологии РАН при обследовании городища Динского залива (Таманский район Краснодарского края). Депозит включает в себя 28 номисм тетартерон византийских императоров Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976). Дается подробное описание и характеристика монет клада в контексте реформы Никифора II. Приводятся сравнительные данные о кладах с монетами Никифора II и Иоанна I, которые находят на территории Тмутараканского княжества, в других регионах Древней Руси и в Северном Причерноморье. Высказано предположение, что монеты Динского клада были частью выплат печенегам, которых византийские императоры традиционно использовали для борьбы с росами, отправляя ежегодно их вождям богатые дары.

Ключевые слова: Византийская империя, Тамань, городище Динского залива, монетный клад, номисма стамена, номисма тетартерон, клады, топография монетных находок

В декабре 2019 г. экспедиция Института археологии РАН проводила разведки по мониторингу состояния и уточнению границ шести античных городищ на Таманском полуострове в Темрюкском районе Краснодарского края. В числе других объектов археологического наследия исследовался памятник археологии «Городище Динского залива с остатками крепостных сооружений, I в. до н. э. – IV в. н. э.» (рис. 1; 2)[1].

Это городище известно с конца XVIII в. и описывалось в трудах П. С. Палласа, Я. М. Лазаревского, В. Г. Тизенгаузена и К. К. Герца, оно отмечено на археологических картах С. Ф. Войцеховского (1929) и А. А. Миллера (1930–1931). В 1960–1963 гг. поселение раскапывалось Таманской экспедицией ИА АН СССР под руководством Н. И. Сокольского. Исследования были сосредоточены на городище, названном «Батарейка I». Раскопками 1960 г. здесь выявлены 6 слоев, охватывающих период от I до VIII вв., вал и сырцовая оборонительная стена, часть дома, «погибшего в сильнейшем пожаре», по мнению исследователя, при

[1] *Свиридов А. Н.* Отчет о проведении мониторинга состояния объектов археологического наследия муниципального образования Темрюкский район (6 объектов: Городище «Кепы», VI–II вв. до н. э.; Голубицкое городище, V в. до н. э. – IV в. до н. э.; Городище I–VIII вв. н. э., п. Красноармейский; Античный город Патрей VI в. до н. э. – III в. н. э., VIII–IX и XII–XIII вв. н. э.; Крепость, I–VI вв. н. э.; пос. Батарейка, Городище Динского залива с остатками крепостных сооружений, I в. до н. э. – IV в. н. э.). 2019 г. Открытый лист № 2785–2019 и № 2786–2019. М., 2021 // Архив ИА РАН. Р-1. № 67525. Альбомы иллюстраций к отчету: № 67526, 67527.

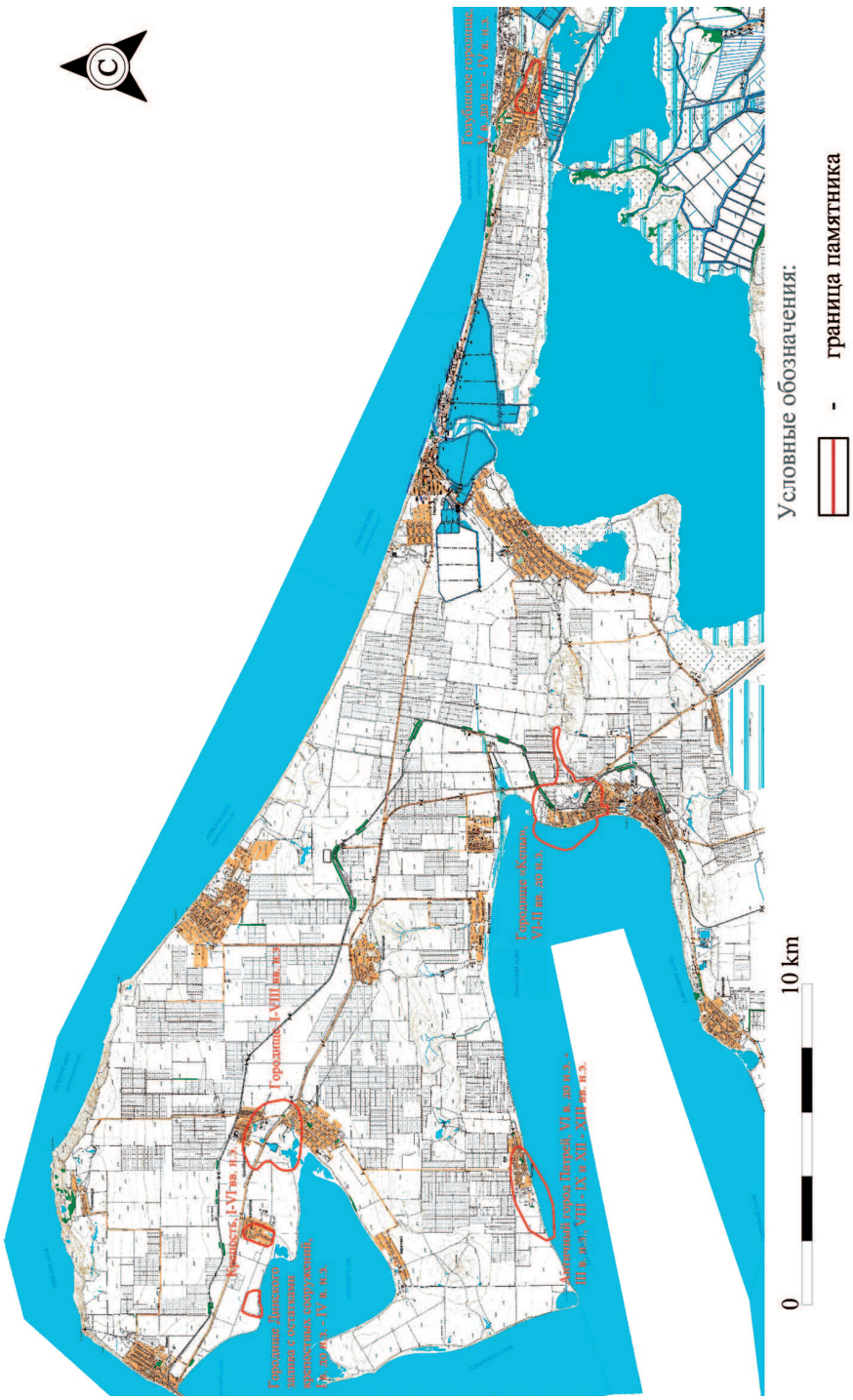


Рис. 1. Местоположение мониторинга объектов археологического обследования 2019 г. на топографической карте северо-западной части Таманского полуострова (Краснодарский край, Темрюкский район)

«гуннском нашествии». Последующими раскопками (1961) на городище был выявлен слой II–I вв. до н. э., относящийся к поселению, существовавшему на месте крепости непосредственно перед ее постройкой. На поселении, примыкающем к городищу, исследована одна из виноделен (II вв. н. э.), разрушенная плантажной распашкой (*Сокольский*, 1963. С. 179–191). В 1981 г. памятник обследовался Я. М. Паромовым (*Паромов*, 1982а. Л. 16–17. № 6. Черт. 7). При изучении материала аэрофотосъемки в районе памятника выявлены ярко выраженные признаки древней застройки.

В 1997 г. на поселении при сельхозработах был выпахан клад – бронзовый сосуд с медными монетами боспорского правителя Асандра (49/48–17/16 гг. до н. э.). Находчиками собрано 111 или 112 монет (*Карелин, Молчанов*, 1999).

Рис. 2. Ситуационный план городища Динского залива

Поселение находится в 2,05 км к западу от границы пос. Батарейка, на землях агрофирмы «Передний край». Оно расположено в 2–12 м над уровнем моря, на низком берегу Динского залива.

Размеры поселения – 1,15×0,8 км, площадь – около 84 га. В плане оно полуовалом примыкает к берегу. Границы памятника, установленные по распространению подъемного материала, совпадают с данными аэрофотосъемки. Подъемный материал встречается сравнительно равномерно на всей территории памятника. На территории поселения, на самом берегу Динского залива, расположена крепость античного времени. В настоящее время она представляет собой неправильный в плане холм размерами 60×40 м, вытянутый вдоль берега. Высота его – 6,6 м, поверхность имеет следы ям, окопов и траншей военного времени, раскопов (рис. 3).

Для уточнения границ поселения при крепости заложено 8 шурфов и 3 зачистки обнажений культурного слоя. Результаты шурфовок практически полностью подтвердили границы, установленные Я. М. Паромовым. Стратиграфия всех шурфов показала, что поселение подвергалось многолетней распашке, глубина которой достигала 50 см (рис. 4).

Шурф 7 расположен в 350 м к северу от крепости, его размеры – 2×2 м. На глубине -60 см от условного репера в культурном слое залегал красноглиняный

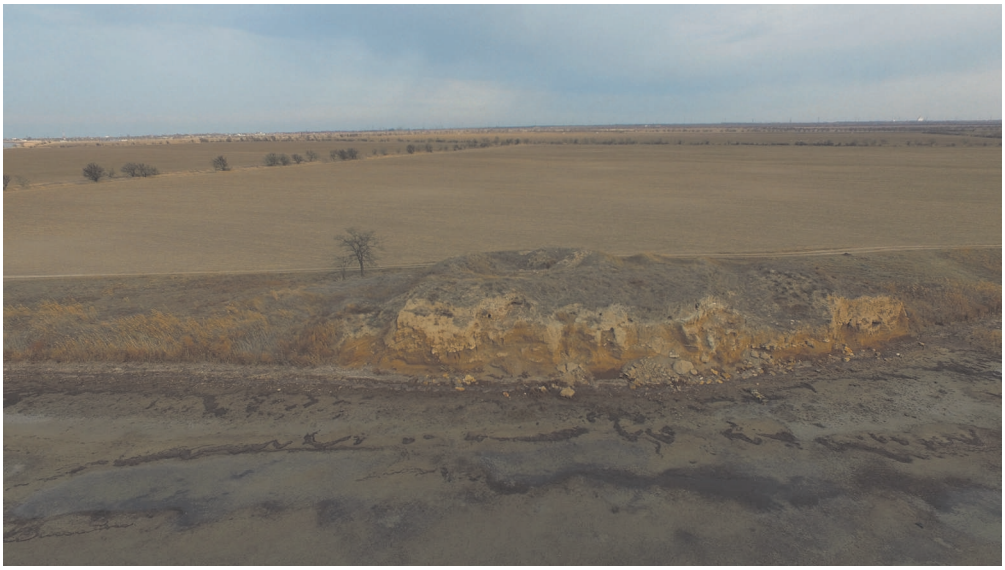


Рис. 3. Городище Динского залива. Вид с юга

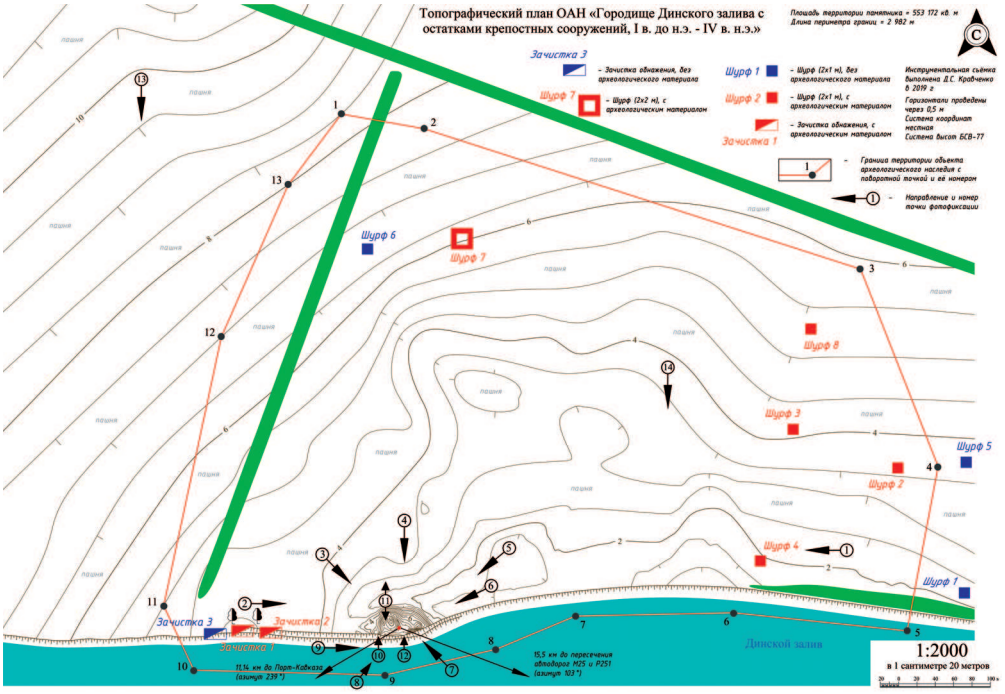


Рис. 4. Топографический план городища Динского залива
с отметками шурфов и зачисток 2019 г.

Рис. 5. Городище Динского залива, шурф 7. Вид с запада

сосуд с округлой глиняной крышкой, расколотый, вероятно, плугом при распашке. Внутри сосуда и рядом с ним обнаружено 28 монет (рис. 5; 6).

Монеты клада являются золотыми номисмами тетартерон византийских императоров Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976), отчеканенными в Константинополе (см. Приложение). Красноглиняный сосуд и монеты 02.11.2020 г. переданы в Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория»[2].

Новая разновидность золотой монеты – номисма тетартерон редуцированного веса – появилась в денежном обращении Византии в 963 г. по инициативе Никифора II. По предписанию властей она должна была использоваться в обиходе наравне с полновесной номисмой стамена. Разница в весе между двумя номиналами составляла ¼ скрупула – одной из базовых весовых единиц Византии (вес скрупула был 1,14 г), т. е. 0,284 г, что вписывалось в допустимое отклонение от нормативного веса монет. Однако практика проверки полновесности золотых монет при рыночных сделках с помощью гирек и экзагиев, а также использования весов для ускорения подсчетов делала номисму тетартерон

[2] Решением ЭФЗК Музея-заповедника коллекция принята в постоянное пользование в состав основных фондов «Нумизматика» (ФМ-КП-83/1–28) и «Археология» (ФМ-КП-84 А2223).

Рис. 6. Монетный клад в шурфе 7 *in situ*. Вид с юга

крайне непопулярной монетой, которую торговцы зачастую отказывались принимать. Это нововведение было выгодным лишь для императорского двора, поскольку разного рода выплаты из казны производились номисмами тетартерон, а налоги и иные поступления принимались только номисмами стамена (подробнее об этом см. *Гурулева*, 2012. С. 132–137).

При описаниях монет в научных каталогах, начиная с выпусков Никифора II, было признано более удобным заменить прежнее наименование «солид» его греческим аналогом – «номисма» (*Wroth*, 1908. P. 471. Note 1) с подразделением на два весовых стандарта – номисма стамена и номисма тетартерон (*Grierson*, 1973. P. 581). И хотя, строго говоря, золотые монеты в Византии стали называться по-гречески номисмами гораздо раньше, употребление «солид» в научных изданиях было вполне обоснованным, поскольку монеты этого номинала оставались практически неизменными со времени появления в обращении при Константине I (307–337) и вплоть до правления Никифора II. Иначе обстояли дела с новыми золотыми монетами. Несмотря на давно известные в науке свидетельства византийских хронистов о появлении в денежном обращении империи номисмы тетартерон (*Cedrenus*, 1838–1839. P. 369; *Zonarae,* 1897. P. 25), нумизматы долгое время не могли распознать в музейных и частных коллекциях монеты этой разновидности среди золотых выпусков Никифора II и Иоанна I. Причина этого крылась в том, что поначалу номисма стамена и номисма

Рис. 7. Экзагий тетартерон. Инв. № ОН-А-В-7502. Фотограф К. В. Синявский.
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. 2024

тетартерон имели один и тот же иконографический тип, а разница в весе, как уже упоминалось выше, вполне укладывалась в ремедиум. Только в XI в. тетартероны и появившиеся в обращении двойные тетартероны (с еще более редуцированным весом – на ½ скрупула) стали отличаться от стамен и по иконографии, и по техническим параметрам: номисмы стамена приобрели выпукло-вогнутую форму и чеканились на более тонком и широком кружке, чем остававшиеся плоскими тетартероны. Кроме того, содержание золота в составе сплава монет обоих номиналов, а тетартеронов в особенности, неуклонно понижалось начиная с середины XI в.

Загадка номисмы тетартерон в науке разрешилась, когда было выявлено предназначение медного монетовидного знака с греческими надписями в две строки на обеих сторонах: + TЄ/TAP на лицевой стороне и TЄ/PON на оборотной, – как экзагия для номисмы тетартерон (рис. 7). Отметим, что первым это открытие сделал в 1905 г. А. К. Марков (1858–1920), доложив об этом на заседании Русского Археологического общества (Архив ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 453. Л. 3; Архив ГЭ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–8), но этот доклад не был опубликован. В 1936 г. к тем же результатам пришел Ф. Дворшак, который обнаружил в Венском Минцкабинете монету Никифора Фоки безупречной сохранности, не обрезанную по краям, как это часто бывало, и весом только 4,07 г. Кроме того, он (как это сделал до него и А. К. Марков) доказал, что монетовидные памятники, публиковавшиеся ранее как монеты или тессеры, являются экзагиями для номисмы тетартерон, раскрывшими весовые стандарты этого номинала (*Dworschak,* 1936. S. 77–81). Один из экзагиев с надписью «TЄTAPTЄPON» из собрания Эрмитажа (см. рис. 7) имеет эталонный вес 4,16 г – ровно на ¼ скрупула меньше теоретического веса номисмы стамены, составлявшего в X в. 4,45 г (*Гурулева,* 2018а. С. 81, кат. № 149).

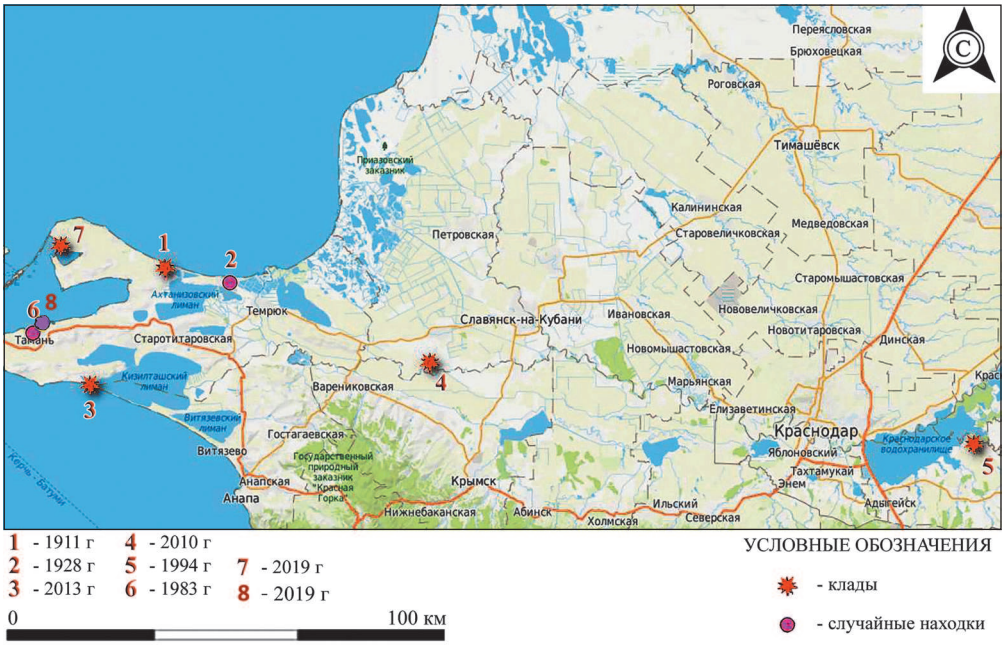


Рис. 8. Карта кладов и единичных находок монет Никифора II и Иоанна I на территории Краснодарского края

Следует отметить, что солиды редуцированного веса появлялись в Византии и ранее, в VI–VII вв. Но они, во-первых, имели явные отличия от полновесных экземпляров, заключающиеся в обозначении монетного двора (OBXX или BOXX вместо CONOB), а во-вторых, не вызывали протеста у населения империи, поскольку предназначались, по-видимому, только для внешних платежей, о чем свидетельствуют клады и единичные находки этих монет, характерные в основном только для Восточной Европы (*Соколова*, 1997. С. 20–23).

Клад, найденный на городище Динского залива (рис. 8: *7*), имеет в своем составе шесть номисм тетартерон Никифора II. Все они относятся по типу к классу II, где на лицевой стороне изображен Христос Пантократор погрудно, а на оборотной – Богоматерь (слева) и император (справа), держащие между собой патриарший крест, тоже изображенные погрудно. На трех монетах верхняя оконечность креста украшена жемчужиной (Приложение. № 4–6). Отличаются также дифференты, расположенные под буквой M: это либо I (Приложение: № 1, 4), либо ▾ (Приложение. № 2, 3, 5), в одном случае дифферент отсутствует (Приложение. № 6). Такого рода дифференты и дополнительные элементы иконографического типа маркировали новые серии монетных выпусков, в том числе хронологические. К сожалению, сейчас мы не можем судить о том, в какой последовательности они сменяли друг друга, чтобы выстраивать точную классификацию. Вес монет колеблется в диапазоне от 4,00 до 4,09 г. Общих штемпелей среди них не выявлено.

Более многочисленны – 22 экземпляра – монеты Иоанна Цимисхия, тип которых в целом схож с выпусками Никифора II: на лицевой стороне изображен Христос Пантократор погрудно, а на оборотной – Богоматерь (справа) благословляет императора (слева), который держит крест. Вес монет характерен для этого номинала: от 3,95 г до 4,09 г. Среди них выявлены две монеты, лицевые стороны которых чеканены одним и тем же штемпелем (Приложение. №№ 22, 25).

Тетартероны Иоанна I, представленные в кладе, имеют несколько вариантов типа оборотной стороны, отличающихся между собой формой креста, который держит император. Крест может быть четырехконечным, концы его перекладин украшены жемчужинами (Приложение. № 7–12); а также патриаршим, т. е. шестиконечным. В последнем случае его оконечности могут быть украшены жемчужинами (Приложение. № 13–19) или иметь небольшие расширения (Приложение. № 20–27). Кроме того, в кладе представлен довольно редкий экземпляр, отличающийся такой деталью, как косой крестик в нижнем средокрестии патриаршего креста (Приложение. № 28). Известные нам монеты с подобным вариантом изображения креста представлены по одному экземпляру в трех ведущих российских музеях. В собрании Государственного Эрмитажа монета такого типа, имеющая вес 4,08 г, происходит из коллекции И. И. Толстого; она была куплена в Петербурге (*Толстой*, 1991. С. 53). Тетартерон из ГИМа весит 4,12 г, он поступил в музей в 1997 г., но место и обстоятельства его находки неизвестны (*Фролова*, 2010. С. 199). Экземпляр, хранящийся в ГМИИ им. А. С. Пушкина, весящий 4,02 г, был передан в музей в 1940 г. П. И. Ломакиным (*Коваленко*, 2015. С. 261. Кат. 1050). По сообщению С. А. Коваленко, этот тетартерон поступил в составе группы монет, характерных для монетного обращения в разные исторические периоды на территории юга России: выпуски Боспора, Византии и Гиреев[3]. В каталогах коллекций и на сайтах таких зарубежных музеев, как Дамбартон Оукс в Вашингтоне, Американское нумизматическое общество в Нью-Йорке, Национальная библиотека в Париже, Британский музей в Лондоне и Ашмолеан музей в Оксфорде, подобный вариант типа номисмы тетартерон мы не обнаружили. Трудно сказать, чем объясняется редкость и региональная особенность распространения находок этой разновидности монет. Не исключено, что вариант с косым крестиком относился к самому последнему по хронологии выпуску. Если это предположение верно, то, учитывая, что новый год начинался в Византии 1 сентября по юлианскому календарю, а умер Иоанн Цимисхий в самом начале января, эта эмиссия была немногочисленной по сравнению с прежними.

Как уже упоминалось, горшок, в котором тезаврированы монеты, был найден уже разбитым – по всей видимости, плугом при распашке поля, но все находки находились в одном скоплении. И только три монеты имеют следы повреждений острым предметом и погнуты (Приложение. № 3, 5, 28).

---

[3] Благодарим С. А. Коваленко, заведующего Отделом нумизматики ГМИИ им. А. С. Пушкина, за предоставленную информацию.

Все монеты из клада потерты, причем в разной степени, некоторые из них, возможно, незначительно обрезаны по краям (мы судим об этом только по фотографиям – см., например: Приложение. № 1, 8, 10, 11, 14, 17), что свидетельствует о достаточно длительном их обращении или бытовании до тезаврации. Кроме того, десять тетартеронов имеют граффити (Приложение. № 2, 4, 5, 9, 11, 17, 19, 24, 26, 27). В основном это простые линии или их сочетания, некоторые из которых, возможно, носят случайный характер (Приложение. № 4, 17, 27). Граффити были процарапаны, скорее всего, местным владельцем (или владельцами), поскольку в Византии такого рода порча монеты, как и срезание «излишков» металла с краев, каралась законом и была невыгодна – монету могли не принять к оплате. Судя по находкам на Таманском полуострове и на соседних с ним территориях, владельческие метки на монетах были широко распространены во время хазарского господства в регионе, о чем свидетельствуют, например, солиды VIII в. из Славянского клада (*Гурулева, Кулешов, Юрченко*, 2011. С. 143–145).

Исходя из этих наблюдений, а также учитывая отсутствие (за одним исключением) общих штемпелей, можно предположить, что Динской клад не являлся некой выплатой, поступившей непосредственно с монетного двора. Такого рода комплексы, как показывают, например, клады легких солидов VII в. из Поднепровья, обычно состояли из монет хорошей сохранности и имели общие штемпели для многих монет (*Соколова,* 1997. С. 23). Здесь же мы видим скорее припрятанные сбережения, сложившиеся в течение нескольких лет, поэтому, возможно, сокрытие клада произошло в конце X или в начале XI в.

На Тамани и в других районах Краснодарского края известно несколько кладов и единичных находок золотых византийских монет X – начала XI в. (рис. 8).

Весной 1911 г. неподалеку от станицы Ахтанизовская в урочище «Синяя балка» близ южного берега Азовского моря на месте древнего поселения был найден клад, насчитывающий 50 монет, в числе которых было 17 выпусков Никифора II, 32 – Иоанна I и восемь – Василия II и Константина VIII (976–1025) (*Кропоткин*, 1962. С. 21. № 4) (рис. 8: *1*). Только две монеты из этого клада были приняты в Эрмитаж. Причем в публикации В.В. Кропоткина нет сведений, какие именно, но в книге поступления Отдела нумизматики они записаны как номисмы Никифора II и Константина VIII (1025–1028). По-видимому, как это нередко случалось, хранители минцкабинета уточнили определение одной из монет. К какому из номиналов они относились, сказать трудно: в коллекции Эрмитажа монеты ныне не опознаются (*Гурулева*, 2017. С. 310).

В 1937 г. в Эрмитаж поступила в дар номисма тетартерон Никифора II, случайно найденная в 1928 г. близ станицы Голубицкой (*Кропоткин,* 1965. С. 167, № 2) (рис. 8: *2*). В публикации В.В. Кропоткина указан ее вес – 4,00 г; в собрании Отдела нумизматики этим данным соответствуют три монеты, поэтому точно соотнести эту находку с хранящимися ныне монетами не удается.

В 1994 г. у хут. Городской на южном берегу Краснодарского водохранилища был найден клад, состоящий из более 10 золотых монет X в. (рис. 8: *5*). Они ра-

зошлись среди коллекционеров, и только одну монету удалось зафиксировать: тетартерон Иоанна Цимисхия весом 4 г. Судя по воспроизведенной в публикации прорисовке, монета относится к классу II с тем вариантом типа, где император держит патриарший крест (*Пьянков*, 2004. С. 46. Рис. 1).

В 2010 г. у хутора Ханьков Славянского района был найден клад, который, по непроверенным данным, содержал более десятка золотых монет (рис. 8: *4*). В научный оборот удалось ввести четыре из них. Это два тетартерона Никифора II класса II и два тетартерона Иоанна I: класса Ib (в Динском кладе такой тип отсутствует) и класса IIb (*Завьялов, Пьянков*, 2019. С. 241–242, 247. Рис. 1: *2–5*).

Зимой 2013/2014 г. в окрестностях поселка Янтарь Темрюкского района был обнаружен клад из 10–20 золотых монет (рис. 8: *3*). Шесть из них опубликованы: два тетартерона Никифора II класса II и четыре тетартерона Иоанна I класса II (*Завьялов, Пьянков*, 2019. С. 242, 248. Рис. 2: *1–6*).

К сожалению, эти три клада опубликованы не в полном составе, и мы не можем судить о том, были ли они сходны по композициям с кладом из «Синей балки», где присутствовали монеты первой трети XI в., или относятся к комплексам монет X в., как Динской клад.

Таманский полуостров входил в это время в состав древнерусского Тмутараканского княжества, в котором византийское присутствие было достаточно ощутимым. В первую очередь, конечно, это касается важных в торгово-экономических целях приморских городов, таких как столица княжества Тмутаракань и крымский Корчев. Об этом свидетельствуют находки печатей X–XI вв. на Таманском городище (Тмутаракани), среди которых есть даже один моливдовул императоров Василия II и Константина VIII. Остальные сфрагистические памятники этого времени принадлежали представителям духовенства и византийской администрации, в том числе херсонской (*Чхаидзе*, 2015. С. 17–18, 29–30, 35–36, 46, 70–72, 77–79, 82–83, 89, 93). Во время археологических раскопок Таманского городища находят также десятки византийских монет разных металлов и номиналов, в том числе и выпуски крымского Херсона (Он же, 2008. С. 234–239). Среди единичных экземпляров золотых монет интересующего нас периода имеются тетартерон Никифора II (Он же, 2019. С. 52), а также номисмы стамена Иоанна I (рис. 8: *8, 6*) и Василия II с Константином VIII (Он же, 2008. С. 236).

Немногочисленны золотые монеты и в крымской части Тмутараканского княжества. В византийском Крыму никогда не чеканили собственных золотых монет, их привозили для нужд населения из Константинополя. Единичные их находки на полуострове говорят о том, что золотые монеты были востребованы не так часто. Обычно они использовались византийцами для уплаты налогов и для личных накоплений. Тенденция к незначительному увеличению числа находок прослеживается в Восточном Крыму на территориях, подвластных иным народам, например, хазарам (солиды VIII в.) или татарам (клад иперпиров первой трети XIV в., младшие монеты которого датируются 1325–1328 гг.).

Находки же монет Никифора II и Иоанна I во всех регионах полуострова исключительно редки. В конце X – начале XI в., как и во все времена, основными платежными средствами на местных рынках были медные монеты, отливавшиеся тогда в больших количествах на монетном дворе Херсона (*Гурулева,* 2018а. С. 66, 68–70). Исходя из этого, следует признать, что монеты, сокрытые в кладе из Динского залива, не были показателями взаимоотношений жителей Таманского полуострова и Крыма.

На территории Древней Руси и Северного Причерноморья, если не считать Тмутараканского княжества, на сегодняшний день известно мало кладов золотых монет конца X в. И пока только в трех комплексах XI в. присутствуют монеты Никифора II и Иоанна I.

Не позднее 1871 г. в дельте Днепра (по одной версии, на берегу реки Конка, по другой – неподалеку от крепости Кинбург) найден клад золотых монет, в составе которого были византийские монеты безупречной сохранности: солиды Василия I с Константином (868–879) и Константина VII с Романом II (945–959), а также номисма Иоанна I (*Гурулева,* 2024. В печати). Прежняя датировка тезаврации клада по младшей монете Константина X (1059–1067), как и состав находки в целом, являются ошибочными (*Кропоткин*, 1962. С. 31. № 158; 1965. С. 172–173. № 32; *Спасский*, 1982. С. 36–37; 2013. С. 160–161), поскольку в публикации П. О. Бурачкова, где приводятся сведения о составе клада, была использована ныне устаревшая система нумерации византийских императоров. Поэтому сейчас указанный у П. О. Бурачкова Константин X имеет «номер» VII, а Константин VIII, являвшийся соправителем отца, Василия I, но не правивший единолично, теперь не имеет порядкового номера. Таким образом, младшей монетой клада является номисма Иоанна I.

В 1891 г. в Гладковичах Овручского района Житомирской области найден клад золотых византийских монет, однако сведения о его составе противоречивы. По одной версии, там были солиды времени Константина VII и его соправителей (913–959), по другой – монеты Константина VI (780–797), Василия I, Иоанна Цимисхия и Василия II с Константином VIII (*Кропоткин*, 1962. С. 31, № 150).

В 1899 г. в Киеве на Екатерининской улице в усадьбе Л. И. Бродского в глиняном горшке был обнаружен клад древнерусских вещей и 16 золотых монет, среди которых старшая относилась к правлению Никифора II, а младшая – Исаака I (1057–1059) (*Кропоткин*, 1962. С. 32. № 176).

В середине 1980-х гг. в деревне Охово Пинского района Брестской области найден комплекс, состоявший из золотых монет (один древнерусский златник и восемь византийских солидов и номисм) и золотого кольца. Византийские монеты представлены солидом Константина VII с Романом II (945–959), номисмой тетартерон Никифора II, двумя номисмами тетартерон Иоанна I и четырьмя монетами Василия II с Константином VIII: одной номисмой стамена и тремя номисмами тетартерон (*Зайцев, Митяева*, 2016. С. 125–129).

В 2015–2016 гг. на аукционе Виолити проходила продажа монет, собранных с помощью металлодетектора в Очаковском районе Николаевской области (*Дуткинский,* 2016. С. 158–177). Среди них было девять золотых выпусков: солид Константина VII с Романом II, тетартерон Иоанна I и семь номисм Василия II с Константином VIII, а также двадцать два милиарисия этих императоров.

Клады, найденные на территории Древней Руси, отличаются по составу от Динского комплекса: хронологический диапазон представленных в них монет, как правило, гораздо шире. Все они накапливались в течение более длительного времени.

На сегодняшний день представляется наиболее вероятным предположение, что монеты Динского и сходных с ним по составу других упомянутых выше кладов Таманского полуострова были частью выплат печенегам, кочевья которых простирались в Северном Причерноморье от Волги до Дуная. Византийские императоры традиционно использовали их для борьбы с росами и для охраны херсонеситов, отправляя ежегодно богатые дары, в том числе и денежные (*Константин Багрянородный*, 1989. С. 36–41). В правление Иоанна Цимисхия империя воевала с Русью и была крайне заинтересована в союзе с печенегами. Учитывая практику, введенную Никифором Фокой и успешно продолженную его преемниками, нет ничего удивительного в том, что выплаты производились именно тетартеронами. Косвенным подтверждением такого предположения является и сходство состояний сохранности монет Динского клада – потертость, обрезанные края, наличие граффити – с солидами Славянского клада, которые являлись платой византийских императоров хазарам за союз в борьбе с арабами. Попадая в инокультурную среду, византийские золотые монеты, как правило, переставали быть средством обращения, обретая функции накопления сокровищ, служа сырьем для изготовления ювелирных изделий, а иногда и сами становились статусными знаками отличия.

Приложение

Описание монет клада с иллюстрациями

(Государственный музей-заповедник «Фанагория»,
ФМ-КП-83/1–29)

Византийская империя. Никифор II (963–969)

Константинополь. Номисма тетартерон. Золото. Класс II. Аналогии: DOC, 5. (6 экз.; № 1–6)

Л. с.: надпись + IЋ SXISRЄXRЄϚNΛNTIЋⲘ

Погрудное изображение Христа Пантократора в крестчатом нимбе с точками внутри каждой перекладины креста. Он одет в тунику и гиматий, Его правая рука поднята в благословении на уровне плеча, левая – прижимает к груди книгу Евангелия.

О. с.: надпись +ΘЄOTOC'Ь'HΘ'ЋICHF,∂ЄSP'

Поясные изображения Богоматери (слева от зрителя) и императора (справа), которые держат между собой патриарший крест на длинном древке, в основании и середине которого точка. По обе стороны от фигуры Богоматери сокращения под титлами M̄ - Θ̄. Она в нимбе, одета в тунику и мафорий. Император с короткой бородой в короне с крестом и пропендулиями, одет в модифицированный лор.

1. О. с.: под M̄ буква I

Диам. 22 мм, вес 4,02 г

Полевая опись № 5.

2. Л. с.: над плечами Христа граффити: слева ⌐, справа _

О. с.: под M̄ ▾. Граффити: слева от древка креста над рукой Богоматери \, справа от древка над головой императора ✱.

Диам. 21 мм, вес 4,00 г

Полевая опись № 8.

3

3. О. с.: под M̄ ▾
Диам. 21 мм, вес 4,09 г
Монета погнута, на краю разрыв, на Л. с. зарубка.
Полевая опись № 27.

4

4. Л. с.: справа от головы Христа граффити: две V, расположенные одна над другой.
О. с.: под M̄ буква I. Верхняя оконечность креста украшена жемчужиной. Справа от головы императора вертикальная царапина – граффито?
Диам. 22 мм, вес 4,03 г
Полевая опись № 12.

5

5. О. с.: под M̄ ▾. Верхняя оконечность креста украшена жемчужиной. Над головой Богоматери граффити =. Последние две буквы надписи стерты из-за деформации края монеты.
Диам. 22 мм, вес 4,00 г
Полевая опись № 14.

6

6. О. с.: верхняя оконечность креста украшена жемчужиной.
Диам. 22 мм, вес 4,07 г
Полевая опись № 23.

Византийская империя. Иоанн I (969–976)

Константинополь. Номисма тетартерон. Золото. Класс II. Аналогии: DOC, 5–6. (22 экз.; № 7–28).

Л. с.: надпись + IhSXISRЄXREϚNANTINM

Погрудное изображение Христа Пантократора в крестчатом нимбе с точками внутри каждой перекладины креста. Он одет в тунику и гиматий, Его правая рука поднята в благословении на уровне плеча, левая – прижимает к груди книгу Евангелия.

О. с.: надпись +ΘЄOTOC'ЬOHΘ'IWƏЄSP

Поясные изображения Богоматери (справа от зрителя), благословляющей императора (слева). Над головой Богоматери сокращения под титлами MΘ. Она в нимбе, одета в тунику и мафорий. Император с короткой бородой, в короне с крестом и пропендулиями, одет в модифицированный лор, держит левой рукой крест на длинном древке, в основании и середине древка которого точка. Над головой императора Десница Божия.

А) Император держит четырехконечный крест, концы перекладин которого украшены жемчужинами.

7

7. Диам. 21 мм, вес 4,00 г
Полевая опись № 6.

8

8. Диам. 22 мм, вес 3,98 г
Полевая опись № 7.

9

9. Л. с.: слева в поле монеты граффито Λ.
Диам. 22 мм, вес 4,09 г
Полевая опись № 11.

10

10. Диам. 22 мм, вес 3,99 г
Полевая опись № 13.

11

11. О. с.: справа от древка креста граффито – буква К с удлиненной вертикальной перекладиной.
Диам. 22 мм, вес 4,04 г
Полевая опись № 17.

12

12. Диам. 23 мм, вес 4,05 г
Полевая опись № 19.

В) Император держит патриарший крест, концы перекладин которого украшены жемчужинами.

13

13. Диам. 22 мм, вес 4,06 г
Полевая опись № 1.

14

14. Диам. 22 мм, вес 4,03 г
Полевая опись № 2.

15

15. Диам. 22 мм, вес 4,04 г
Полевая опись № 4.

16

16. Диам. 22 мм, вес 3,97 г
Полевая опись № 9.

17

17. О. с.: слева от головы императора горизонтальная царапина – граффито?
Диам. 21 мм, вес 3,95 г
Полевая опись № 16.

18

18. Диам. 22 мм, вес 4,04 г.
Полевая опись № 20.

19

19. Л. с.: слева и справа от головы Христа граффити – линии.
О. с.: слева от головы императора граффити – ⫽.
Диам. 23 мм, вес 4,02 г
Полевая опись № 25.

С) Император держит простой патриарший крест

20. Диам. 22 мм, вес 4,03 г
Полевая опись № 3.

21. Диам. – 22 мм, вес – 4,01 г
Полевая опись № 10.

22. Диам. 21 мм, вес 4,01 г
Общий штемпель Л. с. с № 25.
Полевая опись № 15.

23. Диам. 22 мм, вес 4,05 г
Полевая опись № 21.

24. Л. с.: глубокие зарубки, вмятины.
О. с.: между левой рукой императора и древком креста граффито A.
Диам. 22 мм, вес 4,05 г
Полевая опись № 22.

25. Диам. 22 мм, вес 4,03 г
Общий штемпель Л. с. с № 22.
Полевая опись № 24.

26. Л. с.: справа от головы Христа граффити ۸.
Диам. 22 мм, вес 4,09 г
Полевая опись № 26.

27

27. Л. с.: слева и справа от головы Христа буквы $\overline{\text{I}}$ - $\overline{\text{X}}$.
Под буквой I царапина – граффито (?)
Диам. 22 мм, вес 4,06 г
Полевая опись № 18.

D) Патриарший крест имеет косой крестик в нижнем средокрестии.

28

28. Диам. 22 мм, вес 4,08 г
Край монеты погнут, на о. с. стороне зарубки.
Полевая опись № 28.

ЛИТЕРАТУРА

Архив ГЭ. Ф. 24. А. К. Марков. Оп. 1. Д. 10. Тетартерон Никифора Фоки. Подготовительные материалы к докладу.

Архив ИИМК. Ф. 3. Русское Археологическое общество. Оп. 1. Д. 453. Л. 3.

Византийская книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. М.: Восточная литература, 1962. 295 с.

Гурулева В. В., 2012. Алексей Константинович Марков. У истоков изучения византийских экзагиев в России // Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 128–139. (Тр. ГЭ; т. 61).

Гурулева В. В., 2017. Византийские монеты из кладовых комплексов в коллекции Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа // Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 300–322. (Тр. ГЭ; т. 87).

Гурулева В. В., 2018а. Византийские весовые знаки: каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ. 136 с.: ил.

Гурулева В. В., 2018б. Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи // Материалы и исследования Отдела нумизматики. По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». СПб.: Изд-во ГЭ. С. 61–82. (Тр. ГЭ; т. 94).

Гурулева В. В., в печати. Византийские солиды в начале пути от греков к варягам // Сборник статей по материалам научной конференции «От статера до солида. Золотые монеты в экономике и культуре Античного мира, эллинистического Востока и Византии» (Международный нумизматический клуб, 27 мая 2024 г.).

Гурулева В. В., Кулешов Вяч. С., Юрченко Т. В., 2011. Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // НЭ. Т. XVIII. М. С. 136–186, табл. XXI–XXXIV.

Дуткинский Н. Е. 2016. Византийские солиды и милиарисии и невизантийские милиарисии // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург – Старая Ладога, 22–24 апреля 2016 г.): материалы докл. и сообщ. СПб. С. 158–177.

Завьялов С. Л., Пьянков А. В., 2019. Два клада византийских монет второй половины X в. из Краснодарского края // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа: сб. науч. ст. Вып. 17 / Отв. ред. Е. И. Нарожный. Армавир; Краснодар. С. 240–248.

Зайцев В. В., Митяева А. В., 2016. Комплекс золотых монет конца X в. с древнерусским златником (предварительное сообщение) // Нумизматические чтения ГИМ 2016 года (Москва, 22 и 23 ноября 2016 г.): материалы докл. и сообщ. М.: Внешторгиздат. С. 124–131.

Карелин А. А, Молчанов А. А., 1999. Клад надчеканенных оболов Асандра (К истории денежного обращения на Боспоре в I в. до н. э.) // Седьмая ВНК (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.): тез. докл. и сообщ. М. С. 26–27.

Коваленко С. А., 2015. Византийские монеты в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина: каталог коллекции. М.: ГМИИ. 422 с.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей: текст, пер., коммент. / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука. 493 с.

Кропоткин В. В., 1962. Клады византийских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР. 64 с. (САИ; вып. Е4-4).

Кропоткин В. В., 1965. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. Т. XXVI. М. С. 166–189.

Паромов Я. М., 1982а. Отчет о работе по теме «Установление охранных зон археологических памятников Таманского полуострова» в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8602, 8602а.

Пьянков А. В., 2004. Два средневековых клада из окрестностей хут. Городского в Адыгее // Двенадцатая ВНК (Москва, 19–24 апреля 2004 г.): тез. докл. М. С. 45–47.

Соколова И. В., 1997. Монеты Перещепинского клада // Залесская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фонякова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 17–41.

Сокольский Н. И., 1963. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. № 1. С. 179–191.

Спасский И. Г., 1982. Золото Владимира Святославича // Экономика, политика и культура в свете нумизматики: сб. науч. тр. Л.: ГЭ, 1982. С. 5–47.

Спасский И. Г., 2013. Златники. Золото Владимира Святославича // Спасский И. Г. Русское золото: сб. избранных ст. / Сост.: В. А. Калинин Е. В. Лепехина, К. В. Орлов. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 129–168. (Переиздание статьи 1982 г.).

Толстой И. И., 1991. Византийские монеты. Вып. 10 / Подгот. к изд., науч. ред., предисл., примеч., сост. табл. В. В. Гурулевой. Барнаул: День. 176 с.

Фролова Н. А., 2010. Античные золотые монеты в собрании Государственного Исторического музея: От античности до Византии. М.: РОССПЭН. 363 с.: ил.

Чхаидзе В. Н., 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС. 326 с.

Чхаидзе В. Н., 2015. Византийские печати из Тамани. М.: ИА РАН. 202 с.

Чхаидзе В. Н., 2019. Новые находки византийских монет второй половины X в. на Таманском городище // Нумизматические чтения ГИМ 2019 года. К 90-летию А. С. Мельниковой и 100-летию В. В. Узденникова (Москва, 26 и 27 ноября 2019 г.): материалы докл. и сообщ. М. С. 52–54.

Cedrenus ab Imm., 1838–1839. Beckero suppletus et emendatus. Vol. III. Bonnae.

Dworschak F., 1936. Studien zum byzantinischen Münzwesen // Numismatishe Zeitschrift. № 69. Wien. S. 77–81.

Grierson Ph., 1973. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. III. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 982 p.

Wroth W., 1908. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. Vol. II. London: Order of the Trustees. 458 p.

Zonarae Joannis, 1897. Epitomae historiarum libri XIII–XVIII / Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae: Weberus. 933 p.

V. V. Guruleva, P. G. Gaydukov, S. V. Yazikov

THE HOARD OF 10TH-CENTURY GOLD BYZANTINE COINS FOUND IN 2019 AT THE DINSKOYE BAY HILLFORT (TAMAN)

Abstract. This article presents a hoard of Byzantine gold coins discovered in December 2019 by an expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Scienc-

es during a survey of the Dinskaya Bay hillfort (Taman District, Krasnodar Territory). The deposit consists of 28 nomismata tetartera of the Byzantine emperors Nicephorus II Phocas (963–969) and John I Zimisces (969–976). A detailed description and analysis of the coins in the context of Nicephorus II's reforms are provided. Comparative data on hoards containing coins of Nicephorus II and John I, found in the territory of the Tmutarakan Principality, other regions of Old Rus', and the Northern Black Sea region, are also presented. It is suggested that the coins from the Dinskaya hoard were part of payments made to the Pechenegs, whom Byzantine emperors traditionally employed to combat the Rus, sending lavish annual gifts to their leaders.

Keywords: Byzantine Empire, Taman, Dinskaya Bay hillfort, coin hoard, nomisma stamenon, nomisma tetarteron, hoards, coin find topography

В. В. Гурулева, Вл. В. Седов

МЕДНАЯ МОНЕТА XIV–XV В. БАЛКАНСКОГО (?) КРУГА, НАЙДЕННАЯ В 2020 г. ВО ВРЕМЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.138-147

Резюме. В 2020 г. при исследовании состояния слоя у стен и фундаментов Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском было заложено восемь шурфов, в одном из которых обнаружена медная монета, необычная для этого региона. Попытки определить эмитента монеты пока не дали определенных результатов. Наиболее близкие аналогии имеются среди монет Балканского региона конца XIV–XV вв. Изображение креста на л. с. характерно для выпусков многих государств, испытавших влияние Византии. Тип о. с. близок чеканке Добружанского деспота Ивана Тертера. Поскольку медные выпуски болгарских царей, как и монеты с изображением креста, часто встречаются в Крыму, не исключено, что монета, найденная в Переславле-Залесском, происходит из Восточной части полуострова, подвластной Золотой Орде, и попала на Русь оттуда.

Ключевые слова: Древняя Русь, Переславль-Залесский, Крым, Золотая Орда, Балканы, Добружанский деспотат, монеты

Белокаменный Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском был построен в середине XII в. по заказу Ростово-Суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого (1090-е – 1157). Храм не подвергался серьезным перестройкам. Отметим, что в конце XIII и начале XIV в. он был местом погребения переславских князей: два саркофага были заглублены и расположились под полом в южной части собора. К XV–XVI вв. относится третий саркофаг в северной части храма. В это же время были сооружены два деревянных притвора, выступавшие перед западным и южным порталами собора.

В 2014 г. в целях исследования состояния фундамента собора снаружи по четырем сторонам храма было заложено семь шурфов размерами 2×2 м (№ 1–7), восьмой шурф был заложен внутри собора на месте засыпанного шурфа 70-х гг. XX в. Шурф 1 примыкал по центру к юго-восточной апсиде храма; шурф 2 расположен у северо-западного угла храма; совмещенные шурфы 3, 4, 5 общим размером 6×2 м расположены с западной стороны; совмещенные шурфы 6 и 7 общим размером 4×2 м находятся с южной стороны северо-западного угла храма; шурф 8 был расположен внутри храма в юго-восточной апсиде.

В 2020 г. археологическое исследование собора было продолжено. Было разбито и раскопано восемь шурфов: внутри храма было заложено пять шурфов (№ 1–4, 9), с внешней стороны шурф 5 располагался с юга у восточной лопатки среднего прясла южного фасада, шурф 6 располагался с севера и тоже у восточной лопатки, шурф 7 расположился у северного прясла западного фасада, а шурф 8 – с востока, между средней и южной алтарными апсидами (рис. 1).

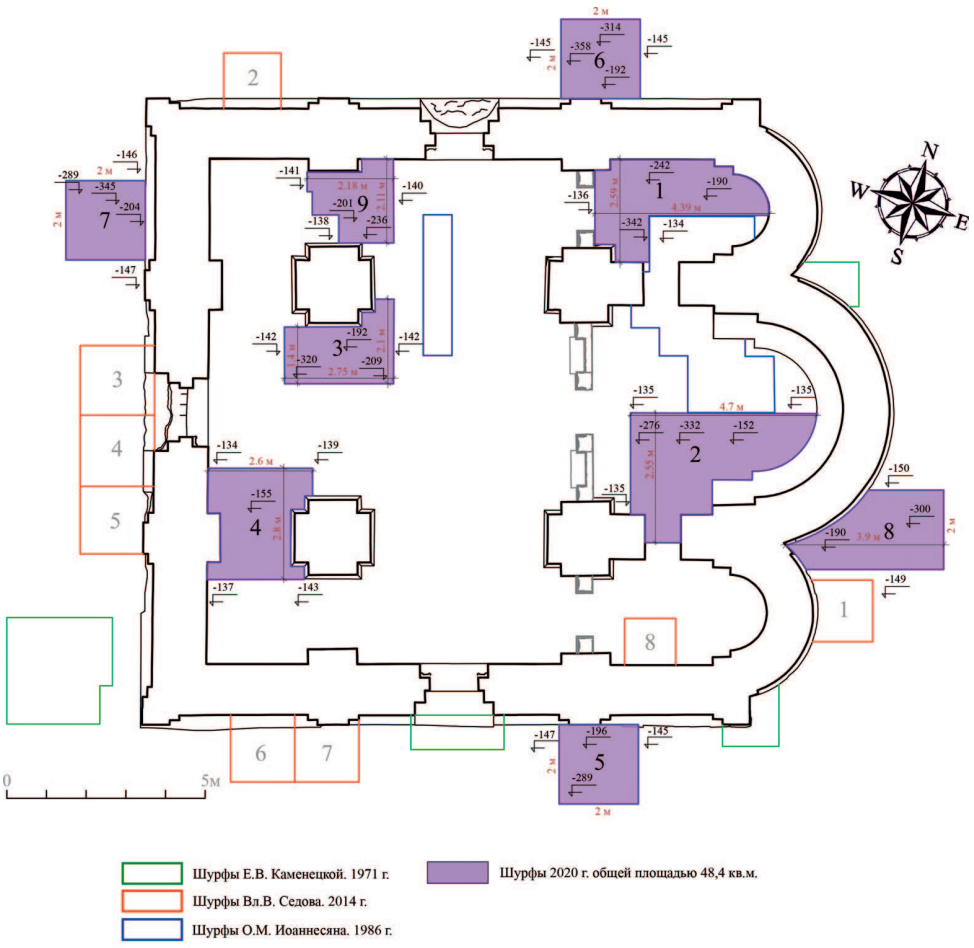


Рис. 1. Схема раскопа

Шурф 72020 г., заложенный у западного фасада, до начала работ был покрыт фигурной бетонной плиткой, эта плитка лежала на отметках -143 – -148. Пласт 1 (отметка до -1,90 м). Верхней частью первого пласта после снятия тротуарной плитки была засыпка из рыхлого строительного песка желтого цвета, ниже залегал слой щебня. В целом слой песка и щебня – подсыпки под тротуарную плитку – прослежен на отметках от -1,58 до -1,76 м. На площади пласта преобладал слой темно-серой супеси с известью. К западному борту шурфа от скопления камней протянулась песчаная линза, разм. – 0,76×0,52 м. К северу от скопления валунов выявлено пятно прямоугольной формы, разм. – 0,55×0,34 м с заполнением из белого мешаного песка. Вдоль восточной границы шурфа зафиксирована линза мешаного песка протяженностью оси север-юг 1,5 м и шириной до 0,39 м. На уровне первого пласта найдено 276 фр-тов керамики XIV–XV вв., конца XV – XVI и XVII в. При выборке пласта обнаружены также кованые гвозди и керамические плитки пола.

Пласт 2 (отметки от -1,90 до -2,10 м). При выборке второго пласта на отметках -1,81/-2,3 см проявился фундамент собора (белый камень и булыжники в плотном известковом растворе), выступающий на этом уровне от стены на ширину до 32 см. Вдоль границы фундамента с севера на юг собора прослежена полоса серо-коричневой супеси, имеющей у северной границы шурфа ширину 0,2 м и далее расширяющейся до 0,43 м. В юго-западном углу шурфа на уровне пласта проявилось пятно серого песка с известковой крошкой 0,53×0,3 м. К северу от пятна зафиксирован слой мешаного бело-серого песка, протянувшегося полосой от западной стенки шурфа к востоку. Ширина образовавшейся песчаной полосы – 0,88 м. В северной половине пласта зафиксирован слой темно-серой супеси с известью. У северного профиля в средней его части на отметках -1,99/-2,03 м обнаружена полоса древесного тлена (остатки гроба) шириной 0,1 м и протяженностью 0,64 м по направлению с запада на восток – погребение 51. Изучение погребения не входило в задачи раскопок 2020 г., оно было оставлено на месте. На уровне второго пласта найдено 196 фр-тов керамики XIV–XV и XVI–XVII вв.

В заполнении пласта 2 было обнаружено пять индивидуальных находок:

№ 1. Фр-т керамической плитки для выстилки пола. Красноглиняная, с примесью дресвы в формовочной массе, со скошенным краем и «сапожком».

№ 2. Грузило керамическое рыболовное цилиндрической формы. Серого цвета на поверхности, с примесью мелкого песка (?). -2,05. Темно-серая супесь со строительным мусором.

№ 3. Фр-т керамической плитки для выстилки пола. Красноглиняная, с примесью дресвы в формовочной массе, со скошенными краями.

№ 4. Фр-т браслета стеклянного гладкого неясного цвета. Значительная поверхностная корродирована, крошится, цвет не определяется.

№ 5. Монета. Пуло. -2,10.

Пласт 3 (отметки от -2,10 до -2,30 м). По всему пласту преобладал слой темно-серой супеси с известковой крошкой. В юго-западном углу зафиксирована полоса белого мешаного песка размерами 0,44×0,3 м, протянувшаяся по оси З–В. В северной половине пласта в слое темно-серой супеси на отметках -2,13/-2,17 м зафиксировано небольшое скопление разрозненного антропологического материала.

На уровне третьего пласта найдено 145 фр-тов керамики:

1) 22 обломка керамики красного цвета на поверхности и/или на изломе с примесью дресвы, в том числе венчик типа 8 XII – первой трети XIII в.; 18 стенок без орнамента, одна – с линейным орнаментом, днище заглаженное, а также днище с подсыпкой песка;

2) 20 обломков керамики красного цвета на поверхности и/или на изломе с примесью песка: венчик типа 2 (XVI – первая половина XIX в.), венчик типа 6 (XV–XVII вв.); венчик типа 2 (XVI – первая половина XIX в.), 1 венчик типа 6 (XV–XVII вв.);

Рис. 2. Россия. Иван IV (1533–1584). Москва. Пуло.
Найдена в заполнении пласта 4, шурф 7

3) 9 обломков керамики серого или черного цвета на поверхности, серого или коричневого цвета в изломе, с примесью песка: типа 5 (XIV–XV, XVI–XVII вв.);

4) 7 стенок; днище с подсыпкой песка.

В заполнении пласта 3 обнаружена одна индивидуальная находка: гвоздь штукатурный.

Пласт 4 (отметки от -2,30 до -2,50 м). От северной границы пласта к югу прослежено пятно темно-серой супеси с известковой крошкой 1,6×0,75 м, в котором зафиксирована отдельно лежащая на отметках -2,45/-2,47 м большая берцовая кость. Далее к югу у фундамента собора прослежено пятно желтого песка 0,7×0,87 м, расположенное под прямым углом к фундаменту. От песчаного пятна к западу – слой темно-серой супеси с мешаным песком и с известью, ограниченной с юга прослойкой белого песка шириной 0,04 м. В юго-западном углу пласта зафиксирован слой темно-серой супеси с известковой крошкой.

На уровне четвертого пласта найдено 99 фр-тов керамики, среди которых примерно половина относится к XIII–XIV вв. (есть также образцы XV в.), а вторая половина – к XVI–XVII вв. В заполнении пласта 4 обнаружены две индивидуальные находки:

№ 1. (№ 23 полевой описи) в темно-серой супеси с известью на отметке -2,38 была обнаружена медная монета, о которой и пойдет речь в данной статье.

№ 2. (№ 36 полевой описи) неподалеку в том же слое темно-серой супеси было найдено медное пуло Ивана IV (1533–1584) (рис. 2).

Слой, в котором были найдены монеты, трудно датировать; он отложился в XIV–XV вв., однако перемешивался с захоронениями XVI–XVIII вв., так что контекст находки интересующей нас медной монеты византийского круга достаточно неопределенный. В том месте, где была найдена монета, не было притвора; его северная стена, от которой найдена часть основания деревянной стены, располагалась южнее. Трудно сказать, как попала эта монета в культурный слой. Скорее всего, ее «археологизирование» связано с потерей, а не с погребениями, хотя нельзя и совершенно исключить ее связь с ранними погребениями перед западным фасадом.

Рис. 3. Монета Балканского круга из раскопок в Переславле-Залесском.
Лицевая (*1*) и оборотная стороны (*2*). Найдена в заполнении пласта 4, шурф 7

Попытки определить эмитент монеты пока не дали конкретных результатов. Монеты такого типа ранее не публиковались – во всяком случае мы не нашли таковых в доступных нам изданиях. Консультации с коллегами из других музеев, в том числе зарубежных[1], также не дали результатов.

Описание монеты (рис. 3):

Л. с. изображение равноконечного креста на горизонтальном основании, в углах – маленькие косые крестики (буквы «х»?).

О. с. Изображение неясно. Возможно, буквы «Iω», под которыми буква «Т» с косой чертой справа от вертикальной части.

Диам. – 17 мм, вес 1,17 г.

Состав металла: Cu > 98%, Pb < 0,5% As < 0,2% Ag – следы.

Тип лицевой стороны монеты – крест, в углах которого помещены буквы, – имеет достаточно много аналогий в чеканке Византийской (DOC III. 1973. Pl. LX, C2; pl. LXV: *8*; pl. LXX: *2*; DOC IV. 1999. Pl. II: *19*; pl. VII: *40*; pl. XXXVII, 7; DOC V. 1999. Pl. 36: *618–621*; pl. 38: *655–658*; pl. 40: *700*; pl. 43: *755–758*; pl. 44: *774–777*; pl. 72: *1394–1395*) и Трапезундской (*Bendall*, 2015. P. 48, 60–63, 68–69) империй, государств крестоносцев на Латинском Востоке (*Metcalf,* 1983. Pl. 3: *44–52*), средиземноморских колоний Генуи (*Lunardi,* 1980. P. 153, 196, 276), Второго Болгарского царства (*Дочев,* 2009. С. 69–72, 120–122, 184, 190–194, 201, 214–215, 247), а также имитаций XIV–XV вв., производство которых локализуется на Балканах (Там же. С. 287).

Среди находок на территории Древней Руси монеты с интересующим нас изображением креста на лицевой стороне представлены только византийскими анонимными фоллисами класса «С», на которых такой тип появился впервые. Их находят в Среднем Поднепровье (*Зоценко,* 1991. С. 76, *Гурулева, Гайдуков,* 2016. С. 37–37. Ил. 4: *г*), во время раскопок в Саркеле – Белой Веже (*Гурулева,*

[1] Благодарим коллег из Болгарии: проф. Женю Жекову, хранителя монет и печатей Регионального исторического музея г. Шумена, и независимого исследователя из Варны Владимира Овчарова – за высказанные ими мнения по поводу этой монеты.

2021. С. 42; *Гурулева*, 2024. С. 568, ил. 5), а также на Таманском полуострове (*Чхаидзе,* 2022. С. 40–43).

Монеты почти всех перечисленных выше государств, имеющие изображение креста, сосредоточены лишь в Крыму, в том числе в Восточной части полуострова, территория которой находилась с XIII в. в составе Золотой Орды (*Гурулева*, 2018. С. 61–82).

Анонимные фоллисы класса «С» достаточно часто находят во время раскопок в Херсонесе, реже – в Алуште и Керчи.

Медные монеты Трапезундской империи, в составе которой была часть Крыма и присутствие которой на полуострове было в той или иной степени постоянным на всем протяжении существования этого государства, исчисляются десятками экземпляров, найденными в Херсонесе, и сотнями – в Восточном Крыму (*Гурулева,* 2009. С. 50–51; *Guruleva,* 2010. S. 401–412).

Генуя, владевшая несколькими крепостями и таким крупным городом, как Каффа, также оставила свой след в материальной культуре и денежном обращении полуострова. Помимо монет, чеканенных в Каффе – татаро-генуэзских аспров и фолларо, – в Восточном Крыму нередки находки медных выпусков средиземноморских колоний Генуи, купцы которых, наравне с лигурийскими коллегами, регулярно посещали эти места. Подавляющее большинство таких монет происходят из подъемного материала и хранятся в частных коллекциях, которые изучала одна из авторов данной статьи.

Судя по находкам в районе Старого Крыма – золотоордынской столицы полуострова – медных монет правителей Второго Болгарского царства и Добруджанского деспотата, а также подражаний этим выпускам, появившимся в конце XIV–XV вв., между этими территориями существовали довольно длительные контакты (*Гурулева,* 2011. С. 7–21). Об этом свидетельствует также проникновение золотоордынских монет на Балканы, начавшееся еще в конце XIII в. и не прекращавшееся в последующие столетия (*Пономарев*, 2011. С. 191–193).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что тип оборотной стороны монеты, обнаруженной во время раскопок в Переславле-Залесском, очень близок монетам правителя Добруджанского деспотата Ивана Тертера (1385–1399)[2] (рис. 4). Метрологические характеристики нашей монеты идентичны выпускам этого деспота, состав металла также характерен для монет Балканского региона этого времени. Отметим, что медные выпуски Ивана Тертера присутствуют среди находок болгарских монет в Восточном Крыму (*Гурулева*, 2011. С. 18).

Отец Ивана Тертера, деспот Добротица (1360?–1385), выдвинувшийся на службе у византийской императрицы Анны Савойской, матери Иоанна V Палеолога (1341–1391), и получивший титул «деспот» и земли в Западном Причерноморье, образовал независимое государство со столицей в городе Калиакра. Он вел довольно активную внешнюю политику, выступая союзником Венеции

[2] С этим нашим предположением согласилась также проф. Женя Жекова.

Рис. 4. Добружанский деспотат. Иван Тертер. Прорисовка медной монеты

против Генуи, в том числе в борьбе двух республик за торговые привилегии в Трапезундской империи. Кроме того, Добротица поддержал попытку Михаила Палеолога, сына Иоанна V, занять при помощи Венеции трапезундский престол в 1373 г. После неудачи этого предприятия Михаил в том же году женился на дочери Добротицы, в чем исследователи видят явное желание деспота породниться с Палеологами для укрепления своей власти. В 1376 г. Михаил был убит сыном Добротицы Иваном – видимо, в борьбе уже за добружанский престол (*Карпов,* 2007. С. 417–418). А вскоре Иван Тертер сменил приоритеты во внешней политике, заключив в 1387 г. союзный договор с Генуей (*Дочев*, 2009. С. 273).

У нас пока нет твердых оснований предполагать, что уникальная (по крайней мере, на сегодняшний день) монета, найденная в Переславле-Залесском, может оказаться новым типом медной чеканки Ивана Тертера. Однако следует отметить, что в публикациях последних лет появляются неизвестные ранее монеты, предположительно относящиеся к выпускам этого деспота. Например, две медные монеты, одна из которых была найдена на Украине, другая – в Болгарии с изображением монограммы из букв Т и/на л. с. и шестилучевой розетки на о. с. (*Овчаров,* 2019а. С. 204–208). Любопытна находка в Беларуси серебряного гроша Ивана Тертера, свидетельствующая о связях Добружанского деспотата с Великим княжеством Литовским. Было высказано предположение, что Тертер может быть деспотом, упомянутым в документе из канцелярии великого князя Литовского Витовта как его союзник (Он же, 2019б. С. 105–116).

Нельзя исключить вероятность, что монета из Переславля-Залесского является гибридным подражанием конца XIV – XV в. крымского происхождения, поскольку именно в Крыму имели хождение монеты, сочетание типов которых использовано на нашей монете. Несмотря на находки в Крыму балканских подражаний монетам Второго болгарского царства, копирующих чеканку Ивана Александра (1331–1371) и Ивана Срацимира (1352/55–1396), а также имитаций, не имеющих прямых прототипов – с крестами, произвольным набором точек и неясных символов (*Дочев*, 2009. С. 282–287; *Гурулева,* 2011. С. 19–20), их трудно генетически связать с монетой из раскопок в Переславле-Залесском.

Балканские имитации конца XIV – XV в. чеканились на более тонких заготовках и имели, как правило, более низкий вес, чем наша монета; отличались они также и по фактуре и стилистике изображений.

На возможность крымского происхождения монеты, найденной в Переславле-Залесском, косвенно указывают находки на полуострове ранее неизвестных типов монет, эмитенты которых до сих пор точно не определены. Так, Владимир Овчаров недавно опубликовал монеты, типологически близкие нашей, из случайных находок в Крыму (2 экз.) и в Болгарии (1 экз.). На л. с. – монограмма из букв Т и Ф, а на о. с. – крест с буквами в углах. Автор предложил три варианта принадлежности этих монет: княжество Феодоро (XII–XV вв.), татаро-генуэзская колония Монкастро (Белгород) (XIII–XV вв.) и Добружанский деспотат (XIV–XV в.), правитель которого, Иван Тертер или его возможный наследник, гипотетически мог переселиться в Крым после османского завоевания Болгарии (*Овчаров*, 2021. С. 173–179. Рис. 1).

Публикуя монету, найденную в Переславле-Залесском, мы можем пока только констатировать ее типологическую и метрологическую близость выпускам Балканского региона XIV–XV вв., что не исключает ее крымское происхождение. Как монета попала в Переславль-Залесский, тоже остается загадкой. Возможно, она путешествовала в кошельке «татарского гостя». Но до тех пор, пока мы точно не определим эмитента этого выпуска, нет смысла гадать, отражением каких событий в истории Древней Руси в целом и Переславля-Залесского в частности является эта редкая монета.

ЛИТЕРАТУРА

Гурулева В. В., 2009. Находки трапезундских монет в Крыму // Пятнадцатая ВНК (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009): тез. докл. и сообщ. М. С. 50–51.

Гурулева В. В., 2011. Болгарские медные монеты XIII–XIV вв., найденные в Крыму, из частных коллекций // Балканский сборник: к XXII Междунар. конгр. византинистов (София, 22–27 августа 2011 г.). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 7–21. (Тр. ГЭ; т. 58).

Гурулева В. В., 2018. Основные проблемы нумизматики Крыма византийской эпохи // Материалы и исследования Отдела нумизматики. По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма». СПб. С. 61–82. (Тр. ГЭ; т. 94).

Гурулева В. В., 2021. Две жизни византийских монет из раскопок в Саркеле – Белой Веже: в науке и в коллекциях Эрмитажа // Двадцать первая ВНК (Тверь, 24–29 мая 2021 г.): тез. докл. и сообщ. Тверь. С. 41–43.

Гурулева В. В., Гайдуков П. Г. 2016. Византийский клад с днепровских порогов начала XIX в. // Белградский сборник: к XXII Междунар. конгр. византинистов (Белград, Сербия, 22–27 августа 2016 г.). СПб. С. 34–46. (Тр. ГЭ; т. 80).

Гурулева В. В. 2024. Византийские монеты из раскопок в Саркеле – Белой Веже: особенности и случайности музейной жизни // Ученые – наследники пророков: сборник статей к 80-летию Михаила Борисовича Пиотровского / Государственный Эрмитаж. СПб.: в 2 т. Т. 1. С. 563–579.

Дочев К., 2009. Каталог на българските средновековни монети XIII–XIV век: типове, варианти, цени. Велико Търново: ЦЕНТРЕКС. 320 с.

Зоценко В. Н., 1991. Византийская монета в Среднем Поднепровье // Южная Русь и Византия: сб. науч. тр. (к XVIII конгр. византинистов). Киев. С. 57–79.

Карпов С. П., 2007. История Трапезундской империи. СПб.: Алетейя. 618 с.

Овчаров В. 2021. Неописани монети с монограм «Т» и крест (XIV–XV век) // VIII Международный нумизматический симпозиум «ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка» (Керчь, 2–6 октября 2021 г.): материалы науч. конф. Симферополь: Ариал. С. 173–182.

Овчаров В., 2019а. Неописан тип владетелска монета от Добруджа с монограммой «/Т» (средата на XIV век) // 120 години музейно дело в Силистра. Силистра: Регионален исторически музей. С. 204–208. (Добруджа; сб. 33).

Овчаров В., 2019б. Новоотрит грош на Добружанкия владетел Тертер // Acta Musei Varnaensis. XIII, 2. Варна. С. 105–116.

Пономарев А. Л., 2011. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М.: Изд-во МГУ. 670 с.

Чхаидзе В. Н., 2022. Об обращении византийских фоллисов XI в. на территории Таманского полуострова // Нумизматические чтения ГИМ 2022 г. К 150-летию ГИМ (Москва, 22 и 23 ноября 2022 г.): материалы докл. и сообщ. М. С. 40–45.

Bendall S., 2015. An Introduction to the Coinage of the Empire of Trebizond. London: Spink. 72 p.

DOC III – Grierson Ph., 1973. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection Vol. III. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 982 p. (Dumbarton Oaks Collection; vol. III).

DOC IV – Hendy M., 1999. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks and the Whittemore Collection. Vol. IV. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 730 p. (Dumbarton Oaks Collection; v. IV).

DOC V – Grierson Ph., 1999. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. V. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 611 p. (Dumbarton Oaks Collection; vol. V).

Guruleva V., 2010. Trebizond coins in Crimea // Mélanges Cécile Morrisson. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. S. 401–412. (Travaux et Mémoires; 16).

Lunardi G., 1980. Le monete delle colonie Genovesi. Genova: Società Ligure di storia patria. 317 p. (Atti della società Ligure di storia patria. Nuova Serie; vol. XX (XCIV), fasc. 1).

Metcalf D. M., 1983. Coinage of the Crusades and the Latin East in the Ashmolean Museum Oxford. London: Royal Numismatic Society and Society for the Study of the Crusades and the Latin East. 366 p.

V. V. Guruleva, Vl. V. Sedov

A 14TH–15TH CENTURY COPPER COIN OF THE BALKAN (?) ORIGIN DISCOVERED DURING 2020 ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN PERESLAVL-ZALESSKY

Abstract. In 2020, as part of research on the condition of the soil layers near the walls and foundations of the Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalessky, eight test pits were excavated. In one of these, an unusual copper coin was found, uncommon for this region. Attempts to identify its issuer have yet to yield definitive results. The closest analogies are found among coins from the Balkan region dating to the late 14th–15th centuries. The cross depicted on the obverse is characteristic of issues from many states influenced by Byzantium, while the reverse design resembles the coinage of Dobrujan despot Ivan Terter. Since copper issues from Bulgarian tsars and coins featuring crosses are often found in Crimea, it is possible that the coin discovered in Pereslavl-Zalessky originated in the eastern part of the peninsula, under the control of the Golden Horde, and made its way to Rus from there.

Keywords: Ancient Rus, Pereslavl-Zalessky, Crimea, Golden Horde, Balkans, Dobrujan Despotate, coins

А. А. Красноперов

ДВА ИРАНСКИХ РЕЗНЫХ КАМНЯ ИЗ ПРИУРАЛЬЯ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.148-163

Резюме. В коллекции Национального музея Республики Башкортостан хранятся две крупные «бусины» из серо-голубого полупрозрачного халцедона с резными изображениями. В целом находки гемм (с изображениями других типов) относятся к VI–VII вв., вариации датировок связаны с вещами длительного бытования или без четкой хронологии. Обе геммы из Предуралья происходят из одного комплекса – Бахмутино, погребение V. Состав комплекса был восстановлен Н.Г. Рутто (1946–2007) и Н.А. Мажитовым (1933–2015). В настоящий момент в коллекциях музеев г. Уфы достоверно удалось идентифицировать только геммы, янтарные, стеклянные и пастовые бусы, кольцевидную застежку и нож из этого погребения. В целом наиболее вероятная датировка погребения – VI в. Набор объединяет как сугубо местные (застежка), так и не местные (бусы, серьга, геммы) предметы. Типологические параллели инвентарю происходят из трех регионов: Средней Азии, Кавказа, Крыма. Со всеми тремя регионами прослеживаются связи, но интенсивность их различна в разные периоды. Типы, например, поясной гарнитуры близки кавказским, но в промежутке между двумя районами нет никаких или практически никаких находок. Вариант ответа может дать распространение двупластинчатых фибул – как находок, так и их своеобразного места в костюме – с Кавказа в сторону Джетыасара, и уже оттуда в Башкирию. Топография находок гемм этому не противоречит.

Ключевые слова: геммы, хронология, серьги, пряжки, Кавказ, Средняя Азия, Приуралье, бахмутинская культура

В коллекции Национального музея Республики Башкортостан хранятся две крупные «бусины» из серо-голубого полупрозрачного халцедона с резными изображениями. Изображения предметов публиковались как минимум дважды, но контекст оставался без внимания. В первый раз была издана прорисовка изображения на одной из бусин (*Шмидт,* 1929. Рис. 5), во второй – фотографии и прорисовки изображений (*Русланова*, 2018. Рис. 31) в общей типологии бус южного Урала эпохи средневековья – отдел V, тип V.2Б1а. В качестве аналогий приведены геммы из каталога А.Я. Борисова – В.Г. Луконина и бусина из погребения 66 Охлебининского могильника, датирующегося среднесарматским временем (Там же. С. 143).

Находки нетипичны для Приуралья, но интерес представляют не изолированно сами по себе, а в археологическом контексте[1].

Типологический контекст

Обе бусины входят в обширную группу бус-печатей («ложных перстней» – довольно неудачное название): асимметричная линзовидная или полусфериче-

[1] Опубликовать этот текст мне предложил И.Р. Ахмедов. За помощь в работе с коллекциями, архивами и литературу я благодарен С.Л. Воробьевой, А.Н. Султановой, Р.Р. Руслановой, И.Р. Ахмедову, Д.Г. Бугрову, И.О. Гавритухину, А.И. Торгоеву.

ская форма, достаточно узкий (тонкий) канал, резное (штриховое) изображение. Изображения могут быть разнообразными (*Борисов, Луконин,* 1963. С. 218): «портреты», стоящие фигуры, «цветы» (стилизованный храмовый алтарь), птицы, животные, в т. ч. в сценах, схематичные знаки (нешан). Большие коллекции происходят с асарских памятников (*Левина, Никитин,* 1991; 1995; *Левина,* 1996. Рис. 161–162), с Кавказа (*Пахомов,* 1949; *Максимова,* 1950; *Асланов,* 1955; *Прокопенко,* 2008; 2009) и старых музейных коллекций (Эрмитаж, Метрополитен, и др.: *Борисов, Луконин,* 1963; *Никитин,* 2012). В. Е. Науменко и А. Г. Герцен в новейшем обзоре отметили всего четыре находки к северу от Кавказа: случайная находка на месте салтово-маяцкого Нижнелубянского катакомбного могильника VIII–IX вв. в Верхнем Подонье (*Афанасьев*, 2016), две халцедоновых геммы из культурного слоя X–XI вв. на древнерусских памятниках – Гнездовском поселении *(Вешнякова*, 1995) и Ростове Великом (*Леонтьев*, 2016) – и гемма в составе ожерелья из погребения эпохи викингов в Упланде (Швеция) (*Пушкина,* 2007). «Во всех случаях печати рассматриваются как случайные находки, оказавшиеся на территории Восточной Европы в результате эпизодических контактов с народами Северного Кавказа и Ирана в эпоху раннего Средневековья, как сувениры из дальних путешествий либо как военные трофеи участников военных походов эпохи викингов» (*Науменко, Герцен,* 2021. С. 107).

Изображения на обеих рассматриваемых находках относятся к одному типу «охотников» (*Борисов, Луконин,* 1963. С. 187–188, 218. № 1. Кат. 761–767). Фигуры могут быть парными или одиночными, с разным уровнем аккуратности исполнения рисунка. Учитывая однообразие изображений и периодически изначальные – до нанесения изображений – дефекты камня, А. Е. Пахомов считал, что предметы не могут являться печатями и отражают принадлежность к какой-то группе общества (*Пахомов,* 1949. С. 109).

Археологический контекст находок

Большая часть находок происходит из сборов, покупок и не имеет прямого археологического контекста. Геммы, найденные в асарских склепах, имеют другие типы изображений: Алтын-асар-4, ск. 117/2, ск. 302, и ск. 389: VI в.; ск. 73 и ск. 321, вероятно, VI в.; ск. 17: конец VI в., ск. 34: конец VI – начало VII в. (рис. 1). Несколько закрытых комплексов известно на Кавказе: Кугульский западный, ск. 2 (*Рунич,* 1979. Рис. 4: *3*; *Мастыкова,* 2009. Рис. 116: *2, 3*): V–VI вв., и ск. 5 (*Рунич,* 1979. Рис. 8: *30*; *Мастыкова,* 2009. Рис. 116: *5*) со смешанным инвентарем от сарматского времени до эпохи геральдических гарнитур; Бермамытский, кат. 3 (*Рунич,* 1969. Табл. VII: 26; *Мастыкова,* 2009. Рис. 116: 1) с инвентарем V–VI вв.; Клин-Яр, 1983 г. (*Савенко,* 1993. Рис. 1: *2.* С. 131–132), VI – начало VII в.; Чир-Юрт, погр. 79 (*Гаджиев,* 1987. Рис. 1: *4*. С. 141, 152 – прим. 11) с монетой Хосрова II; Чир-Юрт 2, кург. 26 (*Магомедов,* 1983. Рис. 26: *9*), конец VI в.; Чми, погр. 4 (*Абрамова,* 1986. Рис. 2: *2*; *Мастыкова,* 2009. Рис. 116: *6–8*) и погр. 8 (*Абрамова*, 1986. Рис. 6: *12*; *Мастыкова,*

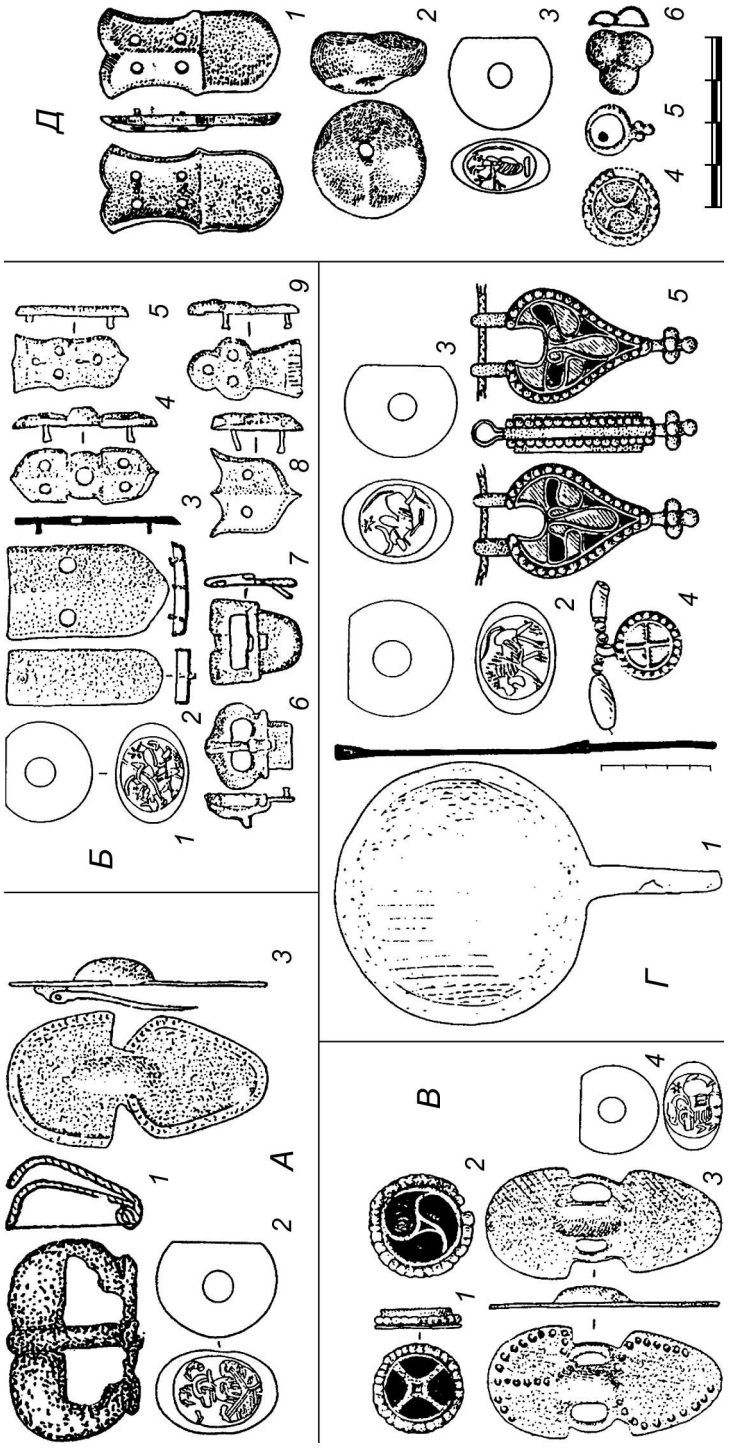


Рис. 1. Комплексы с геммами из асарских памятников. *А* – Алтын-Асар 4, ск. 302; *Б* – Алтын-Асар 4, ск. 34; *В* – Алтын-Асар 4, ск. 117/2; *Г* – Алтын-Асар 4, ск. 389; *Д* – Алтын-Асар 4, ск. 17 (*Левина*, 1993; 1994)

2009. Рис. 116: *15, 16*), V–VI вв.; Чми, погр. 6 (*Абрамова,* 1986. Рис. 5: *19, 21*; *Мастыкова,* 2009. Рис. 116: *9–14*), IV в.; Мокрая Балка 1996, погр. 1 (*Коробов,* 1999. Рис. 4: *8*), вторая половина VI – первая половина VIII в.; Едыс, погр. 1 (*Дзаттиаты,* 1986. Рис. 1: *2–6*; 2006. Рис. 3: *2–7*), без даты; погр. 5 (Он же, 1986. Рис. 5: *6*; 2006. Рис. 7: *15*), вторая половина VI в.; погр. 6 (Он же, 1986. Рис. 6: *12–15*; 2006. Рис. 8: *34–36*), VI–VII вв.; погр. 10 (Там же. Рис. 15: *23*), IV–VI вв.; погр. 11 (Там же. Рис. 16: *3*) и погр. 14 (Там же. Рис. 19: *5*), VI в.[2] Одна находка известна в Крыму: Лучистое, ск. 38/погр. 8 (*Хайрединова,* 2000. Рис. 12: *6*; С. 106; *Айбабин, Хайрединова,* 2008. Табл. 127, 138–140), конец VI – первая четверть VII в. В целом находки (с изображениями других типов) относятся к VI–VII вв., вариации датировок связаны вещами длительного бытования или без четкой хронологии.

Наибольший интерес представляет комплекс Чир-Юрт I, погр. 58 (*Ковалевская,* 2005. Рис. 57) – единственный, в котором найдена гемма с рассматриваемым типом изображения (рис. 2). На его датировку указывают бусы и двупластинчатая фибула, более поздняя (если верить рисунку), чем датированные индикациями 613–625 гг. экземпляры из Чир-Юрт, погр. 72 (*Гавритухин, Обломский,* 1996. Рис. 81/72).

Хронологический контекст комплекса

Обе геммы из Предуралья происходят из одного комплекса – Бахмутино, погр. V (*Шмидт,* 1929. С. 23).

Состав комплекса был восстановлен Н. Г. Рутто (1946–2007) (рис. 3; 4). Среди бумаг Н. А. Мажитова (1933–2015) сохранились карандашные прорисовки на кальке плана погребения с фотографии (рис. 5) и обводки нескольких предметов (рис. 6). В настоящий момент в коллекциях музеев г. Уфы[3] достоверно удалось идентифицировать только геммы, янтарные, стеклянные и пастовые бусы, кольцевидную застежку и нож из этого погребения (рис. 7[4]). Большая часть находок имеет общий шифр «265». Кроме ножа, который имеет шифр «267/3». Но это единственный нож, абрис и размеры которого совпадают со старыми карандашными обводками. Проблему составляет пряжка. В коллекции есть экземпляр

---

[2] Также: Мокрая Балка, кат. 83 (*Афанасьев, Рунич,* 2001. Рис. 96: 14; *Мастыкова,* 2009. Рис. 116: 6), с кружкой Малашев-Крб IIIа этапа – вторая-третья четверти VII в. (*Малашев*, 2001. Рис. 16: *4*, 53: *83*. С. 32,48); Хазнидон, погр. 5 (*Гиджрати,* 1979. С. 122), нет данных о датировке; Агачкалинский (*Магомедов,* 1981. С. 109), VIII–IX вв.; Ясли (*Савенко,* 1993. Рис. 1: *3*), нет комплекса. М. С. Гаджиев перечисляет находки из Агачкала, 1948 г., Верхний Чир-Юрт, Узунтала, ск. 2 и 3, Бежти, Бавтугай, погр. 4, каждый раз отмечая, что находка утеряна, а рисунки не соответствуют (*Гаджиев,* 1987. С. 151 (прим. 1), 152 (прим. 15), 153 (прим. 34,39,41,43)).

[3] НМРБ, при содействии хранителя фонда «Археология» С. Л. Воробьевой.

[4] Цвет камней одинаковый, но из-за сколов изображение видно только в желтом боковом освещении.

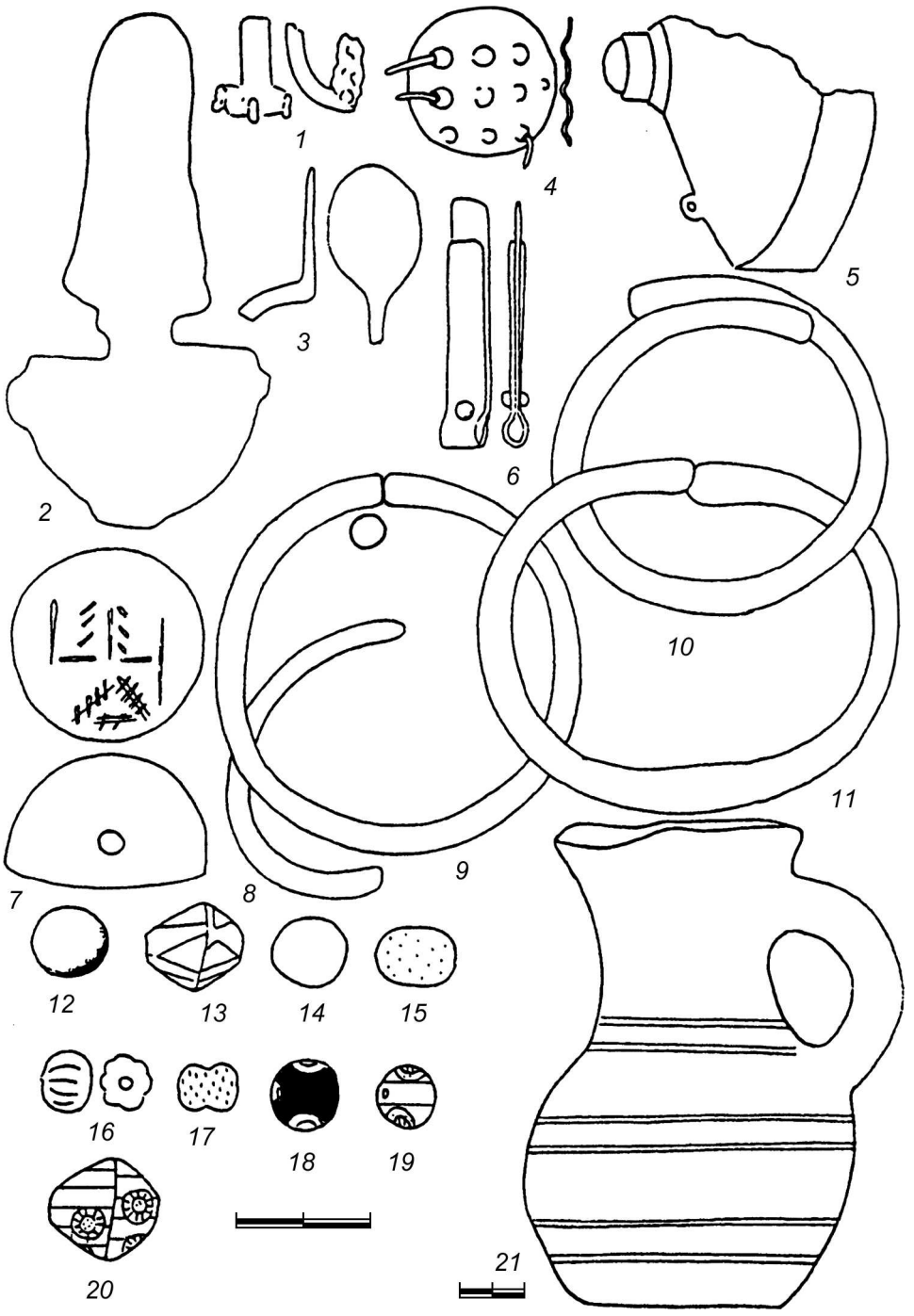


Рис. 2. Комплекс с геммой. Чир-Юрт I, погр. 58,
раскопки И. П. Костюченко (*Ковалевская*, 2005. Рис. 57)

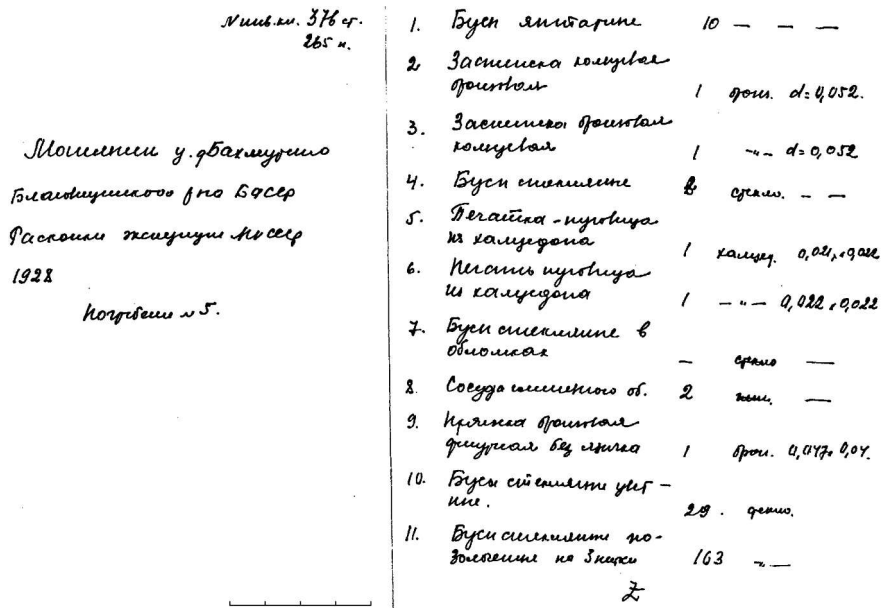


Рис. 3. Бахмутино, погр. 5, опись находок по Н. Г. Рутто

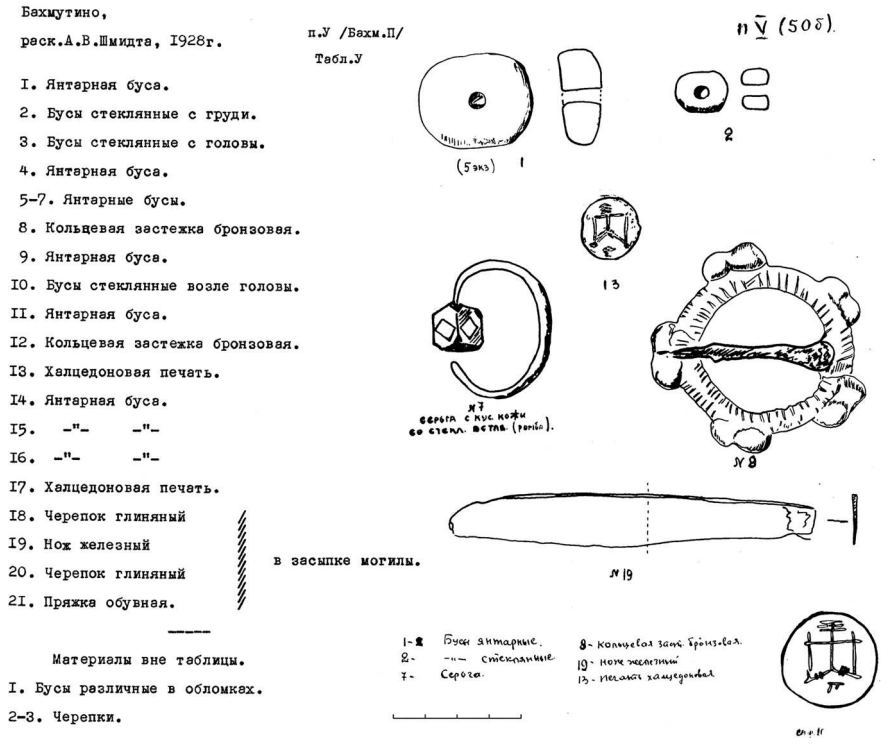


Рис. 4. Бахмутино, погр. 5, опись находок и рисунки вещей по Н. Г. Рутто

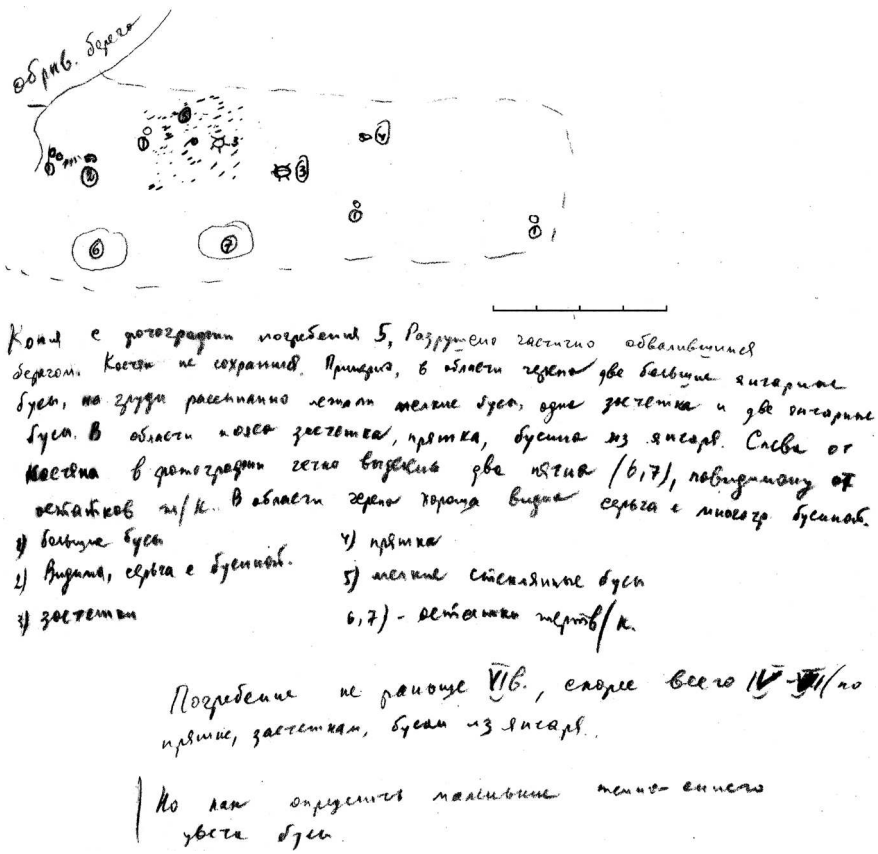


Рис. 5. Бахмутино, погр. 5, схема погребения и список находок по Н. А. Мажитову

с шифром «265», но пряжки нет в перечне находок из погребения. Сама пряжка относится к группе «с В-образной рамкой, площадкой и вырезами в задней части рамки, изготовленные вместе с обоймой щитовидной формы с прорезями» (*Гавритухин,* 1999). Типологический контекст связан с находками из Чми, Едыса и Гавази, а территориально ближайший экземпляр происходит из Новиковки в черте современной Уфы (Там же. Рис. 3-А: *2, 3, 4, 10.* С. 183) и отличается только отсутствием крепежных (?) отверстий (рис. 8). И. О. Гавритухин датировал их второй половиной VII в. (Там же. С. 184), но основания нечеткие (недокументированные перемешанные находки в катакомбе многократного использования (Чми, кат. Г (D): *Хайнрих,* 1995. С. 189–190. Табл. XV–XVIII)).

Бусы дают лишь самый общий интервал. Серьга относится к группе (тип 4, вариант 3), появление которой Э. А. Хайрединова относит к первой половине VI в. (*Хайрединова,* 2002. С. 62. Рис. 4: *10*). Находки этой формы известны в Приуралье: Н. Турбаслы, кург. 20/погр. 3 (*Мажитов,* 1959. Табл. IV: *8*. С. 134),

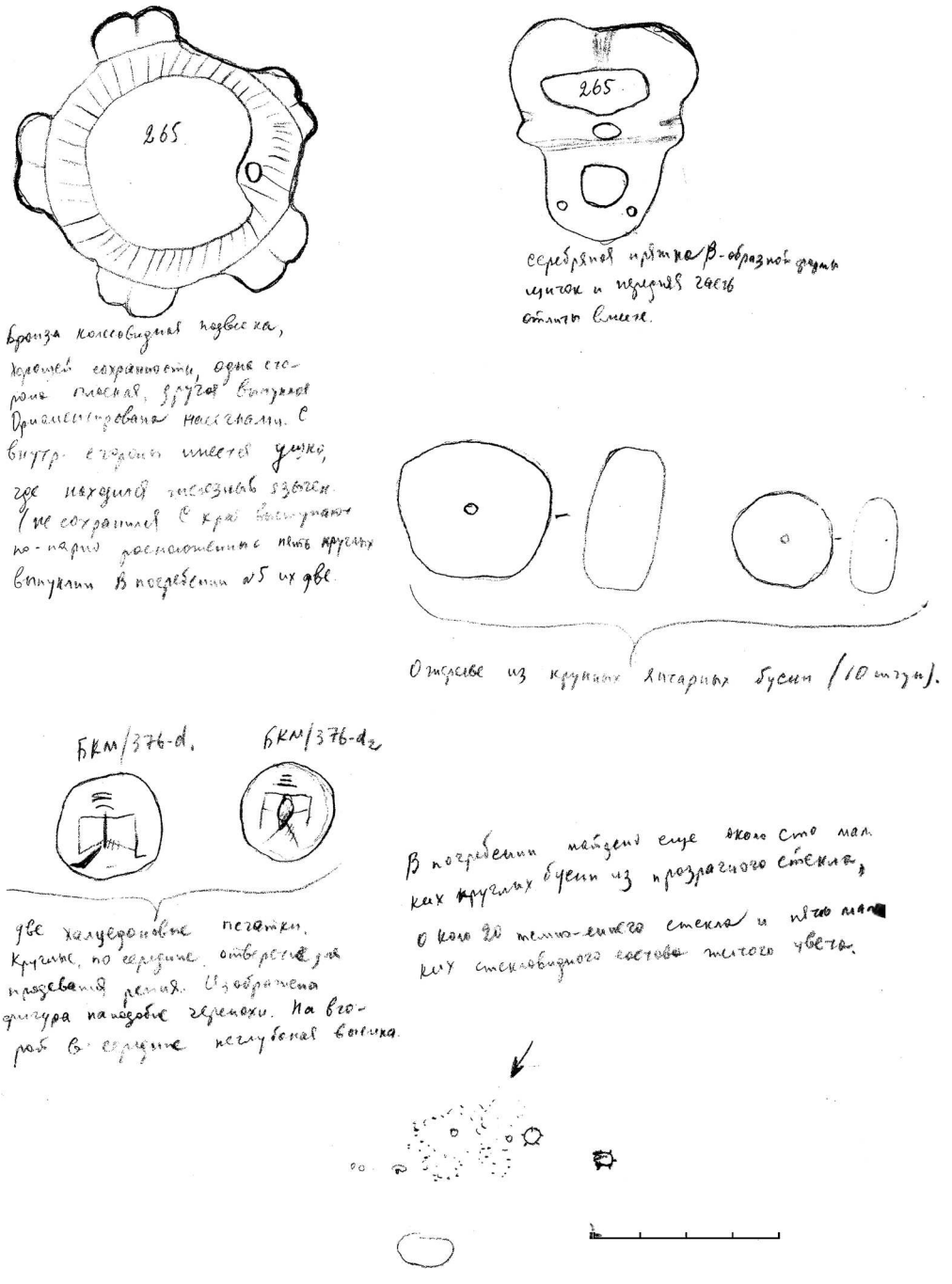


Рис. 6. Бахмутино, погр. 5, зарисовки находок по Н. А. Мажитову

Рис. 7. Бахмутино, погр. 5, находки. *1, 2* – геммы; *3* – застежка; *4, 5* – бусы; *6* – нож; *7* – пряжка. *1, 2* – халцедон; *3, 6* – бронза; *4* – янтарь; *5* – стекло и паста; *6* – железо (НМРБ, колл. 265: фото – автора статьи, рисунки – автора статьи; *5* – фото Р.Р. Руслановой)

других находок нет; Маняк, р. II/погр. 10 (Он же, 1981. Рис. 7: *3*. С. 16) с поясной гарнитурой агафоновского облика[5] (рис. 9). Обстоятельно разработана лишь хронология застежек с выступами (*Бугров,* 2015. С. 22–25). Экземпляр из Бахмутино, погр. 5, отнесен к 1[6] группе – с гладкой или поперечно-рифленой рамкой и

[5] Они есть и в других погребениях Бирского могильника, но фрагментарно: сохранились дужки и торцевые пластинки «бусины» без вставок в комплексах с поясной гарнитурой агафоновского типа.

[6] «Нулевая» группа представлена находками: Старый Узюм (*Бугров,* 2014. Рис. 7. С. 22–24); Концовский, погр. 8 (*Стефанова,* 1982. С. 96, 101. Рис. 3: *8*); Тат-Бояры, погр. 14 (*Лещинская,* 1995. Рис. 16: 25); Бирск, погр. 148 и погр. 218 (*Мажитов,* 1968. С. 106). И, может быть, Бирск, погр. 128 (НМРБ, 60/389).

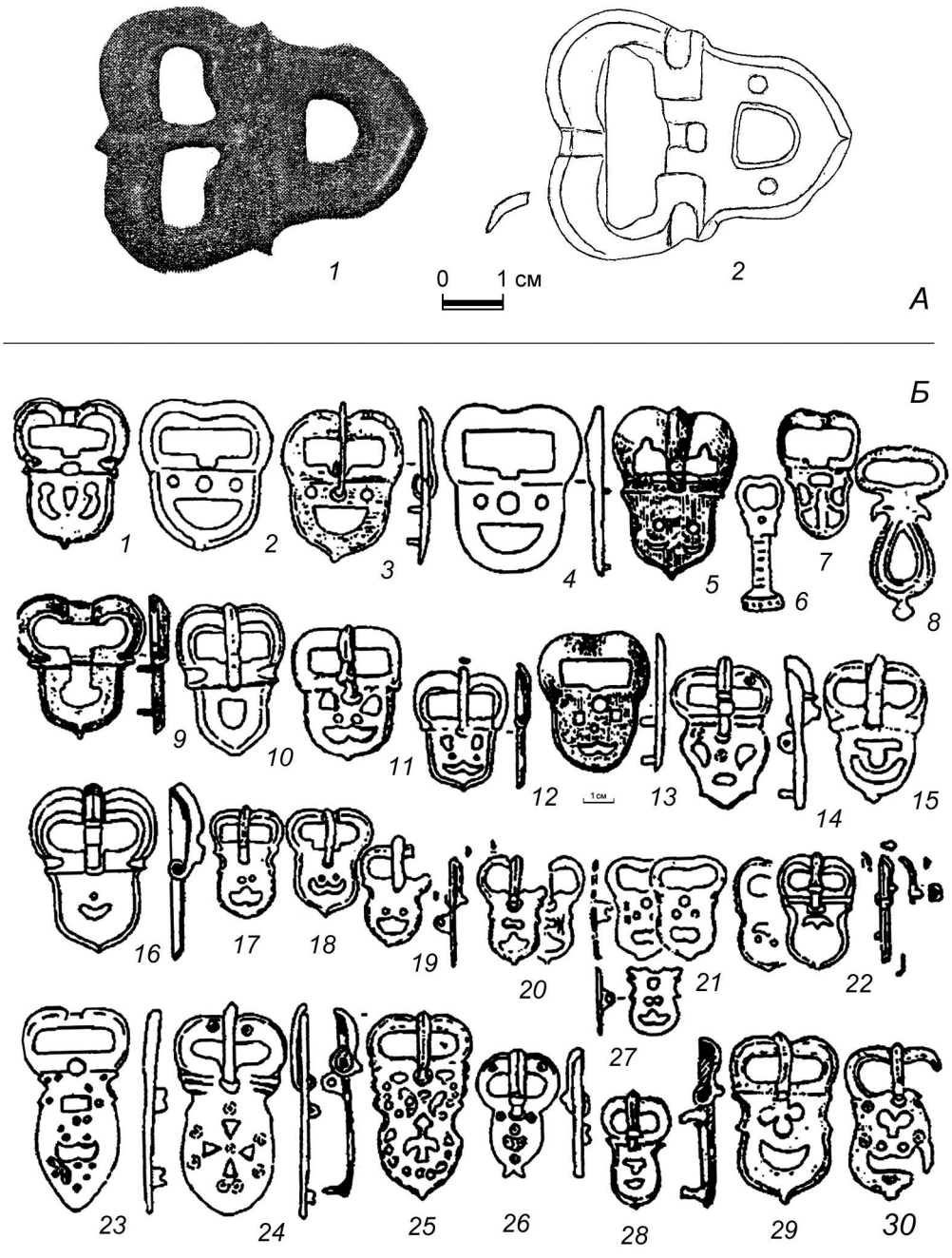


Рис. 8. Контекст пряжек с В-образной рамкой. *А*: *1* – Уфа, Новиковка (*Ахмеров*, 1970. Рис. 3); *2* – НМРБ, 265/-(с оригинала); *Б* – типологический контекст (*Гавритухин*, 1999. Рис. 3: *А*)

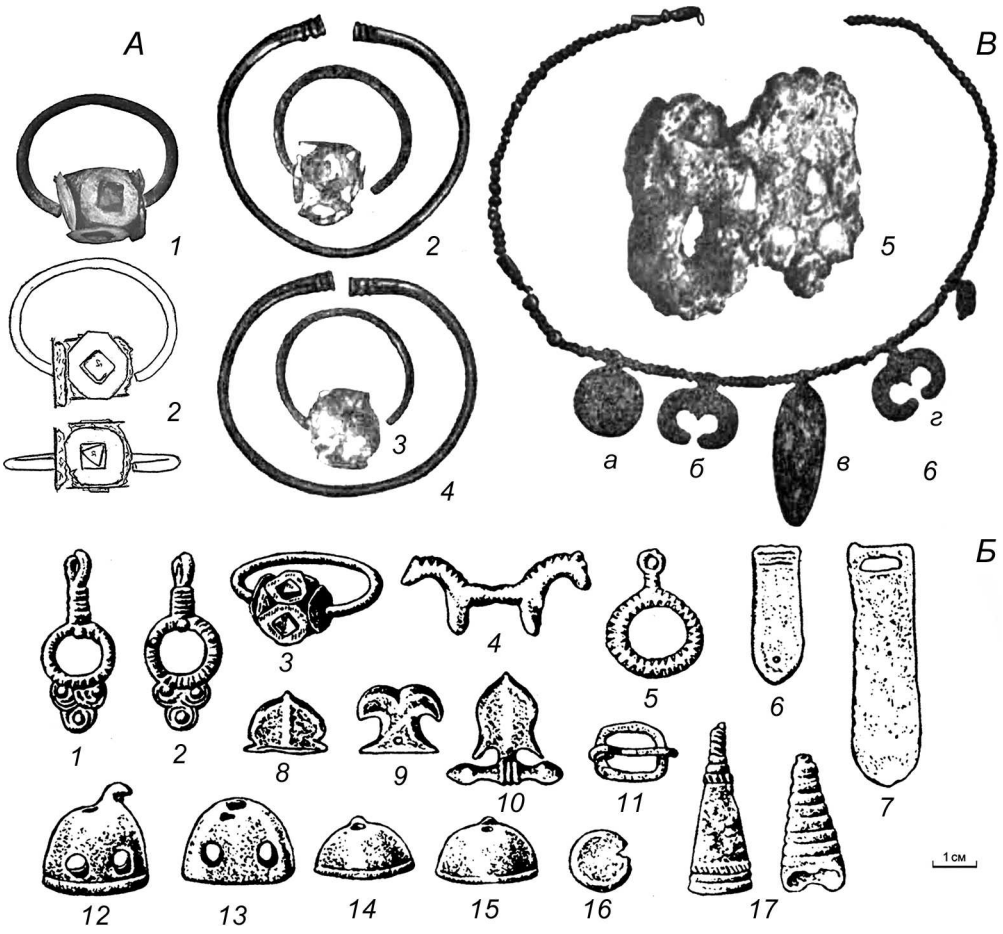


Рис. 9. Контекст серег с инкрустированным наборным 14-гранником.
А – Н. Турбаслы, кург. 20/погр. 3: *1* – фотография из отчета (*Мажитов*, 1958. Табл. I: 8), *2* – рисунок И. О. Гавритухина в экспозиции МАЭ ИЭИ УНЦ РАН; *Б* – Маняк, р. II/погр. 10 (*Мажитов*, 1981. Рис. 7: *1–18*); *В* – Сахарная Головка, погр. 41 (*Борисова*, 1959. Табл. IV: 2, V: *1, 2, 8*, VI: *1, 2*)

гладкими парными выступами, часто без петли для крепления – вместе с находками из Варни, погр. 131 (*Семенов,* 1980. Табл. XIV: *35*; *Иванов,* 1998. Рис. 9: *8*) с височной подвеской неясной датировки; Тат-Бояры, погр. 5 (*Лещинская,* 1995. Рис. 15), VI в.; Петропавловский, погр. 11 (*Семенов,* 1976. Табл. II: *11*), VI в.; Шор-Унжа, погр. 4 (*Никитина,* 1999. Рис. 71: *28*), VI в.; Коминтерн II, погр. 26 (*Казаков,* 1998. Рис. 25: *12, 23*; 2021. Рис. 30: *12, 23*), VI в.[7]; Безводнинский,

[7] См. комплексы: Коминтерн II, погр. 43 (*Казаков,* 1998. Рис. 31–33; 2020. Рис. 39–45), Бирск, погр. 18 (*Мажитов,* 1968. Табл. 12), Новославка II, погр. 1 и подъемный материал (*Валиев,* 2018. Рис. 3: *9*), все VI в.

погр. 5 (*Краснов,* 1980. Рис. 35: *4*); фрагментированной застежкой со Старо-Майнского городища (*Казаков, Кожевин,* 2008. Рис. 3: *3*); с разграбленных памятников в низовьях р. Черемшан (*Бугров,* 2015, прим. 28).

В целом наиболее вероятная датировка Бахмутино, погр. 5 – VI в.[8] Набор объединяет как сугубо местные (застежка), так и не местные (бусы, серьга, геммы) предметы. Ареал застежек включает бахмутинские, позднеазелинские, поломские и памятники петропавловского типа. Серьга имеет параллели, кажется, только в Крыму, но там есть только одна находка (Сахарная Головка, погр. 41), тогда как в Приуралье – не менее трех. Геммы распространены по всей ближней периферии Ирана: в Средней Азии, на Кавказе, в Крыму. Со всеми тремя регионами прослеживаются связи, но интенсивность их различна в разные периоды. Для времени Бахмутинского могильника ситуация необычна. Типы, например, поясной гарнитуры близки кавказскими, но в промежутке между двумя районами нет никаких или практически никаких находок. Вариант ответа может дать распространение двупластинчатых фибул – как находок, так и их своеобразного места в костюме – с Кавказа в сторону Джетыасара, и уже оттуда в Башкирию (*Красноперов,* 2008). Топография находок гемм этому не противоречит.[9]

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1986. Раннесредневековый могильник у с. Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе. С. 49–71.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2008. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь; Керчь: АДЕФ–Украина. 336 с.

Асланов Г. М., 1955. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК. Вып. 60. С. 63–72.

Афанасьев Г. Е., 2016. Сасанидская гемма из Нижнелубянского могильника // РА. № 3. С. 121–130.

Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.: Научный мир. 252 с.

Ахмедов И. Р., 2025. Сасанидская печать из Верхнесалтовского могильника // Ювелирное искусство и материальная культура / Вып. 8 / Сост.: И. В. Поскачева и др. СПб: изд-во Гос. Эрмитажа. С. 130–148.

Ахмеров Р. Б., 1970. Уфимские погребения IV–VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.: Наука. С. 161–193.

Борисов А. Я., Луконин В. Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.: Изд-во ГЭ. 224 с.

[8] Теоретически возможен и VII в., но крайне маловероятен.

[9] С момента сдачи рукописи в печать были опубликованы находки из Верхнесалтовского могильника (*Ахмедов*, 2025), обзор Дж. Лернер (*Lerner*, 2022), изданы по комплексам Коминтерновский II (*Казаков*, 2020), Варнинский (*Сабирова, Красноперов, Русских*, 2024) могильники, упоминающиеся или существенные для этой работы.

Борисова В. В., 1959. Могильник у высоты «Сахарная головка» // Херсонесский сборник. Вып. V. Симферополь: Крымиздат. С. 169–190.

Бугров Д. Г., 2015. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. № 4. С. 7–34.

Валиев Р. Р., 2018. Новый памятник «коминтерновского типа» именьковской культуры // Археология Евразийских степей. № 1. С. 211–216.

Вешнякова К. В., 1995. Сасанидская печать из Гнездова // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга / Отв. ред.: В. М. Массон, Д. Г. Савинов. СПб.: Петербургкомстат. С. 64–70. (Археологические изыскания; вып. 34).

Гавритухин И. О., 1999. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А. Г. Иванов. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Урал. отд-ния РАН. С. 160–209.

Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст: коллективная монография. М.: ИА РАН. 298 с. (Раннеславянский мир; вып. 3).

Гаджиев М. С., 1987. Памятники сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана / Сост. М. М. Маммаев. Махачкала. С. 139–151.

Гиджрати Н. И., 1979. Разведки и раскопки в Северной Осетии // Археологические открытия 1978 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. С. 12–22.

Дзаттиаты Р. Г., 1986. Раннесредневековый могильник в селении Едыс (Южная Осетия) // СА. № 2. С. 198–209.

Дзаттиаты Р. Г., 2006. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ: Ир. 179 с.

Иванов А. Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. Урал. отд-ния РАН. 309 с.

Казаков Е. П., 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский обл. ист.-краевед. музей. С. 97–150.

Казаков Е. П., 2020. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Кн. 1. Коминтерновский II могильник. Казань: Фэн. 144 с. (Археология евразийских степей).

Казаков Е. П., Кожевин А. Е., 2008. Новый памятник эпохи тюркских каганатов у Старой Майны // Материалы Лихачевских чтений (3–5 апреля 2008 г.). Казань: Экспресс-формат. С. 207–213.

Казаков Е. П., 2020. Волго-Камье в эпоху тюркских каганатов. Книга первая. Коминтерновский II могильник / Археология евразийских степей. Казань: изд-во «Фэн», 144 с.

Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Пущино: Пущинский науч. центр РАН. 398 с.

Коробов Д. С., 1999. Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М. С. 161–164.

Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.

Красноперов А. А., 2008. Мода на одежду с парными застежками на восточных окраинах Европы // Жилище и одежда как феномен этнической культуры: материалы

Седьмых Санкт-Петербургских этнографич. чтений. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. С. 231–233.

Левина Л. М., 1994. Джетыасарская культура. Ч. 3–4. Могильники Алтынасар 4. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. 312 с. (Низовья Сырдарьи в древности; вып. IV).

Левина Л. М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Вост. лит. 396 с.

Левина Л. М., Никитин А. Б., 1991. Об одной группе иранских резных камней из Восточного Приаралья // ВДИ. № 4. С. 53–65.

Левина Л. М., Никитин А. Б., 1995. Иранские резные камни из памятников джетыасарской культуры // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. Ч. 5 / Ред. А. Н. Седловская. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 105–121.

Левина Л. М., 1993. Джетыасарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 2. Джетыасарская культура. Ч. 1. Склепы / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 33–198.

Леонтьев А. Е., 2016. Сасанидская печать из Ростова Великого // КСИА. Вып. 245. С. 37–41.

Лещинская Н. А., 1995. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та. С. 88–128.

Магомедов М. Г., 1981. Исследования Агачкалинского могильника // Археологические открытия 1980 г. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. С. 108–109.

Магомедов М. Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М.: Наука. 224 с.

Мажитов Н. А., 1958. Альбом иллюстраций к отчету мл. научного сотрудника ИИЯЛ БФАН СССР Н. А. Мажитова об археологических исследованиях 1958 г. в Башкирии // Архив ИА РАН. Р-1. № 1762а.

Мажитов Н. А., 1959. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник / Под ред. А. П. Смирнова, Р. Г. Кузеева. Уфа: Ин-т ист., яз. и лит. Башкир. филиала АН СССР. С. 114–142.

Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии I тыс. н. э. М.: Наука. 162 с.

Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. 164 с.

Максимова М. И., 1950. Геммы из некрополя Мцхеты – Самтавро (раскопки 1938–1939 гг.) // Вестник Государственного музея Грузии. Т. XVI-B. С. 221–274, IV табл.

Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М. 148 с.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: ИА РАН. 502 с.

Науменко В. Е., Герцен А. Г., 2021. Сасанидский ложный перстень из раскопок Мангупского дворца: проблемы атрибуции и интерпретации // Античная древность и средние века. Вып. 49. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 97–114.

Никитин А. Б., 2012. Сасанидские геммы: каталог // Никитин А. Б., Смирнова Н. М. Мир в миниатюре. Геммы из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: ГМИИ. С. 52–81.

Никитина Т. Б., 1999. История Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории. 160 с. (Тр. Марийской археолог. экспедиции; т. V).

Пахомов А. Е., 1949. Доисламские печати и резные камни Музея истории Азербайджана // МКА. Т. I. Баку: Изд-во АН АзССР. С. 104–110.

Прокопенко Ю. А., 2008. Сасанидские геммы из памятников Северного Кавказа (каталог) // Древности юга России: памяти А. Г. Атавина / Отв. ред. Г. Е. Афанасьев. М.: Таус. С. 368–385.

Прокопенко Ю. А., 2009. Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им на памятниках Северного Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 1 / Под. ред. Ю. А. Прокопенко, А. А. Дурова. Ставрополь: Графа. С. 39–50.

Пушкина Т. А., 2007. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности: ист.-археолог. сб.: к 30-летию археолог. изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской обл. археолог. экспедиции / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 325–331.

Рунич А. П., 1969. Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях // МАДИСО. Т. II / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе. С. 97–105.

Рунич А. П., 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. № 4. С. 232–247.

Русланова Р. Р., 2018. Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкир. энцикл. 376 с.

Сабирова Т. М., Красноперов А. А., Русских Е. Л., 2024. Варнинский могильник. Том 1. Раскопки 1970–1972 гг. Наследие В. А. Семенова. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН. 312 с.

Савенко С. Н., 1993. Предметы египетского, китайского, иранского происхождения в комплексах первой половины I тыс. н. э. Пятигорья // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье / Под. ред. А. В. Исаенко. Владикавказ: Изд-во Сев.-Осетин. гос. ун-та. С. 130–140.

Семенов В. А., 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии / Отв. ред. В. Е. Владыкин. Ижевск. С. 3–50.

Семенов В. А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Ижевск. С. 5–135.

Стефанова И. И., 1982. Концовский могильник // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: Удмурт. науч.-исслед. ин-т. С. 90–103.

Хайнрих А., 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан (по материалам Венского Естественно-исторического музея) // Аланы: история и культура. III / Сост. В. Х. Тменов. Владикавказ: Сев.-Осетин. ин-т гуманитар. исслед. С. 184–258.

Хайрединова Э. А., 2000. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь: Таврия. С. 91–133.

Хайрединова Э. А., 2002. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой пол. VI вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. Симферополь: Таврия. С. 53–118.

Шмидт А. В., 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. № 8–9. Уфа: Типолитогр. «Октябрьский натиск». С. 1–28.

Lerner J. A., 2022. Some Thoughts on the So-Called ‘Gayomard Seals // Ivories, Rock Reliefs and Merv: Studies on the Ancient Near East in Honour of Georgina Herrmann / Eds. Dirk Wicke and John Curtis. Münster: Zaphon. P. 299–310.

A. A. Krasnoperov

TWO IRANIAN CARVED STONES FROM THE URAL REGION

Abstract. The collection of the National Museum of the Republic of Bashkortostan includes two large "beads" made of gray-blue translucent chalcedony with carved designs. Generally, the discovery of gems (with other types of images) is dated to the 6th–7th centuries AD, with variations in dating linked to objects of prolonged use or without clear chronology. Both gems from the Ural region originate from a single burial complex – Bakhmutino, Grave 5. The complex's composition was reconstructed by N. G. Rutto (1946–2007) and N.A. Mazhitov (1933–2015).

Currently, only the gems, amber, glass, and paste beads, a ring-shaped clasp, and a knife from this burial have been reliably identified in museum collections in Ufa. The most likely date for Bakhmutino, Grave 5, is the 6th century. The assemblage combines both purely local items (the clasp) and non-local ones (beads, earrings, gems). Typological parallels for the inventory originate from three regions: Central Asia, the Caucasus, and Crimea. Connections with these regions are evident, though their intensity varied across periods. For instance, belt fittings are similar to those of the Caucasus, but there are almost no finds linking the two areas directly. A potential explanation might involve the spread of double-plate fibulae as artifacts and their distinct role in dress – from the Caucasus toward Jetysar, and from there to Bashkiria. The distribution of gem finds aligns with this hypothesis.

Keywords: Gems, Chronology, Earrings, Buckles, Caucasus, Central Asia, Ural region, Bakhmutino culture

А. А. Малышев, А. Н. Бабенко, А. С. Клемешов,
Т. Н. Смекалова, Л. В. Яворская

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ПОЛУОСТРОВА АБРАУ[1]

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.164-188

Резюме. В статье публикуются материалы десятилетних исследований Новороссийской археологической экспедиции на северной границе полуострова Абрау, которая связана с одним из отрогов горы Макитра (325 м) и берущими на ней начало рукавами р. Куматырь. Среди выявленных и исследованных комплексными методами объектов – бытовые и погребальные памятники археологии, причем на трех бытовых поселениях выявлены мощные фортификационные сооружения античного времени и эпохи Великого переселения народов – свидетельства стратегического значения перевала из Анапско-Натухаевской долины в долину р. Гостагайки. О вторичном использовании центральной постройки на Верхнегостагаевском городище в эпоху зрелого средневековья говорят результаты спорово-пыльцевого анализа и археозоологические исследования. Об этом свидетельствуют и исторические события – боевые действия, которые произошли на горном кряже Муземель в феврале 1851 г.

Ключевые слова: полуостров Абрау, фортификация, антропогенный ландшафт, городище, кладка, античность, эпоха Великого переселения народов, хазарское время, средневековье, археозоология, спорово-пыльцевой анализ

Западные отроги Главного Кавказского хребта не только образовали полуостров Абрау, но и существенно усложнили доступ на него с континента. Наиболее значительный по протяженности и высоте горный массив – Маркотхский хребет – является естественной границей Абрауского региона почти на всем протяжении. В северных пределах региона из верховий р. Куматырь в верховья р. Гостагайки по направлению с запада на восток ступенеобразно поднимается ныне безымянная горная гряда. События, которые разыгрались здесь в середине XIX в., свидетельствуют о стратегическом значении этого маршрута. 1–3 февраля 1851 г. русский вице-адмирал Л. М. Серебряков предпринял на Черноморской линии поход против горцев от форта Раевского через р. Псебепс и Большой и Малый Докосы вдоль кряжа Муземель к Гостаевскому укреплению и Анапе (*Хотко,* 2015. С. 124). Как отмечается, вследствие сложного ландшафта, гололедицы и ожесточенного сопротивления горцев переход через Муземель занял почти четыре часа.

На протяжении последнего десятилетия Новороссийская археологическая экспедиция ведет исследования по двенадцатикилометровому маршруту из долины реки Куматыря в долину Гостагайки. В комплексе с археологическими

[1] Работа выполнена в рамках плановой темы ИА РАН (НИОКТР №122011200264-9).

(разведки и раскопки) в ходе этих работ широко применялись неразрушающие исследовательские методы, в частности, направленная на получение фотограмметрических моделей аэрогеодезическая разведка и магнитосъемка выявленных объектов.

Практически половина этого маршрута связана с бассейном р. Куматырь, которая впадает в Анапские плавни[2] и образована двумя притоками. Судя по карте Кавказского края, составленной и литографированной при генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 г., они назывались Большой и Малый Докосы (*Хотко,* 2015. Карта 49) (рис. 1: *I*). Между ними простирается удобное для хозяйствования плато, называемое ныне «поляна Даниленкова», причем в центральной его части расположено несколько родников. Берег левого притока реки образует ступенчато подымающийся[3] в восточном направлении к г. Макитра и чрезвычайно удобный для передвижений благодаря уплощенной поверхности горный отрог: его ширина – в пределах 100 м, он слегка возвышается над Даниленковой поляной. Пожалуй, наибольшие трудности были связаны со спуском в долину р. Гостагайки.

В первой половине XIX в. долина р. Куматырь была плотно заселена: здесь располагалось не менее десяти черкесских аулов (*Хотко,* 2015. С. 128). К началу исследовательских работ (2015 г.) долина была известна лишь благодаря находкам монетных кладов (*Абрамзон, Фролова, Горлов,* 2002. С. 145–152; *Абрамзон, Фролова,* 2007–2008. С. 155–162; *Суханов,* 2007. С. 26–67).

Поселение Куматырь

Памятник расположен на склоне горного массива, на своеобразном «Т-образном перекрестке»: поворот на запад – на черноморское побережье, на восток – через перевал Музмель в долину р. Гостагайки (рис. 1: *II, 1*; 2: *I, II*). Микрорельеф местности, особенности которого могли быть сглажены в результате распашки и естественных процессов склоновой деформации, а также скопления строительного камня позволяют предположить наличие здесь остатков каменных фортификационных (?) сооружений.

Ареал находок на участке размером 180×705 м ориентирован по оси северо-запад-юго-восток, причем наибольшее скопление подъемного материала концентрируется в юго-восточной части, на небольшой (двухметровой высоты и диаметром до 50 м) мысообразной возвышенности. На северо-западной оконечности площади находится лощина, в которой расположен водоток. Не исключено, что в древности ручьев было больше. Хронология поселения устанавливается благодаря подъемному керамическому материалу.

---

[2] Третья по протяженности (около 15,5 км) река в северной части полуострова Абрау берет свое начало на хребте Безымянный (Куматырская гряда), отрогах горы Макитра.

[3] Перепад высот – 110 м: с 190 до 300 м.

Рис. 1. I – фрагмент карты Кавказского края, составленной и литографированной при генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 г. Тифлис (по *Хотко*, 2015. Карта 49); II – археологические памятники на перевальном маршруте на космосъемке Google Earth (дата съемки 01.01.2021): *1* – пос. Куматырь; *2* – м-к в долине р. Куматырь; *3* – комплекс археологических памятников на Даниленковой поляне, *4* – Верхнегостагаевское г-ще

На объекте обнаружены фрагменты античной керамики (профильные части тарной и столовой посуды) в широком хронологическом диапазоне, включая архаическое время, эллинизм и раннеримское время. Отдельные находки связаны со Средневековьем и рубежом Нового и Новейшего времени (рис. 2: *III*). В коллекции подъемного материала – 134 фр-та керамических изделий, причем преобладает круговая керамика (лепной всего 15 фр-тов, т. е. 12%). Четвертую часть

Рис. 2. Пос. Куматырь. I – вид с востока. II – вид с юго-востока. III – подъемный материал: *1* – венчик (лекана?); *2* – венчик (миски?); *3* – поддон лутерия; *4* – поддон тарелки; *5* – ручка амфоры (Колхида); *6* – ручка с клеймом (Синопа); *7–9* – венчики мисок; *8* – горло кувшина; *11–12* – поддоны; *13* – основание лепного горшка; *14* – двуствольная ручка позднегераклейской амфоры; *15* – ручка амфоры; *16–17* – фрагменты кирпичей; *18* – поддон сосуда; *19–20* – марсельская черепица

коллекции составляет толстостенная, в основном тарная (фрагменты пифосов и амфор) посуда. Среди профильных частей – ручка колхидской, а также венчик и ручка синопских амфор. На ручке амфоры (Синопа) сохранилось астиномное клеймо (рис. 2: *III, 6*):

эмблема – корабельный руль, легенда

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ/
ΝΑΥΠΩΝΟΣ ΤΟΥ/
ΚΑΛΛΙΣΘ[Ε]ΝΟΥ/ ΠΡΩΤΟΣ

Дата – 260–220 гг. до н. э.[4]

Отметим находку фрагмента кольцевого основания массивного открытого сосуда (лутерия (?)). Столовая посуда представлена в основном фрагментами красноглиняной тонкостенной керамики эпохи эллинизма: отогнутый наружу венчик открытого сосуда с упором с внутренней стороны (кастрюля), кольцевой поддон тарелки (?).

Керамика римского времени представлена многочисленными обломками горгиппийской строительной керамики (?), венчиками мисок с либо горизонтально отогнутым наружу, либо утолщенным и отогнутым наружу, либо заостренным и ориентированным вертикально краем, венчиком кувшина с усеченно-коническим горлом, а также ручками амфор, двуствольными в сечении и профилированными сверху продольными желобками.

Материалы «турецкого» периода, когда здесь располагался родовой аул Сефер-бея Зано, не выявлены. Последующий период русской колонизации Анапско-Натухаевской долины представлен фрагментами кровельной, т. н. марсельской черепицы конца XIX – начала XX в.

Площадь, на которой зафиксирована область наибольшего сосредоточения строительного камня, была исследована магниторазведкой. Она выявила контур хорошо сохранившейся квадратной в плане башни размерами примерно 7×7 м и еще нескольких подобных сооружений. Результаты магниторазведки были наложены на топосъемку, сделанную с помощью дифференциального GPS (рис. 3).

Могильник Куматырь

Вверх по течению р. Куматырь, в 3 км к востоку-северо-востоку от пос. Куматырь, на правом берегу водохранилища (рис. 1: *II, 2*), на участке 34×80 м обнаружены каменные сооружения в виде каменных ящиков. Сооружения расположены на естественных отрожках скального массива. В настоящее время погребения затоплены или периодически перекрываются водами р. Куматырь.

Несколько выступающих из почвы на 0,1–0,2 м каменных ящиков имеют прямоугольную форму и размеры 0,5×1,5–2,5 м. Они сложены из отесанных плит ракушечника. На некоторых из них сохранились следы пропила (рис. 5: *1*). Плиты перекрытия отсутствуют. Судя по всему, погребения были ограблены.

Гробницы обнесены прямоугольными каменными оградами из обломков разноформатных массивных плит, которые, возможно, происходят из разрушенного дольменного комплекса (рис. 4: *а*; 5: *3, 4*). О вторичном использовании, в частности, свидетельствует арочное оформление одной из плит.

В 2015 г. в долине левого притока р. Маскаги – р. Бедрички – НАЭ ИА РАН исследованы захоронения в каменных ящиках, расположенных внутри прямо-

[4] Определение А. В. Ковальчук.

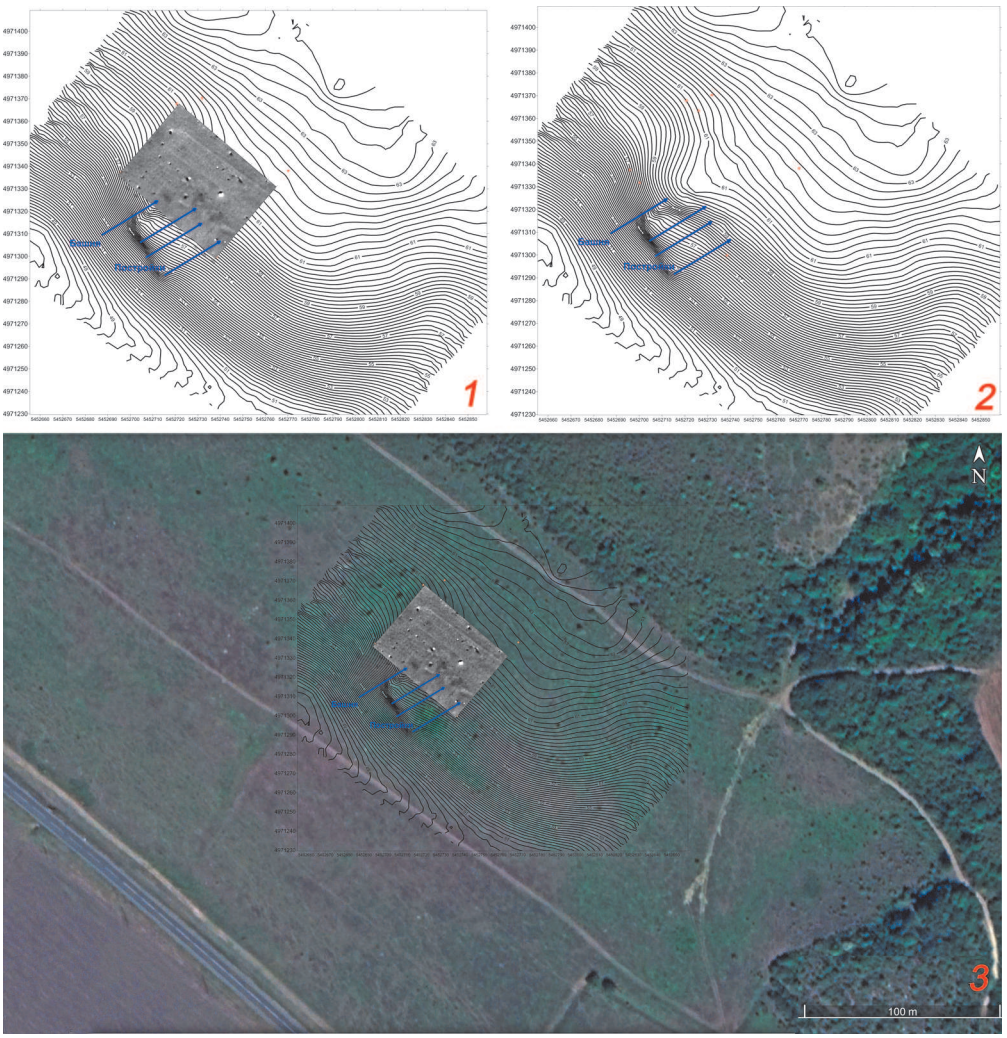


Рис. 3. Пос. Куматырь: *1* – магнитная карта на фоне топосъемки; *2* – расположение выявленных объектов на топосъемке; *3* – магнитная карта на фоне топосъемки и космического снимка

угольных каменных оградок. Горизонт погребальных сооружений располагался на глубине около 0,7 м от современной поверхности. Отмечена тщательность обработки плит и конструктивное совершенство погребальных сооружений, сложенных явно профессиональными мастерами (*Дружинина и др.,* 2017. С. 332–333).

По мнению А. А. Дружининой, наряду с могильниками у ст. Гостагаевская и на поселении Жукова, погребения, исследованные в долине р. Бедрички, входят в круг памятников золотоордынского времени, объединенных общими

Рис. 4. М-к в долине р. Куматырь: *1* – вид с юго-запада; *2* – вид с северо-запада

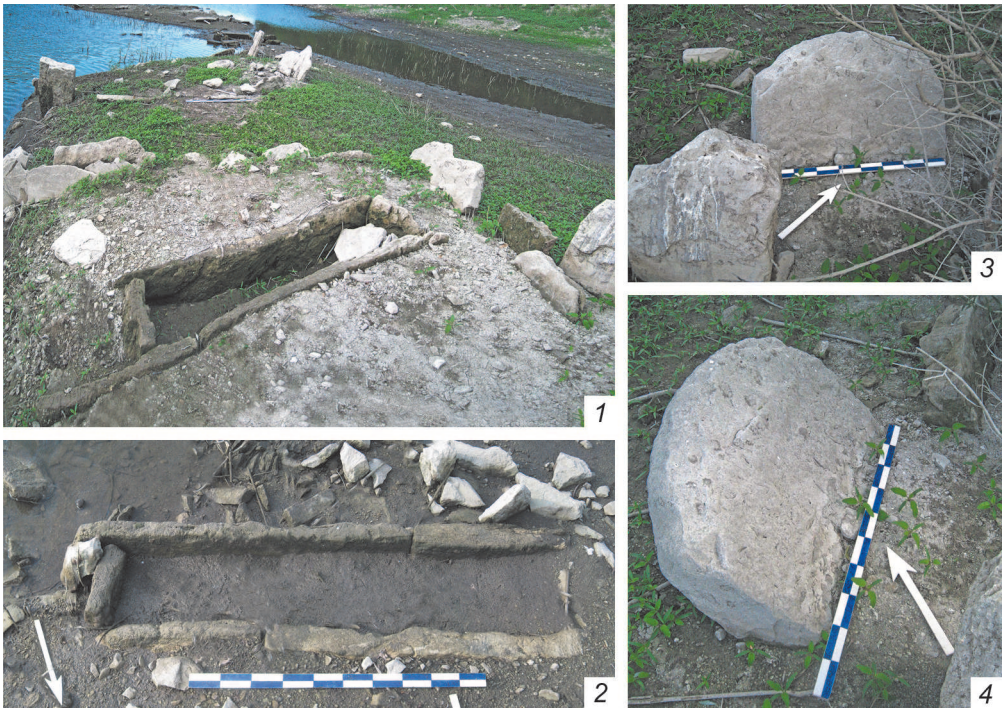


Рис. 5. М-к в долине р. Куматырь: *1–2* – каменные гробницы (ящики);
3–4 – оградки каменных ящиков, вероятно, из обломков дольменных плит

чертами, отличающими их как от многочисленных синхронных курганных могильников Северо-Западного Кавказа, так и от грунтовых могильников, выявленных в районе Краснодарского водохранилища и могильников степной зоны Западного Закубанья, расположенных в Крымском и Северском районах Краснодарского края. В ряду отличительных черт могильников у ст. Гостагаевская, на поселении Жукова и в долине р. Бедрички можно назвать следующие: грунтовые ингумационные погребения, совершенные в каменных гробницах; выраженная рядность в расположении погребений; гробницы каменных плит; разновременные погребения в одном каменном ящике; наличие в погребальном инвентаре заметного числа предметов, характерных для памятников кочевников; минимальное количество предметов вооружения, отражающее ярко выраженный «мирный характер» населения, оставившего эти могильники, и, напротив, наличие в вещевом наборе большого количества ремесленных инструментов, а также ремесленного брака, что может указывать на ремесленную специализацию хозяйственной деятельности этого населения (*Дружинина,* 2016. С. 215–217).

Поляна Даниленкова

Особый интерес вызывает мысообразная «ступень» отрога, расположенная на высоте около 240 м над уровнем моря (рис. 1: *II, 3*), с двух сторон которой возвышаются курганообразные насыпи овальной в плане, немного вытянутой с востока на запад формы[5].

В 2015 г. исследовательские работы (магниторазведка) были связаны с расположенной вплотную к южному обрывистому краю отрога насыпью (№ 1) (рис. 6: *1*). Она представляет собой курганообразную возвышенность овальной в плане формы, немного вытянутой с востока на запад (длина: по оси север-юг – 24 м, по оси запад-восток – 28 м; высотой около 2,8 м) (рис. 6: *1 (1)*).

Магнитная съемка, проведенная на этом поселении А. В. Чудиным (СПбГУ), показала наличие прямоугольного строения размерами примерно 12×13 м, разделенного внутренней перегородкой на две части. Стены помещений выстроены из сырцового кирпича, который, вероятно, подвергся нагреву – возможно, в результате пожара (рис. 7: *1*).

В связи с этим в западной поле возвышенности был разбит разведочный шурф размером 2×2 м. Раскопки шурфа планировалось начать через две недели – после постановки поблизости стационарного лагеря. Однако в период отсутствия археологов на возвышенности были произведены несанкционированные земляные работы, в результате которых на поверхности насыпи образовалась яма неправильной формы, вытянутой по оси запад-восток, размером

[5] Насыпи башнеобразных построек были выявлены А. В. Дмитриевым в 1987 г., 2010 г. А. П. Кононенко были подготовлены учетные карты на ОКН.

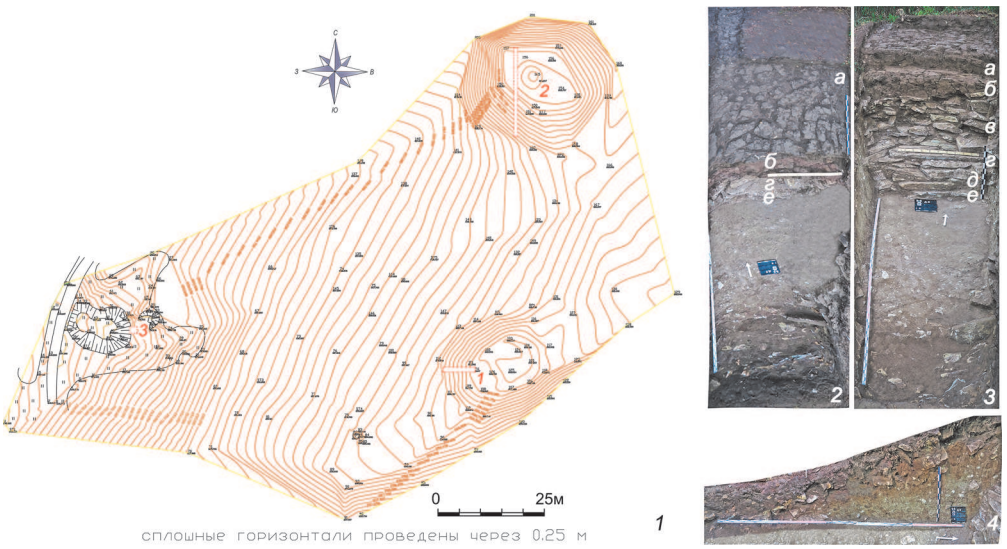


Рис. 6. Комплекс археологических памятников на Даниленковой поляне:
1 – план (насыпь 1 (*1*); насыпь 2 (*2*); захоронение в каменном ящике (*3*));
2–4 – разведочный раскоп на насыпи 2 (вид сверху (*2*); вид с юга (*3*); профиль западного борта (*4*); *а, б* – горизонты завалов сырцового кирпича; *в* – слой каменного завала; *г* – каменная кладка стены, *д* – каменная кладка фундаментного уровня; *е* – субструкция под кладкой стены)

1,5×4 м, глубиной до 2 м. Грабительская яма была превращена в раскоп размером 2×12 м, в его бортах прослежена стратиграфия объекта. На глубину до 1,5 м насыпь состоит из однородного серо-коричневого суглинка (продукт разрушения сырцовых стен), его прорезают куски мелкого и среднего плитняка. В нижнем горизонте количество плитняка возрастает, кроме того, присутствуют блоки правильной формы, однако следов регулярной кладки не выявлено. Между светло-серым однородным (материковым?) суглинком и слоем сырцов прослежен горизонт светло-бежевой щебенки – возможно, горизонт возведения постройки (рис. 7: *2–4*). В отвале грабительской ямы обнаружен фрагмент черепицы (солен) из оранжевой глины.

В 2016–2017 гг. были проведены исследования насыпи № 2, расположенной в 40 м от предыдущей, на северной оконечности отрога (рис. 6: *1 (2)*). Возвышенность более значительна по размерам (4,5 м), немного вытянута по оси запад-восток (46 м), тогда как диаметр по линии север-юг составляет около 40 м. В центральной части зафиксирован провал округлой в плане формы, размером 13×12,9 м, глубиной до 1,8 м.

С южной стороны насыпи была заложена траншея двухметровой ширины, в ней выявлены руины типичного для античных строительных традиций Северного Причерноморья сырцово-каменного сооружения (*Крыжицкий*, 1984.

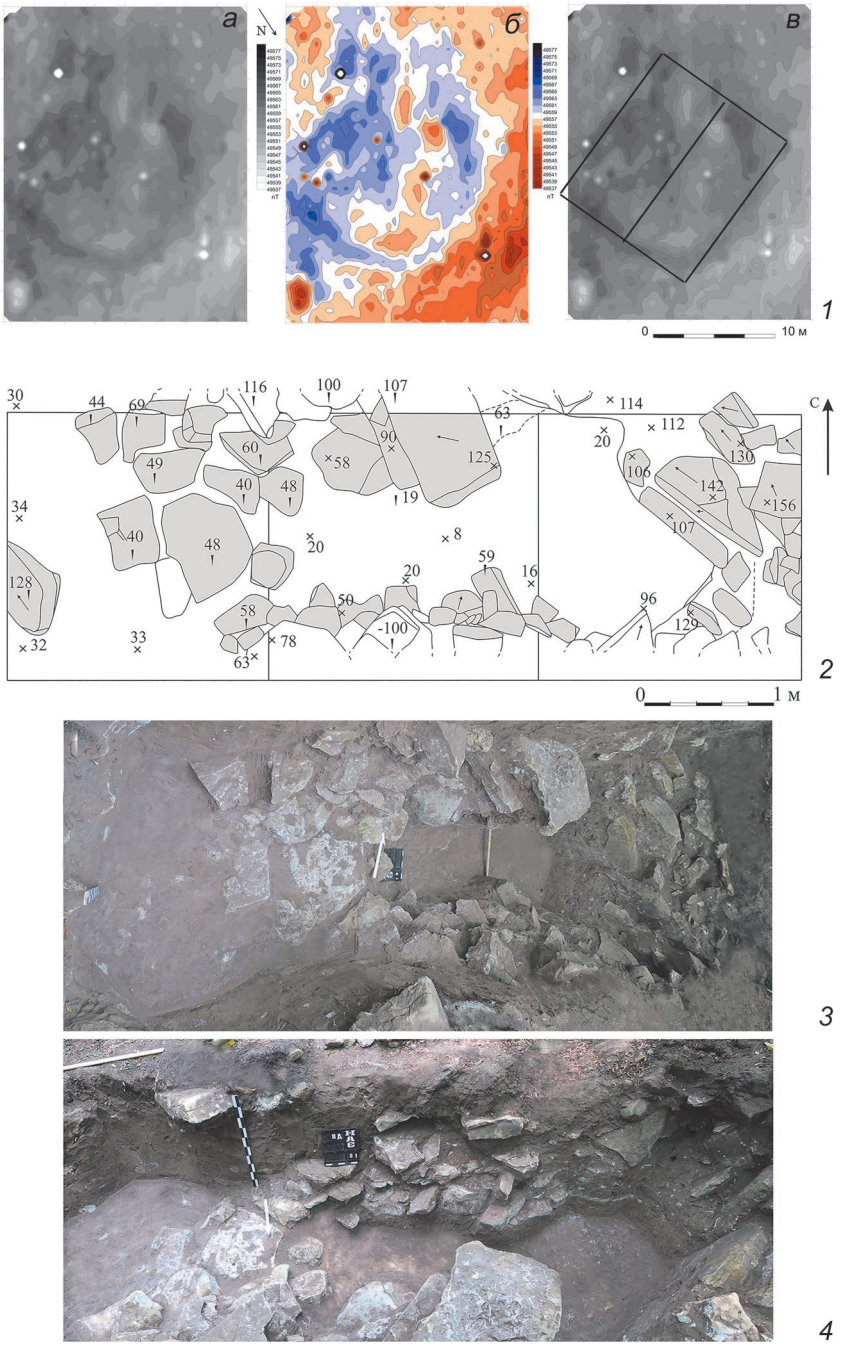


Рис. 7. Комплекс археологических памятников на Даниленковой поляне. Насыпь 1: *1* – результат магниторазведки; *2–4* – разведочный шурф на месте грабительской ямы (вид сверху (*2, 3*); вид с севера (*4*))

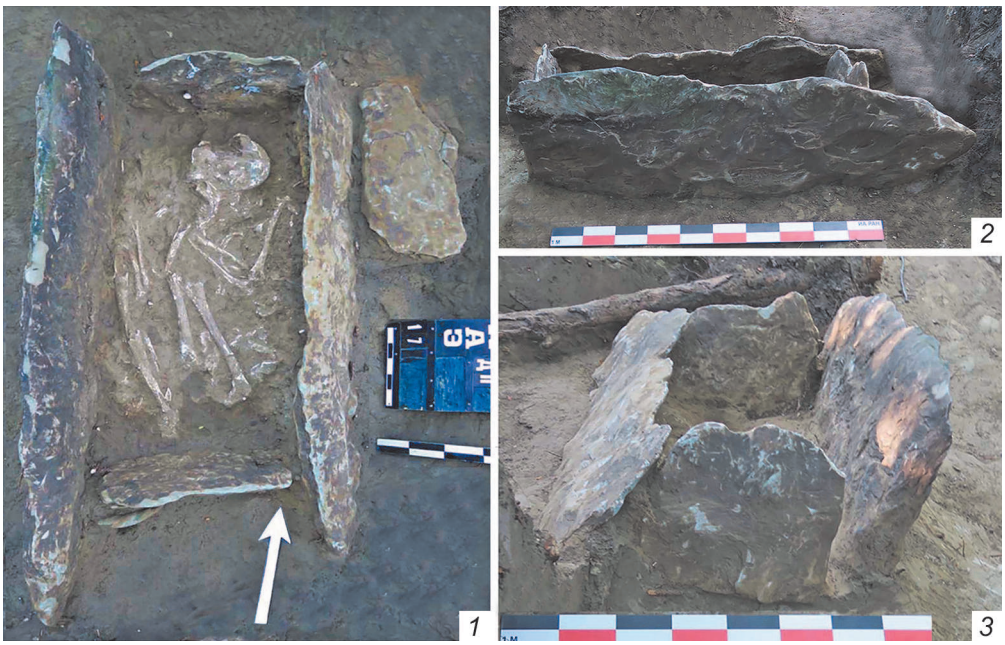


Рис. 8. Комплекс археологических памятников на Даниленковой поляне. Захоронение в каменном ящике: *1* – вид сверху; *2* – вид с запада; *3* – вид с севера

С. 202). Причем выявленная картина, по-видимому, является последствиями грандиозных сейсмических событий: верхние горизонты – остатки осевших, пропитанных гумусом, ступенеобразно сложившихся внутрь здания сырцовых стен (мощный, до полутора метров зеленовато-серый суглинок) (рис. 6: *2–4*), которые перекрыли сползший внутрь периметра сооружения завал строительного камня (рис. 6: *2–4*). Расчищенная на метровую глубину каменная кладка – регулярная, сложена из плитняка разной длины при толщине 0,1–0,2 м. Отчетливо выделяется фундаментный пояс и выступающая наружу субструкция из рваного камня.

Таким образом, скрывающиеся под насыпями руины принадлежали башнеобразным сырцово-каменным постройкам, которые, как своеобразные ворота, с двух сторон контролировали передвижение вдоль горного отрога в Анапско-Натухаевскую долину, являясь составной частью сигнально-сторожевой системы, существовавшей на полуострове Абрау в раннеримское время (*Онайко, Дмитриев,* 1982. С. 113). Расстояние между объектами (около 30 м) соответствует обычной прицельной дальности стрелы (40–60 м) (*Медведев,* 1966. С. 32).

В настоящее время первоначальные очертания горного массива в значительной мере искажены многочисленными котлованами карьеров для добычи строительных материалов (глина, песок и камень) (рис. 6: *1*). Не исключено, что некоторые из них эксплуатировались издавна – начиная с дольменного

периода бронзового века. По словам А. В. Дмитриева, карьер разрушил аборигенный могильник, но его местоположение было неизвестно. Совершенно случайно в 2017 г. возле площадки экспедиционного лагеря, на краю котлована карьера, обнаружены стенки угла каменного ящика.

Гробница размерами около 1,4×0,6×0,5 м была вытянута по оси север-юг. В отличие от каменных ящиков, обнаруженных в долине р. Куматырь, она сооружена из довольно тонких необработанных плит известняка, впущенных в материковый скальный грунт. Продольные восточная и западная стенки ящика под воздействием склоновой деформации имеют уклон около 30º в западном направлении. Внутри гробницы выявлен костяк[6], лежащий головой на север, череп на правом боку. Погребенный лежал в скорченной, но довольно «свободной» позе (возможно, изначально на спине, а потом голова завалилась на правый бок): кости ног максимально согнуты в коленях, причем левая – возле туловища, а правая упирается в стенку гробницы. Руки также согнуты в локтях, однако, если левая согнута почти под прямым углом, то правая, возможно, прижата туловищем. Инвентарь, за исключением небольшого количества мелких обломков оранжевоглиняной керамики, в заполнении ящика отсутствовал. Довольно несовершенная конструкция погребального сооружения и поза погребенного позволяют датировать его эпохой бронзы. Захоронения в скорченной позе в каменных ящиках известны в основном на побережье полуострова Абрау (в устье рек Мысхако и Дюрсо: *Дмитриев и др.,* 2020. Рис. 14, 15; *Малышев,* 2020. Рис. 126), но в материковых районах они единичны (верховья р. Озерейки: Там же. Рис. 129).

Верхнегостагаевское городище

Исследования самого значительного объекта на перевальном маршруте – Верхнегостагаевском городище – начаты в 2013 г. Крепость расположена на северном склоне водораздельного хребта между Котламой и Гостагайкой (рис. 1: *II, 4*).

Сооружения крепости занимают практически всю площадь (2,7 га) мыса неправильной (близкой к четырехугольной) формы, с юго-востока, запада и северо-запада ограниченного глубокими оврагами, связанными с бассейном р. Гостагайки. Северо-западный и северный склоны опоясаны десятиметровой ширины террасой, по которой проходит участок (около 200 м) перевального маршрута. Можно предположить, что вышеуказанная терраса – искусственного происхождения, однако данные о времени ее сооружения отсутствуют. Наиболее ранний материал – монета раннеримского времени – обнаружена в северном углу городища.

---

[6] По мнению д. и. н. М. Б. Медниковой, судя по состоянию краниальных швов, зубной системы и размерам трубчатых костей, останки принадлежат подростку в возрасте около 15 лет, возможно, женского пола.

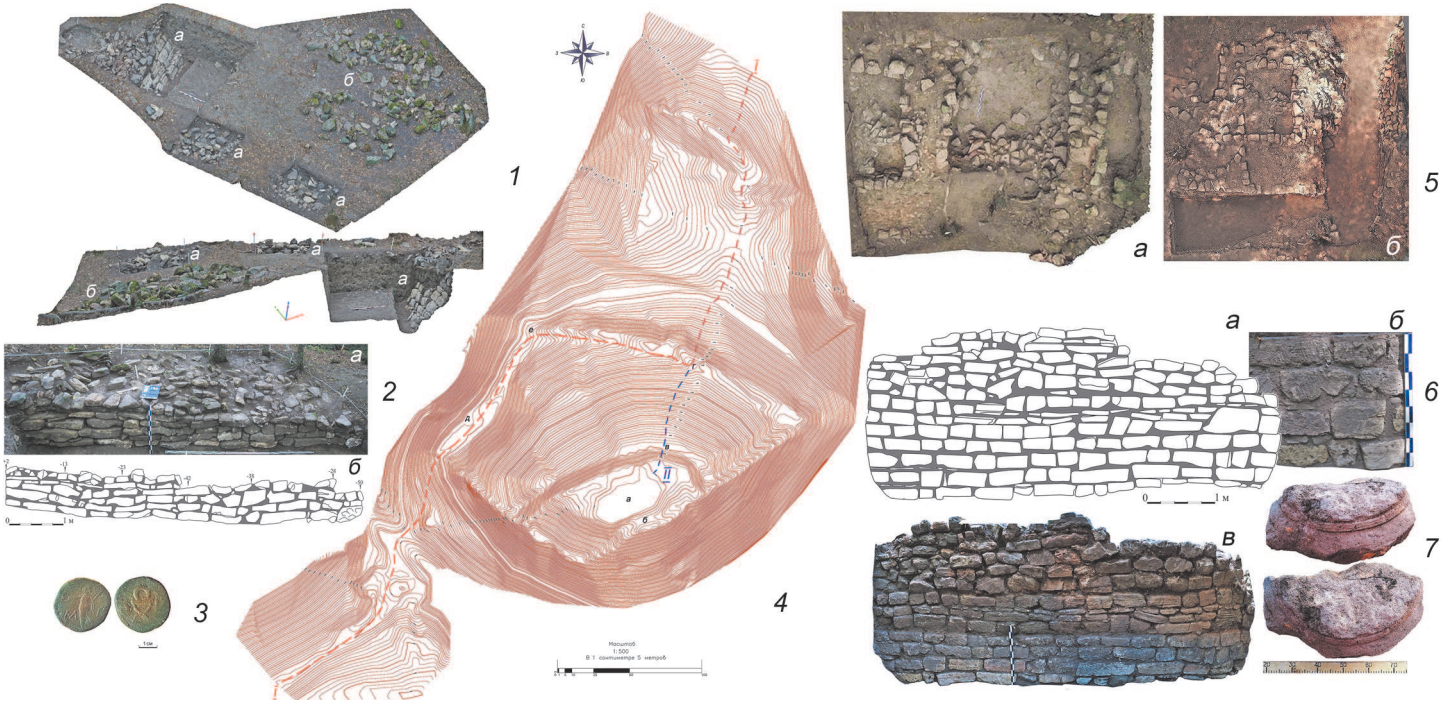


Рис. 9. Верхнегостагаевское г-ще: *1* – фотограмметрия сооружений в северо-западном углу городища (внешняя оборонительная стена (*а*), округлое в плане скопление камня (*б*)); *2* – участок оборонительной стены внешнего оборонительного контура (*4д*); *3* – сестерций Савромата I (кон. I – нач. II в.), обнаруженный у подножия оборонительной стены (*1а*, *4е*); *4* – план (*I* – перевальная тропа; *II* – дорога на цитадель; *а* – расчистка проездного проема (раскопки 2015 г.); *б* – исследования западной части проездного сооружения (раскопки 2016 г.); *в* – проездное сооружение; *г* – проездное сооружение; *д* – участок внешней оборонительной стены; *е* – сооружения в северо-западном углу г-ща); *5* – проездное сооружение (*4г*); *6а–в* – внутренний фас западной части проездного сооружения; *7* – база колонны позднеримского времени из кладки стены

Фортификационные сооружения городища полностью блокируют не только террасу, но и подступы к ней. Крепость имела два пояса оборонительных сооружений: общую каменную стену, расположенную по периметру всего городища, и внутреннюю, отгораживающую цитадель от основной части крепости.

Внешний контур обороны крепости имеет протяженность около 675 м и умело вписан в микрорельеф местности: естественные изломы склонов и возвышенности учтены и использованы при сооружении стен, сохранившихся на высоту от 0,6 до 2,6 м. Наиболее значительные крепостные сооружения были обращены на долину р. Гостагайки. В отличие от прорезанного глубоким оврагом юго-западного участка перевального маршрута, северный подход к крепости представлял собой своеобразный пандус (пологий скат), который вел к главным проездным воротам крепости. Сохранились каменные кладки монументального проездного сооружения, поверх которых прослежено заполнение в виде обожженной светло-бежевой или розоватой глины – остатки рассыпавшихся сырцовых кирпичей. Таким образом, сооружение возведено в боспорских традициях сырцово-каменной архитектуры.

Расчистка внутреннего фаса кладки, примыкающей к проему ворот стены, показала ее неоднородный характер: ряды уложены постелисто, с соблюдением рядности, вперевязку на глинистом растворе. Здесь наглядно видны особенности строения внешней стены городища: нижний, фундаментный, ряд состоит из камней разной высоты, что нивелировало неровности древней дневной поверхности. Последующие четыре ряда – из стандартных блоков ракушечника правильной формы, размером 0,15–0,2×0,2×0,5 м, со следами обработки и признаками вторичного использования. На верхних уровнях возрастает доля камня местных пород – прежде всего, песчаника; качество кладки заметно снижается. Для предотвращения сползания стены по склону, по-видимому, позже по обе стороны проема ворот к ней были пристроены встык симметричные контрфорсы. Проездное сооружение имело обширное (около 6,5×3 м) внутреннее пространство и массивные дубовые ворота, над которыми возвышалась надвратная конструкция из дерева и сырца. На проезжей части прослежена кладка каменного порога шириной около 0,7 м.

Ведущий к северным воротам «пандус» на территории городища сужается и в виде гребня хребта поднимается к воротам расположенной в юго-восточной части возвышенности (на краю мыса) цитадели.

На площади цитадели, которая представляет собой естественное плато овальной формы, ориентированное по оси северо-восток – юго-запад (размеры – 26×47 м), была проведена магниторазведка силами исследовательской группы под руководством Т. Н. Смекаловой (2013, 2015 гг.). Она показала, что с севера цитадель была защищена стеной из камня и сильно обгоревших сырцовых конструкций (*Малышев, Смекалова, Чудин*, 2014. С. 267–272). О более позднем (хазарское время[7]) возведении внутренней стены по сравнению

[7] Эти строительные приемы распространяются на Северном Кавказе аланами и хазарами – носителями салтово-маяцкой культуры (*Каминский, Цокур*, 2002. С. 169–170).

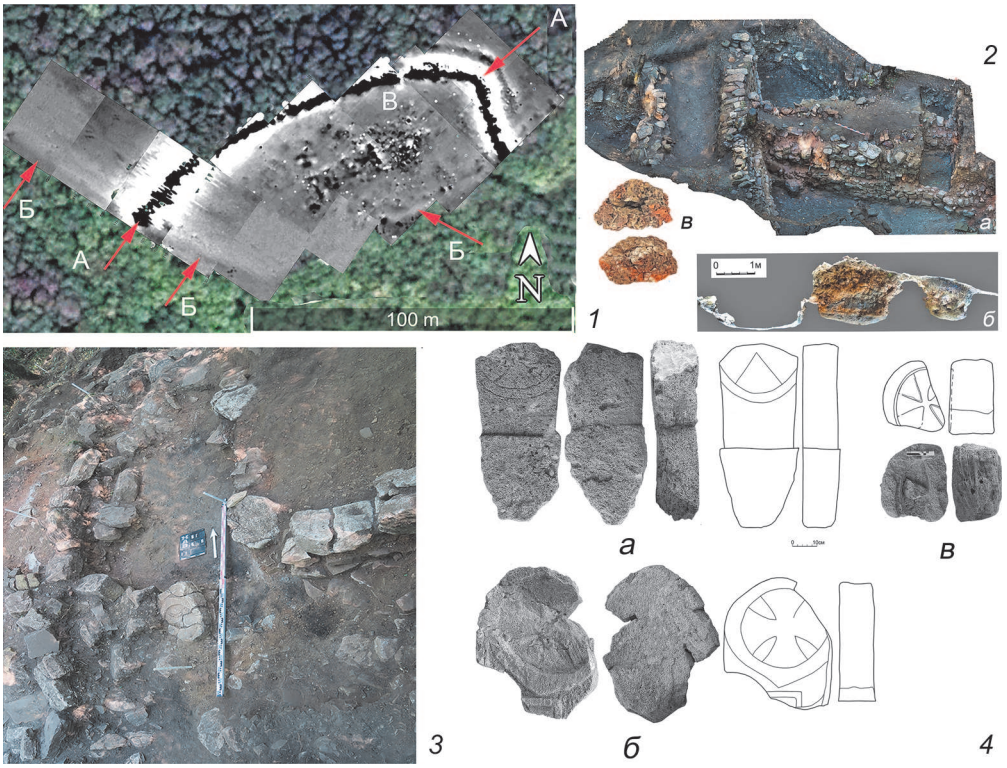


Рис. 10. Цитадель Верхнегостагаевского г-ща: *1* – результаты магниторазведки на цитадели (Внутренняя (сырцовая) стена (*А*); внешняя каменная стена (*Б*); контур монументального здания (*В*); *2* – стык внешней и внутренней стен (*а*); разрез внутренней стены (*б*); спекшиеся в сильном пожаре куски сырца (*в*); *3* – обломки надгробий с равноплечими (греческими) крестами в руинах проездного сооружения на цитадель; *4а–в* – фр-ты надгробий

с внешней свидетельствуют не только конструктивные особенности, но и постройка их встык. Раскопками были изучены проездные ворота цитадели, находящиеся в северной части стены и укрепленные контрфорсами из обложенного камнем сырца. В облицовке внутренних стен проездного сооружения были использованы известняковые христианские надгробия с изображением равноконечного креста в круге, близкие надгробиям некрополя Уташ.

Кроме того, магнитной съемкой на территории цитадели было выявлено, а затем по всему периметру исследовано раскопками прямоугольное сооружение, ориентированное по оси плато. Имевшее размеры 8×21 м здание было возведено на материковом светло-сером суглинке. Нижняя, цокольная, часть стен сложена из камня местных пород и ракушечника – вероятно, привезенного из низовий р. Гостагайки; верхняя сложена из сырца (рис. 10: *1*). Наблюдается вторичное использование блоков ракушечника: в нижних рядах кладки, в том числе и в кладке порогов дверных проемов, зафиксированы секции стволов

колонн диаметром около 0,4 м. Наилучшую сохранность и высокое качество кладки из квадров отесанного ракушечника имеют стены в северо-восточной части здания, обращенной в долину р. Гостагайки. В этой же части крыша была перекрыта разномастной черепицей – около половины обломков керамид изготовлены из глиняного теста красно-коричневого цвета, что свойственно продукции античной Горгиппии римского времени (*Кругликова*, 1966. С. 148; *Алексеева,* 1997. С. 178. Табл. 121: *3–5*; 166: *20–22*); вторая половина – из зеленовато-бежевой глины, схожей с синопской.

Масштаб строительных работ при возведении оборонительных объектов городища, его расположение и планировка свидетельствуют о значении данного укрепления и как элитарного убежища, и как своего рода контрольно-пропускного пункта, позволяющего контролировать важные в военном и торговом отношении пути. Несмотря на размеры проездных сооружений, особенно внешних северных ворот, и предположительную численность гарнизона крепости, внутри нее не выявлено каких-либо синхронных укреплениям построек, кроме здания цитадели. Обширная территория между цитаделью и внешним поясом обороны имеет значительный уклон, что существенно затрудняло хозяйственное ее освоение, как и отсутствие источников воды либо системы ее сбора и хранения. При сооружении городища широко использовались строительные материалы, доставленные, судя по всему, по долине р. Гостагайки.

Датировка возведения внешнего оборонительного контура и монументального сооружения на цитадели фортификационных объектов возможна благодаря полученным при археологических раскопках материалам, характерным для периода конца IV – V в.: узкогорлые светлоглиняные амфоры типа E и F (*Сазанов,* 2012б. С. 125–133), а также ручки и стенки форм LRA (late roman amphora) 1 A (*Sazanov*, 2007. P. 803–804), LRA 2 (Там же. P. 804), LRA 3 (Там же. P. 804–806, Fig. 4, 8, 9, 20, 32, 33), краснолаковая керамика, представленная как импортными формами LRC (late roman ceramic) 3C (*Hayes,* 2008. Fig. 39, 1269, 1270, 1272, 1273], LRC 3B (Там же. Fig. 38, 1262), PRSW (pontic red slip ware) 1 (*Сазанов,* 2012б. Рис. 1: *6*. С. 135–138), так и местными подражаниями – PRSW 7 (имитация Hayes LRC 2) (Он же, 2012а. Рис. VII: *3, 1*. С. 213), фрагменты стеклянных сосудов (*Isings,* 1957. Form 109; *Сорокина,* 1971. С. 90. Тип II; *Сазанов,* 2012б. С. 140–142), а также нумизматический материал, в т. ч. бронзовый боспорский статер Радамсада (318/319 г. н. э. (309/310–322/323)) (рис. 11).

Сырцовая с каменными облицовками стена цитадели сооружается впоследствии, в хазарское время. По-видимому, с этим периодом связаны следы надстройки стен внешнего оборонительного контура с использованием местного плитняка.

Об интенсивной жизнедеятельности в эпоху развитого средневековья свидетельствует серия полученных на объектах цитадели радиоуглеродных дат (табл. 1). Радиоуглеродное датирование проведено в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии

Рис. 11. Материалы к хронологии Верхнегостагаевского г-ща (эпоха Великого переселения народов)

РАН (№ IGAN) и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США) (№ $IGAN_{AMS}$). Даты откалиброваны в программе OxCal 4.4, кривая IntCal20 (*Reimer et. al.,* 2020).

В пространстве между монументальным сооружением и внешней оборонительной стеной обнаружено скопление строительного камня округлой в плане формы[8]. При расчистке объекта, датированного фрагментом византийского блюда втор. пол. XII в. (*Papanikola-Bakirtzi D.*, 1999. № 145–147, 152, 157,

[8] Подобный объект обнаружен и в северо-восточном углу городища, на перевальном маршруте.

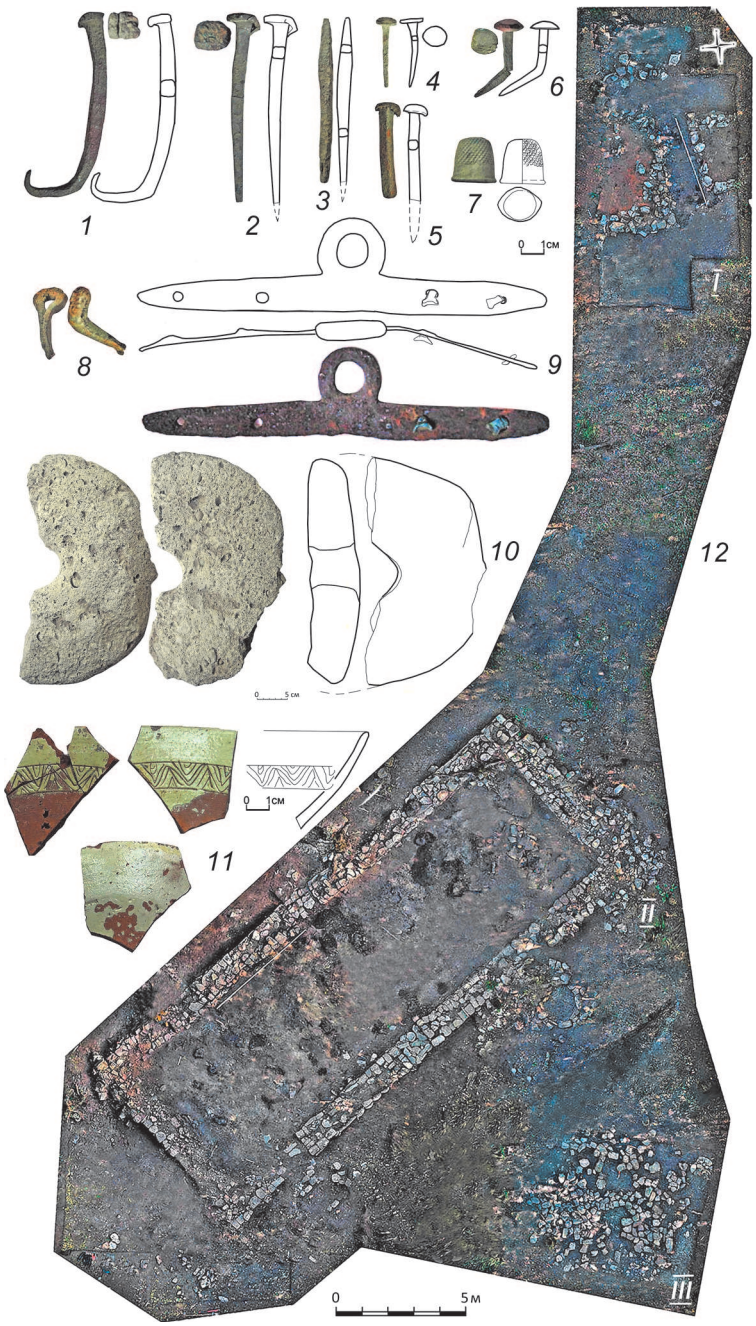


Рис. 12. Верхнегостагаевское г-ще: *1–11* — материалы к хронологии эпохи средневековья; *12* – исследованные объекты на цитадели (ортофотоплан) (проездное сооружение (*I*); цитадель (*II*), скопление строительного камня округлой в плане формы (*III*))

Таблица 1

Результаты радиоуглеродного датирования объектов цитадели Верхнегостагаевского городища

№	Лаб. №	Образец	Материал	^{14}C уг, BP (1σ)/pMC	cal AD, 68.3 (1 sigma)
1	IGAN 5092	Цитадель, здание, кв. Б5-2	уголь	430±60	1420 - 1510 0.578 1595 - 1620 0.104 Median Probability: 1470
2	IGAN 5093	Цитадель, здание, кв. Б6-3	уголь	590±60	1305 - 1365 0.489 1380 - 1410 0.193 Median Probability: 1350
3	IGAN 7549	Цитадель, проездное сооружение, в. Б4	уголь	390±70	1440 - 1520 0.424 1570 - 1630 0.258 Median Probability: 1520
4	IGAN 7550	Цитадель, проезд. сооруж., кв. В′12	уголь	470±60	1399 - 1480 0.683 Median Probability: 1440
5	7610	Цитадель, проезд. сооруж., кв. В1	уголь	630±80	1295 - 1400 0.683 Median Probability: 1340
6	IGAN$_{AMS}$ 7277	Цитадель, здание, постройка, 34 см	уголь	885±20	1160 - 1210 0.683 Median Probability: 1160
7	IGAN$_{AMS}$ 7278	Цитадель, здание, 3-4 см	уголь	895±20	1050 - 1070 0.16 1160 - 1180 0.302 1190 - 1210 0.22 Median Probability: 1120

159–161)[9], обнаружено большое количество железных гвоздей, что подтверждает широкое использование дерева в этот период.

Не исключено, что в XIX в. британский офицер Дж. С. Белл, помогавший местному населению организовать борьбу против русских войск, рассматривал, вероятно, именно эту крепость как один из опорных пунктов обороны (*Белл*, 2007. С. 248–249).

Изучение культурного слоя внутри монументального здания цитадели показало значительное содержание фосфора. Для более детального исследования внутри постройки (кв. Б4, В4) после снятия дерна в месте накопления наиболее мощного культурного слоя (в связи с понижением уровня пола) отобрана колонка образцов для археопалинологического анализа. Верхние 28 см представляют собой серо-коричневый мелкокомковатый суглинистый слой с большим количеством углей в верхней части. Ниже по профилю (28–36 см) накопленные отложения светлеют, а на глубине 36–50 см сменяются темно-коричневым суглинистым слоем с включениями камей. Из профиля отобрано два образца на радиоуглеродное датирование (3–4 см и 34 см) (табл. 1: *6, 7*). Пробоподготовка проводилась согласно стандартной методике (*Пыльцевой анализ*, 1950. С. 33–35).

[9] Определение к. и. н. В. Ю. Коваля.

В спорово-пыльцевых спектрах изученных образцов основную долю составляет пыльца травянистых растений, среди которых преобладают злаки (*Poaceae*). Разнотравье разнообразно: лилейные (*Liliaceae*), полынь (*Artemisia*), маревые (*Chenopodiaceae*), яснотковые (*Lamiaceae*), колокольчиковые (*Campanulaceae*), гвоздичные (*Caryophyllaceae*), норичниковые (*Scrophulariaceae*), гречишные (*Polygonaceae*), подорожниковые (*Plantaginaceae*) и астровые (*Asteraceae*). Последние составляют основную часть разнотравья. Древесные представлены пыльцой сосны (*Pinus*), дуба (*Quercus*), граба (*Carpinus betulus*), бука (*Fagus orientalis*), клена (*Acer*), грабинника/березы (*Carpinus orientalis/Betula*), ольхи (*Alnus*) и лещины (*Corylus*). Среди перечисленных таксонов наиболее выражено присутствие сосны. Важно отметить присутствие в образцах комков пыльцы и большого количества аскоспор, среди которых присутствуют и споры копрофильных грибов.

Все радиоуглеродные данные из цитадели указывают на использование городища в XIV–XVI вв. В этот же интервал укладываются и даты, полученные из сгоревших балок постройки, – XIV–XV вв. (табл. 1: *1, 2*). Вероятнее всего, последнее является временем разрушения монументального сооружения. Две радиоуглеродные даты из культурного слоя более ранние – XII в. – близкие, что свидетельствует об очень быстром накоплении материала.

Высокое содержание фосфора, быстрая скорость накопления, высокая доля пыльцы энтомофильных (насекомоопыляемых) таксонов, наличие комков пыльцы и спор копрофильных грибов указывают на присутствие в слое экскрементов травоядных животных (*Бабенко и др.,* 2007; *Carrion,* 2002; *Florenzano,* 2019; *Lee et al.,* 2022). В связи с этим реконструкция растительности по таким спектрам некорректна, так как большая доля пыльцы травянистых растений поступает с навозом, а доля пыльцы древесных таксонов значительно уменьшается. Кроме того, более поздние даты разрушения постройки могут свидетельствовать о наличии крыши в период использования здания в качестве загона, что также препятствовало попаданию пыльцы древесных пород в слой. Таким образом, можно лишь предполагать о наличии в окрестностях цитадели открытых пространств с преобладанием разнотравно-злаковой растительности. Состав древесных пород соответствует таковым в современное время (*Колесников*, 1966).

Кроме колонки для археопалинологического анализа из заполнения монументального сооружения собран остеологический материал. Археозоологическая коллекция изучалась по методической схеме, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (*Антипина*, 2016). Общий объем ее невелик – 1266 костных фр-тов. Неопределимой оказалась почти половина коллекции – 621 фр-т от крупных (23%) и средних (26%) копытных. Раздробленность довольно высокая, но эти значения расположены в пределах обычного «кухонного» дробления – разделки туш животных на мясо.

В исследуемой коллекции есть несколько выборок, полученных в разных частях памятника. Первая выборка: костные остатки, собранные за пределами монументального сооружения на первом штыке (всего 19 фр-тов). Основное заполнение

Таблица 2

Следы искусственного воздействия на костных остатках из археозоологической коллекции Верхнегостагаевского городища

	Всего в комплексе	погрызы	огонь	порубы	Кухонная раздр.	Всего со следами	% со следами	ИР
Шт 2 заполнение внутри периметра здания	1126	108	21	459	281	869	77,2	43,12
%		12,4	2,4	52,8	32,3	100,0		
Внешние проездные ворота	108	14	3	34	30	81	75,0	46,96
%		17,3	3,7	42,0	37,0	100,0		

внутри стен монументального сооружения, преимущественно на втором штыке, соответствующее функционированию в эпоху средневековья (XII в.) – 1126 фр-тов. В скоплении камней вне здания собрано всего 13 остатков, из них 9 принадлежат черепахе и 4 – домашним копытным. Коллекция из 108 фр-тов отобрана за пределами сооружения при раскопках внешних проездных ворот.

Оценка следов искусственного воздействия на костных остатках проведена по двум наиболее представительным выборкам, основную массу в которых составляют следы «кухонного» воздействия: порубы и дробление (табл. 2). Довольно высокая доля остатков со следами погрызов собак. Кроме того, присутствуют кости со следами воздействия огня и высокой температуры (табл. 2). Фрагменты обгорели лишь частично и вряд ли являются следами глобального пожара, в котором погибло монументальное сооружение в более позднее время.

Таксономический набор обычен для памятников всех эпох в данной местности (*Антипина*, 2005; 2009). Остатков птиц и рыб немного. Обнаружены остатки черепахи (два фр-та в заполнении сооружения и девять за его пределами). Из млекопитающих есть остатки диких животных – по одной кости от оленя (*Cervus elaphus*) и зайца (*Lepus europaeus*) и три кости грызуна-комменсала. Последние не имеют отношения к деятельности человека. Из животных-помощников человека зафиксирована одна кость собаки (*Canis familaris*). Нет сомнений, учитывая количество погрызов, что эти животные «доедали» мясную пищу за человеком.

Основное заполнение двух выборок составляют «кухонные» остатки домашних «мясных» копытных. По мясному потреблению решительно «лидирует» говядина – 74,3%, доли остальных мясных продуктов небольшие: конина – 12,1%, свинина – 7,2%, баранина/козлятина – 6,4% (табл. 3).

[10] ИР – индекс раздробленности.

Таблица 3

Костные остатки домашних «мясных» копытных по выборкам, остеологические спектры и мясное потребление

	КРС (*Bos taurus*)	Лошадь (*Equus caballus*)	МРС (*Ovis aries, Capra hircus*)	Свинья (*Sus scrofa forma domestica*)
Вне здания, шт. 1	8	3	1	
Заполнение внутри периметра здания, шт. 2	257	46	122	137
Скопление камней вне здания, шт. 2	3	1		
Внешние проездные ворота	27	2	7	9
ВСЕГО	295	52	130	146
Остеологические спектры	45,7	8,2	21,7	24,4
Мясное потребление	говядина	конина	баранина/ козлятина	свинина
%	74,3	12,1	6,4	7,2

Для поселений в этой зоне для всех эпох, начиная с эпохи бронзы, такая мясная диета обычна (*Антипина*, 2005; 2009). Вероятнее всего, городище и сохранившиеся на нем остатки монументального сооружения использовались для выпаса и содержания преимущественно крупного рогатого скота.

О функционировании изучаемого сооружения и целях его строительства невозможно ничего сказать из полученных в ходе исследований археобиологических материалов. Можно лишь свидетельствовать об использовании постройки в XII в. в качестве загона для скота.

Выявленные археологические памятники свидетельствуют о том, что указанный маршрут был востребован издавна. По-видимому, не случайно экспедицией на трех археологических памятниках, расположенных на перевальном маршруте из Анапско-Натухаевской в долину р. Гостагайки, были выявлены фортификационные сооружения античного, хазарского времени, а также эпохи Великого переселения народов. Это обстоятельство, наряду с историческими событиями (боевые действия, которые произошли на горном кряже Муземель в феврале 1851 г.), подчеркивает стратегическое значение этого пути на протяжении веков.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., 2007–2008. Корпус боспорских кладов. Т. I. Симферополь; Керчь. (Боспорские исследования; suppl. 2). 870 с.

Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В., 2002. Куматырский клад бронзовых монет IV–I вв. до н. э. // РА. № 3. С. 145–152.

Алексеева Е. М., 1997. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС. 559 с.

Антипина Е. Е., 2005. Кости животных на античных памятниках полуострова Абрау: реконструкция мясной диеты // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора: научно-популярный сб., посвящ. пятидесятилетию начала исслед. Н. А. Онайко на Раевском городище / Сост. А. А. Малышев. М.; Новороссийск. С. 65–70.

Антипина Е. Е., 2009. Остеологические коллекции из археологических памятников Азиатского Боспора: возможности исследования животноводческой отрасли // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных древностей полуострова Абрау / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: ИА РАН. С. 169–180.

Антипина Е. Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых) / Отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: Институт археологии РАН. С. 96–118.

Бабенко А. Н., Киселева Н. К., Плахт И., Розен С., Савинецкий А. Б., Хасанов Б. Ф., 2007. Реконструкция растительного покрова центральной части пустыни Негев (Израиль) в голоцене по данным пыльцевого анализа зоогенного отложения Ацмаут // Экология. № 6. С. 417–426.

Белл Дж. Ст., 2007. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа. 322 с.

Дмитриев А. В., Малышев А. А., Медникова М. Б., Онайко Н. А., Столярова Ек. К., 2020. Описание погребальных комплексов. Каталог // Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС-ПРЕСС. С. 10–122. (Некрополи Черноморья; т. V.)

Дружинина И. А., 2016. Нижнее Закубанье в XIII–XIV вв.: на границе культур и природных зон // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды: материалы Седьмой междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. Казань; Ялта; Кишинев. С. 215–218.

Дружинина И. А., Лысанов В. Л., Малышев А. А., Медникова М. Б., 2017. Грунтовые погребения в каменных ящиках в долине р. Бедричка: Новые материалы о населении Северо-Западного Кавказа в эпоху Золотой Орды // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст.: в 3 т. Т. II / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. С. 278–283.

Каминский В. В., Цокур И. В., 2001. О фортификации у алан Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. С. 168–197.

Колесников А. И., 1966. Лесоводственно-дендрологическое исследование Черноморского побережья Кавказа // Труды Абхазской научно-исследовательской лесной опытной станции (АБЛОС). Вып. 2. М.: Лесная промышленность. С. 21–186.

Кругликова И. Т., 1966. Боспор в позднеантичное время (очерк экономической истории). М.: Наука. 233 с.

Крыжицкий С. Д., 1984. Жилые дома // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошеленко и др. М.: Наука. С. 204–207. (Археология СССР).

Малышев А. А., 2020. Погребальный обряд и планиграфия некрополя в Мысхако // Мысхакский некрополь. Раскопки 1978–1979 гг. / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС-ПРЕСС. С. 123–142. (Некрополи Черноморья; т. V).

Малышев А. А., Смекалова Т. Н., Чудин А. В., 2014. Особенности строительной техники фортификационных сооружений Азиатского Боспора по данным геомагнитной

съемки // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь. С. 267–272.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел). М.: Наука. 128 с. (САИ; вып. Е1-36).

Онайко Н. А., Дмитриев А. В., 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э. // ВДИ. № 2. С. 106–122.

Пыльцевой анализ / Отв. ред. И. М. Покровская. М.: Гос. изд-во геолог. лит., 1950. 571 с.

Сазанов А. В., 2012а. Четырехапсидный храм Херсонес и «Жития свв. епископов Херсонских»: хронология и интерпретация // Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Саргсян Т. Э, Сорочан С. Б., Шапошников А. К. Жития епископов херсонских в контексте истории Херсонеса Таврического. Харьков: Антиква. С. 203–312. (Нартекс. Byzantina Ukrainensis; т. 1).

Сазанов А. В., 2012б. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM: сб. ст., посвящ. истории, религии и культуре Древнего мира. М.: Изд-во Гос. публич. ист. б-ки России. С. 120–181.

Сорокина Н. П., 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. № 4. С. 85–102.

Суханов В. И., 2007. Куматырский клад 2005 года // XIV ВНК: тез. докл. и сообщ. СПб. С. 26–67.

Хотко С. Х., 2015. Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп: Полиграф-Юг. 292 с.

Яцюк Д. А., Иванов А. В., 2020. Материалы из раскопок кургана в Анапском районе // ДК. Вып. 24. Краснодар. С. 261–279.

Carrion J. S., 2002. A taphonomic study of modern pollen assemblages from dung and surface sediments in arid environments of Spain // Review of Palaeobotany and Palynology. Vol. 120. P. 217–232.

Florenzano A., 2019. The History of Pastoral Activities in S. Italy Inferred from Palynology: A Long-Term Perspective to Support Biodiversity Awareness // Sustainability. Vol. 11. P. 404–424.

Hayes J. W., 2008. Roman pottery: fine-ware imports. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 341 p. (The Athenian Agora; vol. 32).

Isings C., 1957. Roman Glass from Dated Finds. Groningen; Djakarta: J. B. Wolters. 185 p.

Papanikola-Bakirtzi D., 1999. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens: Archaeological receipts fund direction of publications. 270 p.

Reimer P., Austin W. E. N., Bard E., Bayliss A., Blackwell P. G., Bronk Ramsey C., Butzin M., Edwards R. L., Friedrich M., Grootes P. M., Guilderson T. P., Hajdas I., Heaton T. J., Hogg A., Kromer B., Manning S. W., Muscheler R., Palmer J. G., Pearson C., van der Plicht J., Reim Richards D. A., Scott E. M., Southon J. R., Turney C. S. M., Wacker L., Adolphi F., Büntgen U., Fahrni S., Fogtmann-Schulz A., Friedrich R., Köhler P., Kudsk S., Miyake F., Olsen J., Sakamoto M., Sookdeo A., Talamo S., 2020. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kB) // Radiocarbon. Vol. 62, № 4. P. 725–757.

Sazanov A. V., 2007. Les amphores orientales d'epoque protobyzantine au nord de la mer Noire: chronologic et typologie // Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean. Archaeology and archaeometry. Oxford. P. 803–815. (BAR; 1662 (II).

A. A. Malyshev, A. N. Babenko, A. S. Klemeshov,
T. N. Smekalova, L. V. Yavorskaia

ARCHAEOLOGICAL DATA ON THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF THE NORTHERN PART OF THE ABRAU PENINSULA

Abstract. The article presents materials from a decade of research conducted by the Novorossiysk Archaeological Expedition at the northern border of the Abrau Peninsula, associated with a spur of Mount Makitra (325 m) and the headwaters of the Kumatyr River. The identified and studied objects include both settlements and funerary archaeological sites. Three residential settlements revealed substantial fortification structures from the ancient period and the Great Migration Period, highlighting the strategic importance of the pass connecting the Anapa-Natukhay Valley to the Gostagayka River Valley.

The secondary use of the central structure at the Verkhnegostagaevskoe fortified settlement during the High Middle Ages is evidenced by spore-pollen analysis and archaeozoological studies. These findings align with historical events, such as the military engagements that occurred on the Muzemmel Ridge in February 1851.

Keywords: Abrau Peninsula, fortification, anthropogenic landscape, fortified settlement, masonry, antiquity, Great Migration era, Khazar period, Middle Ages, archaeozoology, spore-pollen analysis

М. Ю. Трейстер

О НЕКОТОРЫХ РИМСКИХ БРОНЗОВЫХ ТАЗАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ

https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7.189-212

Резюме. Статья посвящена некоторым типам римских бронзовых тазов I в. н. э., найденных в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, которые до сих пор оставались вне нашего внимания в публикациях римских импортов из этого региона. Подробно рассматриваются тазы типов Eggers 69, 91–92 и 97, происходящие из сарматских погребений Нижнего Подонья (Садовый курган, могильник у хут. Кудинов), междуречья Дона и Волги (могильники Октябрьский-I и Вербовский-II, Антонов-I), Заволжья (Белокаменка), а также из памятников раннего железного века на территории Восточной Европы (Андреевский курган в Мордовии, городище Слобода в Тульской области). Представлен подробный анализ форм сосудов и их отдельных элементов (ручек, атташей), а также декора, украшающего медальоны тазов. Анализ и атрибуция указанных сосудов и их элементов выполнены при сравнении с аналогичными находками с территории Римской империи и Европейского барбарикума. Публикуемые бронзовые сосуды расширяют наше представление о римских импортах в Восточной Европе.

Ключевые слова: Азиатская Сарматия, Восточная Европа, Нижнее Подонье, междуречье Волги и Дона, Заволжье, римские импорты, бронзовые тазы

Введение

В свод римских импортов, найденных на территории Восточной Европы, В. В. Кропоткиным были включены в том числе римские бронзовые тазы, найденные в Северном Причерноморье и в погребениях кочевников Сарматии до конца 1960-х гг. (*Кропоткин*, 1970. С. 24–25. № 46–51). В дальнейшем находки тазов публиковались в работах Б. А. Раева 1970–1980-х гг. (*Raev*, 1986. P. 18–23).

Обнаруженные в последние десятилетия сосуды, а также тот факт, что некоторые сделанные ранее атрибуции уже не соответствуют современному состоянии науки, заставили меня обратиться к теме римских бронзовых сосудов, найденных на территории Восточной Европы. Подавляющую часть находок удалось обследовать *de visu*, уточнить их размеры, сделать новые описания, фотографии и рисунки. Это стало возможным в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1) (партнер проекта с российской стороны – Б. А. Раев).

Я уже подробно рассматривал основные типы импортных бронзовых тазов, встречающихся в погребениях кочевников Азиатской Сарматии, среди которых были экземпляры, датирующиеся как в рамках конца II – первой половины I в. до н. э. (тазы позднереспубликанских типов (*Трейстер*, 2019. С. 379–415.

Рис. 1–7; 2020б. С. 66–70. Рис. 3: *2*; 15), типов Eggers 94 (Он же, 2020а. С. 167–168. Рис. 3: *3*; 2020б. С. 70. Рис. 16) и 96 (Он же, 2020в. С. 571–574. Рис. 4–5)), так и наиболее часто встречающиеся тазы типов Eggers 99–106 (Он же, 2020г. С. 5–48 с лит.).

Вместе с тем вне поля зрения оказались тазы некоторых других типов (Eggers 69, 91–92, 97) из Азиатской Сарматии, которым и посвящена данная работа.

1. Eggers 69/Tassinari M1220

Тазы типа Eggers 69 – низкие, высотой, как правило, 3–5 см, плоскодонные, у которых обычно под венчиком с внешней стороны проходят канавки. Край может быть загнут внутрь. Оформление венчика с внешней стороны декоративными фризами на тазах этого типа неизвестно (*Eggers*, 1951. S. 166–167. Beil. 27. Taf. 8: *69*; *Kunow*, 1983. S. 20, 60)[1].

Единственная находка таза, который приписывается этому типу в Сарматии, происходит из Садового кургана (*Raev*, 1986. P. 22–23. Pl. 17; *Клейн*, 2016. С. 102. № 3; С. 104. Рис. 65–66), при этом таз из Садового кургана является самым крупным из них – при высоте 10 см его диаметр по краю составляет около 48 см (рис. 1).

К приведенным Б. А. Раевым аналогиям таких тазов, которые датируются началом I в. н. э. и происходят из Норвегии, с о. Готланд (*Lindeberg*, 1973. S. 10–11. Abb. 3) и из Богемии (*Karasová*, 1998. S. 22–23. Karte IX. Taf. 3: *69*), следует добавить находки подобных тазов в Виндониссе (*Holliger, Holliger*, 1985. S. 5. Nr. 64, Taf. 8) и Магдаленсберге (*Sedlmayer*, 1999. S. 58). Подобный таз без поддона, также с атташем подвижной ручки в форме виноградного листа (*Pautreau*, 1999. P. 42. No. 7; *Gorecki*, 2016. S. 192. Abb. 6; S. 193) происходит из погребения, открытого в 1989 г. близ Антрана в Пуату, которое датируется позднеавгустовским временем, но содержит бронзовые сосуды более раннего времени (*Pautreau,* 1999; *Pernet*, 2010. P. 157–158, 233. No. C2. Pl. 147; *Gorecki*, 2016. S. 192–193). Предполагается, что такие тазы могли вешаться на стену за кольцо (*Sedlmayer*, 1999. S. 58. Abb. 7). Таз близкой формы (тазу из Садового) и с медальоном, изображающим Эрота, играющего на кифаре, с атташем в форме листа, с кольцом под венчиком происходит из Помпей (*Tassinari*, 1993a. P. 78; 1993b. P. 166, M1220. No. 10789).

---

[1] Ниймеген (*den Boesterd*, 1956. P. 33. Nos. 89–90. Pl. IV) (24 и 28 см). Страки, Богемия (*Motyková-Šneidrová*, 1963. S. 59. Abb. 20: *8*) (дм. 25,5 см). Виндонисса (*Holliger, Holliger*, 1985. S. 5. Nr. 64. Taf. 8) (дм. по краю – около 38 см, по рисунку с масштабом). Мартебомир, Готланд (*Lindeberg*, 1973. S. 10–11. Abb. 3) (дм. по краю – около 38 см, по рисунку с масштабом). Квале (Ibid. S. 10) (дм. 27,5 см). Без канавок: Мартебомир и Ниймеген (*den Boesterd*, 1956. P. 33. No. 89).

Рис. 1. Новочеркасск. Садовый курган. Бронзовый таз. Общие виды. Ростов, Областной музей краеведения, инв. № 2568. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

Особенностью таза из Садового кургана является декор его дна на внутренней стороне – гравированный и чеканный орнамент в виде розетты из шести остроконечных лепестков, чередующихся с побегами со стилизованной гроздью винограда в центре, окруженной пятью концентрическими фризами: чередующимися поясами растительного орнамента и узкими тройными фризами с декором в виде стилизованного венка или плетенки. Внутренний фриз растительного орнамента представляет собой чередующиеся семилепестковые пальметты и цветки лотоса. Средний фриз – представляет собой венок с попарно расположенными листьями плюща, ориентированными концами по часовой стрелке. Внешний фриз – венок с расположенными попарно овальными листьями с двумя перевязями друг напротив друга. На горизонтальной части венчика – орнамент в виде переплетенной ленты (рис. 2).

Хотя отдельные элементы декора таза находят параллели на бронзовых сосудах из Помпей (см. ниже), и композиция декора, и отдельные его элементы свидетельствуют об их прототипах позднеэллинистического времени. Об этом, в частности, говорит центральная розетта, элементы которой – ланцетовидные листья, чередующиеся с побегами винограда, – находят прототипы на серебряных чашах второй половины II в. до н. э. селевкидской или парфянской работы, в том числе найденных в Нихавенде в Иране и в Сисиане в Армении[2].

Оформление узких промежуточных фризов характерным декором в виде стилизованных гирлянд, находящих параллели на серебряных фиалах из Садового кургана и приведенных нами в качестве параллелей им произведений торевтики из Хильдесхайма (см. *Трейстер*, 2007. С. 32–36), подтверждает датировку рассматриваемого таза августовским временем. Внешний венок с перевязями сопоставим с венком, украшающим таз на львиных лапах из Помпей (*Tassinari*, 1993b. P. 203. S1210. No. 13356; *Banghard, Gorecki*, 2004. S. 132). Подобный же венок с попарно расположенными овальными листьями украшает и бронзовый черпак из Помпей (*Tassinari*, 1993b. P. 157. K2222. No. 12903), и внутренний медальон таза из кургана № 13 у хут. Кудинов (рис. 3: *1–2*) (*Raev*, 1974. P. 141. Fig. 3; 1986. P. 18–21. Pls. 13–14; Steppengold… 2003. S. 107. Nr. 70). Хотя выполненный в аналогичной технике декор с подобной композицией с розеттой в центре в редких случаях встречается на бронзовых сосудах – в частности, патерах из погребений № 4/1948 в Праге-Бубенеч (*Novotný*, 1955. S. 237. Fig. 5. S. 238; *Drobejar*, 2014. S. 406. Abb. 8; S. 418. Abb. 15: *1*; 29), в Зливе (*Motyková-Šneidrová*, 1963, S. 69–70; *Sakař*, 1970. P. 53. Pl. 5: *4*; *Drobejar*, 2006. S. 658. Abb. 40: *2*; 2014. S. 418. Abb. 15: *2*) и № 6635 в Толлгейт в Англии (*Allen et al.*, 2012. P. 365. Fig. 4.27; *Lundock*, 2014. P. 148. Fig. 4.32; 2015. P. 58), – оформление внутренней части таза из Садового кургана значительно более сложное и представляет собой редкий для рассматриваемого времени пример оформления бронзового сосуда – при том, что исполнение декора довольно грубое и схематичное.

[2] См. об этих чашах в целом с лит.: *Трейстер*, 2016. С. 216–217.

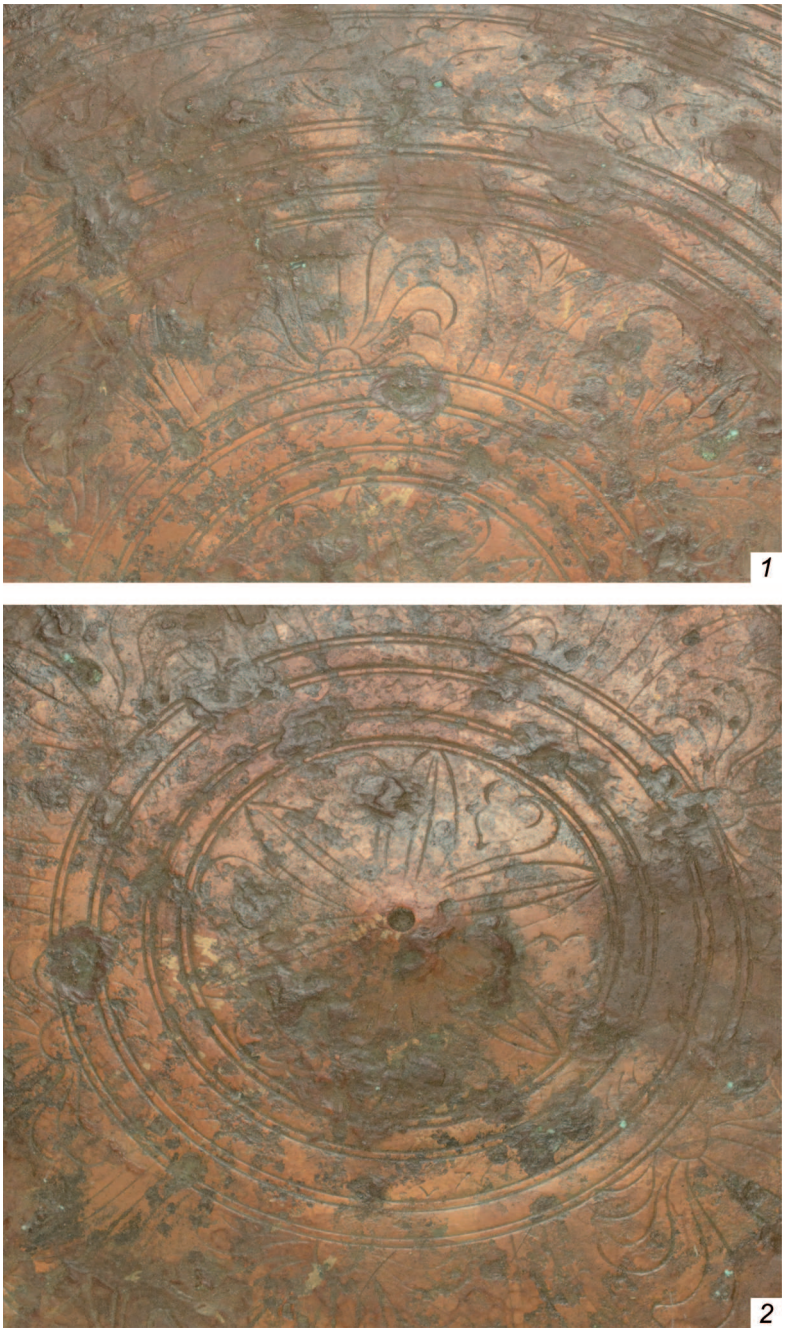


Рис. 2. Новочеркасск. Садовый курган. Бронзовый таз. Детали. Ростов, Областной музей краеведения, инв. № 2568. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

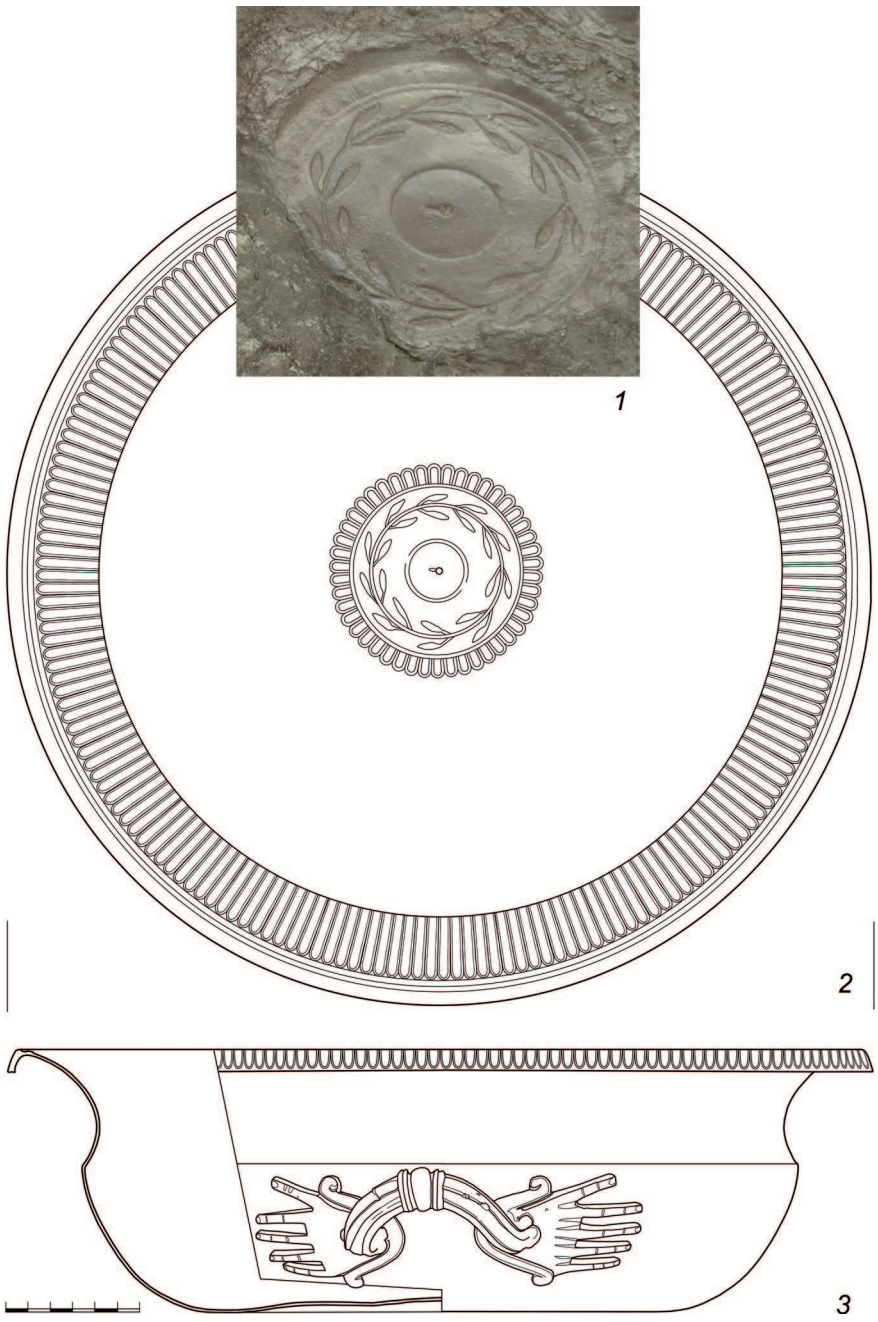


Рис. 3. Кудинов. Курган № 13/1961. Погребение № 1. Бронзовый таз. Общие виды и деталь. Ростов, Областной музей краеведения, инв. № 2170/3. Рисунки Н. Е. Беспалой, фото М. Ю. Трейстера, 2015

2. Тазы Eggers 91–92

Фрагментированные атташи в виде ажурных пальметт (Opus-interrasile-Palmetten) происходят из погребений междуречья Дона и Волги: погребения № 1 кургана № 4/1998 могильника Вербовский-II (вместе с фрагментами бронзового таза с отогнутым краем, оформленным жемчужником и ионийским киматием) (рис. 4; 5: *1–2*) (*Мамонтов*, 2008. С. 171. Рис. 5: *3*; 6: *15*; *Raev*, 2019. P. 393, 394. Fig. 3: *1*), и кургана № 1/1993 могильника Октябрьский-I (рис. 5: *3*) (*Мордвинцева, Мыськов*, 1999. С. 179, 181. Рис. 2: *1*; С. 187–188; *Raev*, 2019. P. 393, 394. Fig. 3; *2*).

Высказывалось мнение, что находка из могильника Октябрьский-I, изготовленная из серебра, возможно, являлась частью таза раннеимператорского времени (*Мордвинцева, Мыськов*, 1999. С. 187–188). Действительно, тазы типа Eggers 92 (*Eggers*, 1951. S. 168. Beilage 35. Taf. 9: *92*; *Werner*, 1954. S. 57–64, 70–71. Liste H) с такими ажурными атташами для подвижных ручек были найдены в погребениях, датирующихся последними десятилетиями I в. до н. э. в Галлии[3] и Свободной Германии (*Kunow*, 1983. S. 21, 60, 72)[4]. Известны и отдельные находки таких атташей, датирующиеся концом I в. до н. э. – началом I в. н. э. (*Werner*, 1954. 60, 62. Abb. 7: *8*; S. 70–71. Liste H; *Kunow*, 1983. S. 21. Anm. 136; *Flügel*, 1993. S. 73. Nr. 56. Taf. 28; *Sedlmayer*, 1999. S. 58. Anm. 376 с литературой)[5]. Обращает на себя внимание находка такого фрагментированного атташа в римском лагере августовского временем Хальтерне в Вестфалии (*terminus ante quem* – 9 г. н. э.) (*Müller*, 1997. S. 8. Abb. 3; S. 35. Nr. 8; *Sueur*, 2018. P. 109, 110. Fig. 74, второй ряд, слева), находка в слое оппидума в Тительберге (Люксембург), которое не может датироваться позднее первых десятилетий I в. н. э. (*Metzler et al.*, 2016. P. 236. Fig. 243; *Sueur*, 2018. P. 109, 110. Fig. 74, нижний ряд, справа), а также находка атташа в Безансоне в слое, датирующемся 20–65 гг. н. э. (*Feugère*, 1992. P. 143. № 394, 161 (ill)).

У некоторых из таких тазов над ажурной пальметтой крепился прямоугольный атташ с горизонтальными валиками в форме ступеньки (*getreppter Attasche*), верхняя часть которого была отогнута под углом и загнута, образуя паз для

---

[3] Флер-ла-Ривьер: *Ferdière, Villard*, 1993. P. 53–56. No. 52. Figs. 1–52–1–54; *Pernet*, 2010. P. 154–159, 237. No. C12. Pl. 166; *Gorecki*, 2016. S. 193. Берри-Буи, Фонтильe: *Ferdière, Villard*, 1993. P. 133–134. No. 22. Figs. 2–41–2–42; *Pernet*, 2010. P. 154–159, 233. No. C3. Pl. 149: *7*; *Gorecki*, 2016. S. 193. Оппидум в Тительберге: *Sueur*, 2018. P. 109, 110. Fig. 74: *нижний ряд, справа*.

[4] О находках в Польше: *Wielowiejski*, 1985. S. 197–198. В Богемии: *Karasová*, 1998. S. 24–26. Karte X, Taf. 3: *92*, в частности, из Праги-Бубенеч, погребение № 3: *Novotný*, 1955, S. 232–235, Abb. 2–3; *Drobejar*, 2014. S. 403. Abb. 5; S. 405. Nr. 1; S. 414. Таз из княжеского погребения в Лалендорфе: *Kat. Rosenheim*, 2000. S. 368. Nr. 112d.

[5] См. в целом об ажурных атташах на различных бронзовых сосудах эпохи ранней Империи: *Banghard, Gorecki,* 2004. S. 132–133.

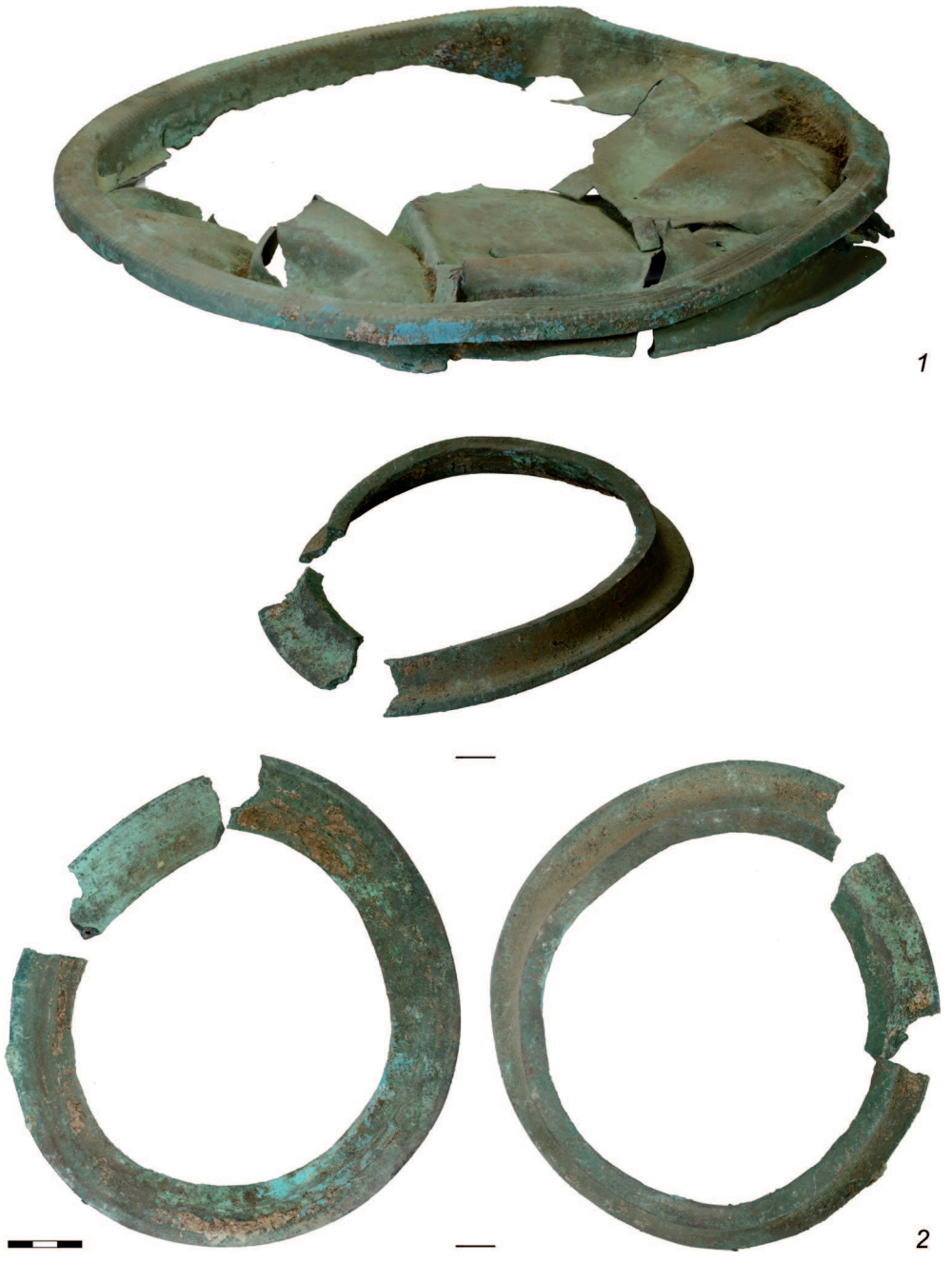


Рис. 4. Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Бронзовый таз. Общие виды. Волгоград, Областной краеведческий музей, инв. № 31513/9. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

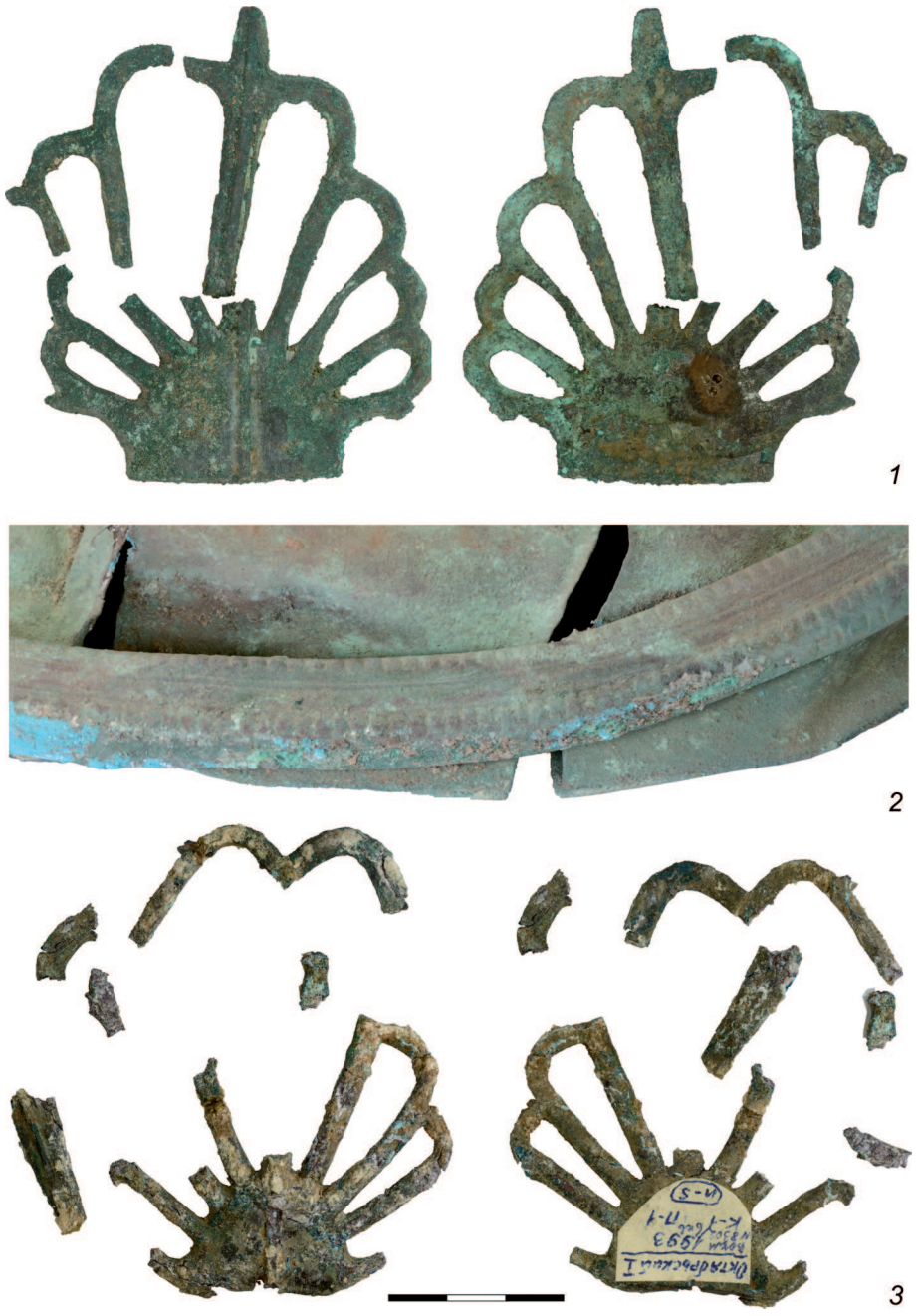


Рис. 5. Детали тазов из сарматских погребений Волго-Донского междуречья:
1, 2 – Вербовский-II. Курган № 4/1998. Погребение № 1. Бронзовый таз. Детали. Атташи и край таза; *3* – Октябрьский-I. Курган № 1/1993. Волгоград, Областной краеведческий музей. *1, 2* – инв. инв. № 31513/9; *3* – инв. № НВ-8302/6. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

подвижной ручки под отогнутым краем таза (*Sedlmayer*, 1999. S. 58. Anm. 374). Хотя край большинства тазов типов Eggers 91–92 и оформлен полосой ионийского киматия, форма самого края достаточно стандартная – это горизонтально вытянутый широкий край, у которого фризом оформлена отогнутая вниз торцевая часть.

Известно несколько экземпляров тазов типа Eggers 91: из Рзадца в Польше (*Wielowiejski*, 1985. S. 281, Nr. 163; *Kurzyńska*, 2006. S. 11–22 с лит.; *Łuczkiewicz*, 2009. S. 101. Nr. 9) и Лилла Сойвиде на о. Готланд (*Nylén*, 1955. Figs. 173–175; *Lindeberg*, 1973. S. 8–9. Abb. 2; 61. Nr. 41; *Lund Hansen*, 1987. S. 45; Cat. Milano. 1997. P. 92, 93. No. 71). Атташи этих тазов массивные, прямоугольной формы, с горизонтальными валиками, образующими ступеньки (*getreppter Attasche*). Верхняя часть таких атташей отогнута под углом и загнута, образуя паз для подвижной ручки под краем таза. Они представлены и другими находками в Галлии[6], Британии[7], Центральной Европе[8].

Такие атташи представлены сравнительно многочисленными находками в Восточной Европе. Один из них (4,8×4,4 см, толщиной 2,97 см) был найден во рву А кургана № 7/1987 у дер. Белокаменка в Нижнем Заволжье (рис. 6) (*Лукашов, Прямухин*, 2002. С. 210. Рис. 11: *2*). Подобный атташ был найден и в Прикубанье – в кургане № 43 у ст. Усть-Лабинской (*Гущина, Засецкая*, 1994. С. 72. № 469. Табл. 49; *Marčenko, Limberis*, 2008. S. 352. Nr. 58.1. Taf. 88: *1*)[9]. Аналогичный атташ был найден и на городище Слобода в Тульской области (*Воронцов, Столяров*, 2019. С. 63. Рис. 11: *1*; С. 64). И, наконец, такой же атташ сохранился и на бронзовом тазе типа Eggers 91 из Андреевского кургана в Мордовии (*Кропоткин*, 1969. С. 32–33. Рис. 15: *б*; 1970. С. 24. № 36; С. 93–94. № 807. Рис. 66: *3*; *Шилов*, 1972. С. 192–194; *Степанов*, 1980. С. 42. Рис. 11; *Гришаков, Зубов*, 2009. С. 32. Рис. 27: *8*; *Зубов*, 2011. С. 65. Рис. 24: *8*; *Raev*, 2019. P. 394).

2.1. Таз из тризны кургана № 5/1991 могильника Антонов-I

Таз полусферической формы, верхняя часть стенок которого вогнутая, отделена от тулова резкой гранью, а венчик – профилированный, был найден в тризне кургана № 5/1991 могильника Антонов-I в Волго-Донском междуречье. Край венчика украшен пояском ионийского киматия, обрамленным двумя

---

[6] Флер-ла-Ривьер: *Ferdière, Villard*, 1993. P. 53–56. No. 52. Figs. 1–52–1–54. Верто: *Feugère*, 1994. P. 143–145. Fig. 4. No. 21.

[7] Колчестер: *Eggers*, 1966. S. 106. Nr. 37b; S. 152. Abb. 52b.

[8] Два аналогичных атташа были обнаружены в Магдаленсберге (*Deimel*, 1987, S. 142. Taf. 20: *3–4*; *Sedlmayer*, 1999. S. 58. Taf. 23: *1*), один – в погребении № 35 в Костольне (*Jílek*, 2015. P. 171. Fig. 1: *r1*). Прага-Бубенеч, погребение № 3: *Novotný*, 1955. S. 232–235. Abb. 2–3; *Drobejar*, 2014. S. 403. Abb. 5; S. 405. Nr. 1; S. 414.

[9] Определен как атташ таза Eggers 91.

Рис. 6. Белокаменка. Курган № 7/1987. Бронзовый атташ ручки таза. Волгоград, Областной краеведческий музей, инв. № 27405/92. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

рядами «веревочки». Верхняя часть стенок украшена пояском из вертикальных лепестков. В центре дна – розетта, окруженная двумя рядами «веревочки» (*Мамонтов*, 1994. С. 36. Рис. 11: *7*; *Сергацков*, 1994. С. 23; *Sergackov*, 1994. P. 268). А. А. Глухов предположительно относит таз к типу Eggers 92 (*Глухов,* 2005. С. 17. Рис. 12: *4*). В отчете имеется довольно схематичный рисунок, воспроизведенный впоследствии и в публикациях.

Рис. 7. Антонов-I. Курган № 5/1991. Тризна. Бронзовая ножка таза. Волгоград, Областной краеведческий музей, инв. № 28002/21. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

Одна из ножек таза – в форме колец (со сплющенной стороной), припаянных к основанию прямоугольной формы с вогнутыми сторонами (рис. 7) – была найдена рядом с кусками смятого тулова таза. Подобные ножки (как в форме колец, так и сплошные) известны также по находкам в Помпеях, Словении, Подунавье и в Коринфе, некоторые из которых могут быть датированы I в. до н. э. (*Tassinari*, 1993a. P. 93; 1993b. P. 200. S1110. Nos. 3483, 7274, 18736; S1120. No. 8184; *Božič*, 2002. P. 420–422. Figs. 1; 2: *1–4*; 3; *Mustață*, 2012. P. 70, 72. No. 23. Pls. VII, XI). Подобная же ножка, опубликованная с ошибочной атрибуцией как весовая

гирька (*Merker*, 2012. P. 244. No. M122. Pl. 23), была найдена в Израиле на поселении Телль-Анафа в слое раннеимператорского времени. Наконец, недавно был опубликован бронзовый таз с такими ножками, происходящий из кургана Китова Могила у дер. Крушаре в районе Сливена в Болгарии и отнесенный издателем к типу S 1110 (*Georgiev*, 2019. P. 27–56, особенно: P. 35. Figs. 11, 13; P. 41. Fig. 20; P. 45. Fig. 25; P. 48–49. Figs. 30–31). Центральная часть дна таза украшена гравированным венком из 15 пар листьев плюща (Ibid. P. 45–46. Fig. 26d; P. 52. Fig. 34a–c).

Особое внимание в этой связи привлекает таз № 8184 из Помпей с отогнутым краем, под которым припаян атташ с подвижной ручкой (*Tassinari*, 1993b. P. 206. Тип S1120. No. 8184; P. 383 (I, 9, 2), Tav. CLXXIII). Тазы этой формы Tassinari S1110/1120 датируют позднереспубликанским временем (*Mustață,* 2012. P. 70), в некоторых случаях – более определенно, серединой I в. до н. э. (*De Decker*, 2007–2008. P. 84). Вместе с тем профилировка верхней части таза из кургана № 5/1991 могильника Антонов-I отличается от профилировки тазов типов Tassinari S1110/1120 и скорее близка к тазам типа Eggers 96/Tassinari S2121, т. е. тазам с поддонами, с отогнутым краем тулова и ручками с атташами в форме кисти руки. Поскольку никаких ручек в тризне найдено не было, можно предполагать, что таз типа Eggers 96/Tassinari S2121 подвергся переделке и к нему были припаяны ножки от другого таза. Другой возможный вариант – в тризне были найдены остатки двух тазов: тулово таза типа Tassinari S2121 и ножка таза типа Tassinari S1110/1120.

3. Таз Eggers 97/ Tassinari 1993, S3100

Тазы типа Eggers 97, имеющие эллинистические прототипы, обычно датировали между 50 и 150 гг. н. э.; при этом, начиная с А. Радноти, предполагалось, что наиболее богато украшенные экземпляры являются италийской продукцией I в. н. э., а ко II в. н. э. относятся более простые экземпляры – возможно, изготовленные в мастерских Галлии (*Radnóti*, 1938. S. 131; *Eggers*, 1951. S. 168–169, Beil. 37. Taf. 10: *97*; *Graue*, 1975. S. 205–207; *Raev*, 1977. S. 625; *Kunow*, 1983. S. 22, 72; *Holliger, Holliger*, 1985. S. 8; *Wielowiejski*, 1985. S. 198–199; *Tassinari*, 1993b. P. 212. S3100).

Эпонимной находкой является таз, происходящий из княжеского погребения в Хоби на о. Лолланд (Дания). Край этого таза загнут под углом вниз и оформлен полосой ионийского киматия (*Friis Johansen*, 1923. P. 144–145. Figs. 22–23; *Lund Hansen*, 1987. S. 403; *Lund Hansen, Bollingberg*, 1995. P. 166. Fig. 1; Cat. Milano. 1997. P. 92–93. No. 76, 97 (ills.); *Grane*, 2007a. P. 86–87; 2007b. P. 33. Fig. 13; P. 155; 2013. P. 359, 360. Ill. 22.1; *Ekengren*, 2009. P. 72–73. Fig. 3.16; P. 238. № 47; *Klingenberg et al.*, 2017. P. 123. Fig. 2; P. 124).

Вместе с тем у других тазов типа Eggers 97 (*Radnóti*, 1938. S. 131; *Eggers*, 1951. S. 168–169. Beil. 37. Taf. 10: *97*; *Graue*, 1975. S. 205–207; *Raev*, 1977. S. 625;

Kunow, 1983. S. 22, 72; *Holliger, Holliger*, 1985. S. 8; *Wielowiejski*, 1985, S. 198–199; *Tassinari*, 1993b. P. 212. S3100), наиболее ранние образцы которых датируются еще второй четвертью I в. н. э. (см. подробно: *Трейстер*, 2019. С. 570), нет такого оформления края, который может быть загнут горизонтально внутрь, как у тазов из Педемонте (*Graue*, 1975. S. 205–206. Abb. 1. Taf. 62: *1*) и Глеша (*Willers*, 1907. S. 55, 56. Abb. 33), а центральная часть оформлена концентрическими валиками и канавками, как у таза из погребения кургана № 14/1961 у хут. Кудинов (*Кропоткин*, 1970. С. 92. № 788. Рис. 55: *1*; *Raev*, 1986. P. 21–22. Pl. 16; *Глухов*, 2005. С. 17. Рис. 13: *1*), тазов из Фракии (*Bozhkova, Delev*, 1999. P. 43–48. Figs. 1–3), из Педемонте (*Graue*, 1975. S. 205–206. Abb. 1, Taf. 62: *2*) и Глеша (*Willers*, 1907. S. 55, 56. Abb. 33).

Среди находок из Западной Европы лишь у таза этого типа из Хоби в центре – рельефный медальон с изображением Венеры и двух амуров (*Lund Hansen, Bollingberg*, 1995. P. 166. Fig. 1; Cat. Milano. 1997. P. 92–93. No. 76, 97 (ills.); *Grane*, 2007a. P. 86–87; 2007b. P. 33. Fig. 13; P. 155; 2013. P. 359, 360. Ill. 22.1; *Ekengren*, 2009. P. 72–73. Fig. 3.16; 238. № 47; *Klingenberg et al.*, 2017. P. 123. Fig. 2; P. 124). Также медальоном украшен таз этого типа из кургана № 3/1905 у ст. Некрасовская в Прикубанье (ОАК за 1905 г. 1908. С. 73. Рис. 95; *Pharmakowsky*, 1906. Sp. 109–112. Abb. 1 (с ошибочной датировкой III–II вв. до н. э.); *Robert*, 1919. S. 302–304. Abb. 224; Кат. Ленинград. 1973. С. 102. № 264 (с очень широкой датировкой: II в. до н. э. – I в. н. э.); Кат. Ленинград. 1980. 39. № 92; *Junge*, 1983. S. 237. Nr. K 115 (с ошибочной датировкой III–II вв. до н. э.); *Гущина, Засецкая*, 1994. С. 29–30. Рис. 11–12; С. 75. № 516; *Goulyaeva*, 2000. P. 169. Fig. 13; *Bielefeld*, 2005. S. 173–174. Abb. 52 (с ошибочной датировкой II в. до н э.); *Marčenko, Limberis*, 2008. S. 279–280. Abb. 2; S. 339, 352–353. Nr. 61.1. Taf. 90: *3; Засецкая*, 2010. С. 287, 288. Рис. 10; *Трейстер*, 2020в. С. 570–571. Рис. 2–3). Атрибуция сюжета как эпизода из «Ифигении в Тавриде» Еврипида – сцены преследования Эринией Ореста – была недавно представлена нами (Там же. С. 586–588).

Многочисленные находки ручек таких тазов в Магдаленсберге указывают на их появление ранее середины I в. н. э. и возможное производство таких тазов в Норике (*Sedlmaye*r, 1999. S. 59). Также и в Аванше находки ручек таких тазов происходят из комплексов с керамикой, датирующейся 30–40 гг. н. э. (*Kapeller*, 2003. S. 89. 135–136. Nos. 63–64. Pl. 9). Временем Тиберия – Клавдия датируется погребение № 33 некрополя Локарно-Муральто в Тессине (*Simonett*, 1941. S. 94–95), а погребения в Шассенаре в Галлии датируют временем правления Калигулы (Cat. Paris. 1991. P. 76–77. No. 37. P. 105). Картографирование находок тазов этого типа показывает, что они концентрируются прежде всего в Северной Италии, Норике, Рейнской области, Галлии (*Flügel*, 1993. S. 73. Anm. 147. S. 150. Nr. 57–63. Taf. 28; *Feugère*, 1994, 145. No. 23. Notes 40–43. Fig. 4; *Sedlmayer*, 1999. S. 60. Karte 8; *Bienert*, 2007. S. 165–166. Anm. 1003), а также во Фракии (см. новые находки: *Bozhkova, Delev*, 1999. P. 43–48. Figs. 1–3).

Рис. 8. Кудинов. Курган № 14/1961. Погребение № 1. Бронзовый таз. Общие виды. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж. Опись к акту № 158, № 4. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

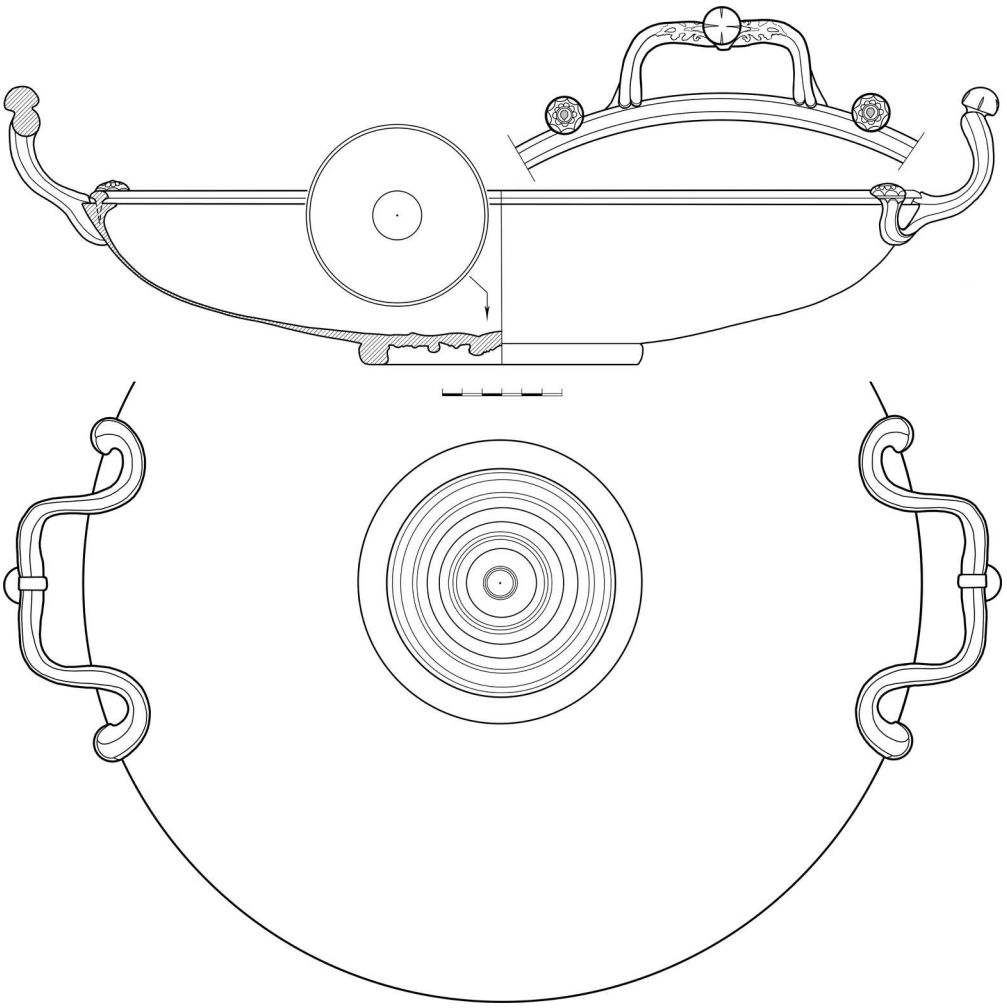


Рис. 9. Кудинов. Курган № 14/1961. Погребение № 1. Бронзовый таз. Общие виды. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж. Опись к акту № 158, № 4. Рисунок Н. Е. Беспалой, 2015

К рассматриваемому типу Eggers 97 относят таз из кургана № 6/1901 у ст. Казанская в Прикубанье (венок из чередующихся пальметт и цветков лотоса, в центре – плохо сохранившаяся розетта из изогнутых лепестков). Широкий край таза украшает гравированный орнамент в виде меандра (ОАК за 1901 г. 1903. С. 73–74. Рис. 147: *а–б*; *Кропоткин*, 1970. С. 89. № 757а. Рис. 57: *1–2*; 58: *1, 6; Гущина, Засецкая*, 1994. С. 29–30, 43. № 33. Табл. 3; *Marčenko, Limberis*, 2008. S. 279, 346–347. Nr. 35.1. Taf. 64: *1*).

Таз рассматриваемого типа происходит и из погребения № 1 кургана № 14/1961 у хут. Кудинов в Нижнем Подонье (рис. 8–10) (*Кропоткин*, 1970. С. 92.

Рис. 10. Кудинов. Курган № 14/1961. Погребение № 1. Бронзовый таз.
Общий вид сверху и детали. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.
Опись к акту № 158, № 4. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

№ 788. Рис. 55: *1*; *Raev*, 1986. P. 21–22. Pl. 16; *Глухов*, 2005. С. 17. Рис. 13: *1*). Омеговидные ручки таза из кургана № 14/1961 у хут. Кудинов оформлены продольными лепестками, расширяющимися к месту крепления с краем таза. Подобными же лепестками оформлены и отростки ручки, завершающиеся атташами в виде бутонов с проработанными лепестками. Бутоны атташей и центральные части растительного орнамента на стержне ручки инкрустированы вставками серебра каплевидной формы. По сторонам от центрального бутона на ручке она оформлена двумя рельефными лепестками аканфа, примыкающими к бутону (рис. 9; 10: *2*). Качественная проработка ручек, богатый декор, использование инкрустации серебром ставят таз из кургана № 14/1961 у хут. Кудинов в один ряд с лучшими образцами таких тазов, найденными в Помпеях (ср.: *Tassinari*, 1993a. Tav. XXVIII: *1–4*; 1993b. P. 216, S 3110. No. 10728. No. 13344).

Приложение 1

Результаты рентгено-флюоресцентного анализа (в %) таза из кургана № 14/1961 у хут. Кудинов. Анализ на спектрометре Brüker (аналитик С. В. Хаврин, 2016)

№ пробы	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni
11-1	Ручка	Осн.	–	12–14	0,5–1	–	Сл.	–	<0,2	
11-2	Венчик	Осн.	?	8–10	Сл.	–	–	–	<0,4	Сл.
11-3	Стенка	Осн.	–	10–13	Сл.	?	–	–	<0,3	–
11-4	Дно	Осн.	–	9–11	Сл.	–	Сл.	–	<0,9	Сл.

ЛИТЕРАТУРА

Воронцов А. М., Столяров Е. В., 2019. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // Stratum plus. № 4. С. 51–74.

Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волгоградское научное изд-во. 238 с.

Гришаков В. В., Зубов С. Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ. 173 с. (Археология евразийских степей; вып. 7).

Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.

Засецкая И. П., 2010. Древности Прикубанья римской эпохи // Античное наследие Кубани / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. Т. III. М.: Наука. С. 276–292.

Зубов С. Э., 2011. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 136 с.

Кат. Ленинград. 1973 – Античная художественная бронза*:* Каталог выставки в Эрмитаже. 1973. Л.: Аврора. 138 с.

Кат. Ленинград. 1978 – Художественное ремесло эпохи Римской Империи (I в. до н. э. – IV в. н. э.). Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. 1978. Л.: Искусство, Ленинградское отделение. 91 с.

Клейн Л. С., 2016. Первый век: сокровища сарматских курганов. СПб.: Евразия. 224 с.

Кропоткин В. В., 1969. Римские импорты Андреевского кургана в Мордовской АССР // КСИА. Вып. 119. С. 32–36.

Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Наука. 280 с. (САИ; вып. Д1-27).

Лукашов А. В., Прямухин А. Н., 2002. Савромато-сарматские погребения у с. Белокаменка // НАВ. Вып. 5. С. 201–224.

Мамонтов В. И., 1994. Курганный могильник Антонов I // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград: Перемена. С. 15–46.

Мамонтов В. И., 2008. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II // НАВ. Вып. 9. С. 170–197.

Мордвинцева В. И., Мыськов Е. П., 1999. Курганы сарматской знати у поселка Октябрьский // АВ. Вып. 6. С. 179–191.

ОАК за 1901 г. – 1903. Отчет Императорской археологической комиссии за 1901 г. СПб.: Типография Главного управления уделов. 197 с.

ОАК за 1905 г. – 1908. Отчет Императорской археологической комиссии за 1905 г. СПб.: Типография Главного управления уделов. 144 с.

Сергацков И. В., 1994. Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры // Проблемы всеобщей истории. Материалы научной конференции. Волгоград, сентябрь 1993 / Под ред. Д. М. Туган-Барановского. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. С. 19–29.

Степанов П. Д., 1980. Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск: Мордовское книжное изд-во. 108 с.

Трейстер М. Ю., 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. (эллинистическая традиция) // Мордвинцева В. И., Трейстер М. Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н. э. – II в. н. э. Том 1. Симферополь–Бонн: Тарпан. С. 15–194.

Трейстер М. Ю., 2016. Боспорская (?) мастерская торевта позднеэллинистического времени (к вопросу о переделке антикварных серебряных сосудов для кочевников Азиатской Сарматии) // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона / Под ред. С. И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 215–225.

Трейстер М. Ю., 2019. Таз (-ы) из кургана № 1 могильника Октябрьский-V (о центре погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги) // ВДИ. № 2. С. 379–415.

Трейстер М. Ю., 2020а. Богатое сарматское погребение Калиновского могильника в Нижнем Поволжье и возможности его интерпретации // Stratum plus. № 4. С. 163–178.

Трейстер М. Ю., 2020б. Бронзовые сосуды позднереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии // ПИФК. № 4. С. 41–109.

Трейстер М. Ю., 2020в. Римские бронзовые сосуды с медальонами с фигурными изображениями из Сарматии // Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-ле-

тия А. В. Подосинова / Под ред. А. В. Белоусова и Е. В. Илюшечкиной. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского. С. 565–610.

Трейстер М. Ю., 2020г. Римские бронзовые тазы Eggers 99–106 в Восточной Европе // ПИФК. № 3. С. 5–48.

Шилов В. П., 1972. Бронзовая чаша Андреевского кургана // СА. № 2. С. 192–194.

Allen T., Donnelly M., Hardy A., Hayden C., Powell K., 2012. A Road Through the Past: Archaeological Discoveries on the A2 Pepperhill to Cobham road-scheme in Kent. Oxford: Oxford Archaeological Unit. 620 p. (Oxford Archaeology Monograph; vol. 16).

Banghard K., Gorecki J., 2004. Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr // Saalburg-Jahrbuch. Bd. 54. S. 119–150.

Bielefeld R., 2005. Orestes auf römischen Sarkophagen. Berlin: D. Reimer. 363 S.

Bienert B., 2007. Die römischen Bronzegefässe im Rheinischen Landesmuseum Trier. Trier: Rheinisches Landesmuseum Trier. 287 S. (Trierer Zeitschrift; beiheft 31).

Bozhkova A., Delev P., 1999. Two Bronze Vessels from Roman Thrace with Producer Stamps // Archaeologia bulgarica. T. III. no. 2. P. 43–48.

Božič D., 2002. Il vasellame bronzeo romano: grandi bacili e piccoli mestoli-colini // I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi. / Ed.: A. R. Giumlia-Mair. Montagnac: Mergoil. P. 419–428. (Instrumentum Monographies; 21).

Cat. Milano – Riflessi di Roma. Imperio Romano e barbari del Baltico. Roma: L'Erma di Bretschneider. 1997. Milano, AltriMusei a Porta Romana. 224 p.

Cat. Paris – Masques de fer: un officier romain du temps de Caligula: Musée des antiquités nationales de Saint-Germain-en-Laye, 6 novembre 1991–4 février 1992. 1991 / Eds.: F. Beck, H. Chew. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux. 175 p.

De Decker K., 2007–2008. Une olpe au Musée Hongrois des Beaux-Arts // Boreas. Bd. 30–31. P. 73–103.

Deimel M., 1987. Die Bronzekleinfunde vom Magdalensberg. Klagenfurt: Verlag des Landesmuseums für Kärnten. 412 S. (Kärntner Museumsschriften; 71; Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg; 9).

den Boesterd M. P. H., 1956. The Bronze Vessels. Nijmegen: Uitgegeven in Opdracht van het Departement van Onderwijs, Kunsten en Wetenschappen. 90 p. (Description of the Collection in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen; vol. V).

Drobejar E., 2006. Hornolabští Svébové – Markomani. K problematice dalšího vývoje großromstedtské kultury ve stupni Eggers B1 („Zeitgruppe 3") v Čechách (dobřichovská skupina) // Archeologie ve středních Čechách. T. 10. S. 599–712.

Drobejar E., 2014. Bohatý labsko-germanský kostrový hrob lübsowského typu z Prahy-Bubenče (Hrob III1). Nové poznatky k interpretaci nálezu z roku 1948 // Archaeologica Pragensia. T. 22. S. 397–443.

Eggers H. J., 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 212 S. (Atlas der Urgeschichte; bd. 1).

Eggers H. J., 1966. Römische Bronzegefäße in Britannien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 13. S. 67–164.

Ekengren F., 2009. Ritualization – Hybridization – Fragmentation. The Mutability of Roman Vessels in Germania Magna AD 1–400. Lund: Lund University. 314 p. (Acta archaeologica Lundensia; Series prima in 4o. 28).

Ferdière A., Villard A. 1993. La tombe augustéenne de Fléré-la-Rivière (Indre) et les sépultures aristocratiques de la cité des Bituriges. En Berry au début de l'époque gallo-romaine: le fer, le vin, le pouvoir et la mort. Tours: Musée d'Argentomagus. 316 p. (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France; No. 7).

Feugère M., 1992. Bibelots, quincaillerie et colifichets: le monde des petits objets // 20 000 m³ d'histoire. Les fouilles du Parking de la Mairie à Besançon / Eds.: J. O. Guihot, C. Goy. Besançon: Musée des beaux-arts et d'archéologie. P. 130–171.

Feugère M., 1994. La vaisselle gallo-romaine en bronze de Vertault (Côte-d'Or) // No. 1. P. 137–168. (Revue Archéologique de l'Est; т. 45).

Flügel Ch., 1993. Die römischen Bronzegefäße von Kempten-Cambodunum // Cambodunumforschungen V; Kallmünz: Verlag Michael Laßleben. 114 S. (Materialhefte zur bayerischen Archäologie; 63).

Friis Johansen K., 1923. Hoby-Fundet // Nordiske Fortidsminder. Bd. 2. H. 3. Copenhagen: Gyldendalske Boghandel. S. 119–164.

Georgiev P. I., 2019. Archaeometric Research and Reconstruction of a Bronze Vessel from Kitova Burial Mound near the Village of Krushare, Municipality of Sliven // Archaeologia Bulgarica. Vol. XXIII. No. 2. P. 27–56.

Gorecki J., 2016. Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen). Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1 / Hrsg.: H.-U. Voß, N. Müller-Schneeßel. Bonn: Habelt. S. 177–214.

Goulyaeva N., 2000. The Collection of Roman Bronzes in the Hermitage Museum // Akten des 14. Internationalen Kongresses für Antike Bronzen (Köln, 21. bis 24. September 1999). Antike Bronzen. Werkstattkreise: Figuren und Geräte. / Hrsg.: R. Thomas. Köln: Römisch-Germanisches Museum. P. 161–172. (Kölner Jahrbuch; Bd. 33).

Grane T., 2007a. Southern Scandinavian Foederati and Auxiliarii // Beyond the Roman Frontier. Roman Influences on the Northern Barbaricum. Rome: Quasar. P. 83–104. (Analecta Romana Instituti Danici; supplementum 39).

Grane T., 2007b. The Roman Empire and Southern Scandinavia – a Northern Connection. A Re-evaluation of Military-political Relations Between the Roman Empire and the Barbaricum in the First Three Centuries AD with a Special Emphasis on Southern Scandinavia. PhD dissertation, University of Copenhagen. Copenhagen: Det Humanistiske Fakultet, Københavns Universitet. 317 p.

Grane T., 2013. Roman Relations to Southern Scandinavia in the Late Antiquity // Late Roman Silver. The Traprain Treasure in Context. Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh: Society of Antiquaries of Scotland. P. 359–371.

Graue J., 1975. Ein bronzenes Fussbecken vom Typ "Hoby" aus Pedemonte bei Gravelona (Toce) // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jg. 5. S. 205–207.

Holliger Ch., Holliger C., 1985. Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 2 // Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa. Brugg: Vindonissa Museum. S. 5–44.

Jílek J., 2015. Roman Metal Vessels in the Milieu of Germanic Elites in the Middle Danube Region // Studia Hercynia. Vol. XIX/1–2. P. 169–188.

Kapeller A., 2003. La vaisselle en bronze d'Avenches / Aventicum // ProAventico. T. 45. P. 83–147.

Karasová Z., 1998. Die römischen Bronzegefässe in Böhmen. Praha: Národní Muzeum. 118 S. (Fontes Archaeologici Pragenses; vol. 22).

Kat. Frankfurt – Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. 2003 / Hrsg.: E. Wamers, D. Stutzinger. Frankfurt: Archäologisches Museum. 175 S.

Kat. Rosenheim – Die Römer zwischen Alpen und Nordmeer. 2000 / Hrsg.: L. Wamser. Mainz: von Zabern. 465 S.

Klingenberg S., Blankenfeldt R., Søsted K. H., Jensen A.-E., 2017. Hoby – an exceptional Early Roman Iron Age Site in the Western Baltic Region // Acta Archaeologica. Vol. 88. No. 1. P. 121–137.

Kunow J., 1983. Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen. Neumünster: Karl Wachholtz. 208 S. (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte; bd. 21).

Kurzyńska M., 2006. Zachowana misa E 91 z cmentarzyska w Grudziądzu-Rządzu, pow: grudziądzki // Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polska, Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu. S. 11–22. (Nowe znaleziska importów rzymskich z ziem Polski III; Suplement, т. 3)

Lindeberg I., 1973. Die Einfuhr römischer Bronzegefässe nach Gotland // Saalburg Jahrbuch. Bd. 30. S. 5–69.

Łuczkiewicz P., 2009. Ostgermanische Eliten der jüngeren vorrömischen Eisenzeit im Spiegel des archäologischen Fundgutes // Aufstieg und Untergang: Zwischenbilanz des Forschungsschwerpunktes „Studien zu Genese und Struktur von Eliten in vor- und frühgeschichtlichen Gesellschaften". Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum. S. 79–105. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz; bd. 82).

Lund Hansen U., 1987. Römischer Import im Norden. Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien. København: Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 487 S. (NordiskeFortidsminder; bd. B/10).

Lund Hansen U., Bollingberg H., 1995. Analyses of Roman Bronze Vessels from Denmark // Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992. / Eds.: S. T. A. M. Mols, R. M. van Heringen, A. M. Gerhartl-Witteveen Nijmegen: Provinciaal Museum G. M. Kam; Amersfoort: Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek. P. 165–168. (Nederlandse archeologische Rapporten; vol. 18).

Lundock J. R., 2014. A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain. Thesis by Jason Lundock for King's College London in completion of degree Doctor of Philosophy in Classics Research. London: King's College. 333 p.

Lundock, J. R., 2015. A Study of the Deposition and Distribution of Copper Alloy Vessels in Roman Britain. Oxford: Archaeopress. 250 p. (Archaeopress Roman Archaeology; 9).

Marčenko I. I., Limberis N. J., 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // Simonenko A. V., Marčenko I. I., Limberis N. J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz: von Zabern. S. 267–400. (Archäologie in Eurasien; bd. 25).

Merker G. S., 2012. The Objects of Metal // Tel Anafa. Vol. II, No. 2: Glass Vessels, Lamps, Objects of Metal, and Groundstone and Other Stone Tools and Vessels. Ann Arbor: Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan. P. 213–280.

Metzler J., Gaeng C., Méniel P., Darblade-Audoin M. P., 2016. L'espace public du Titelberg / Luxembourg: Centre national de recherche archéologique. 971 p. (17).

Motyková-Šneidrová K., 1963. Die Anfänge der römischen Kaiserzeit in Böhmen. Prag: Museum Nationale Pragae, Sectio Praehistorica. 81 S. (Fontes archaeologici Pragenses; bd. 6).

Müller M., 1997. Die römischen Bronzegefäße von Haltern // Ausgrabungen und Funde in Westfalen-Lippe. Bd. 9/A. S. 5–40.

Mustață S., 2012. Vasele de bronz romane de la Ilişua / Arcobadara // Revista Bistriței. T. XXVI. P. 57–88.

Novotný B., 1955. Hrob velmože z počátků doby římské v Praze-Bubenči // Památky archeologické. T. 46. S. 227–264.

Nylén E., 1955. Die Jüngere Vorrömische Eisenzeit Gotlands. Stockholm: Almqvist & Wiksell. 560 S.

Pautreau J.-P. (ed.), 1999. Antran (Vienne): un ensemble aristocratique du premier siècle. Musées de Poitiers, regard sur les collections 1. Poitiers: Musées de Poitiers. 119 p.

Pernet L., 2010. Armement et auxiliaires gaulois (IIe et Ier siècles avant notre ère). Montagnac: M. Mergoil. 294 p.

Pharmakowsky B., 1906. Archäologische Funde im Jahre 1905. Südrussland // Archäologischer Anzeiger. Sp. 109–124.

Radnóti A., 1938. Die römischen Bronzegefässe von Pannonien. Budapest: Institut für Münzkunde und Archäologie der P. Pázmány-Universität. 220 S. (Dissertationes Pannonicae; bd. II/6).

Raev B.A., 1974. Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don // Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains. Bruxelles: Parc du Cinquantenaire. P. 139–149. (Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire; vol. 46).

Raev B.A., 1977. Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 58. Teil II. S. 605–643.

Raev B.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Reports. 135 p. (British Archaeological Reports. International Series; 278).

Raev B.A., 2019. Roman bronzes and door knockers from the Black Sea cities of Central Anatolia. An ethnographic etude // Tyragetia. Vol. XIII (XXVIII). No. 1. P. 393–397.

Robert C., 1919. Archaeologische Hermeneutik. Anleitung zur Deutung klassischer Bildwerke. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung. 432 S.

Sakař V., 1970. Roman Imports in Bohemia. Pragae: Museum Nationale Pragae, Sectio Praehistorica. 72 p. (Fontes Archaeologici Pragenses; vol. 14).

Sedlmayer H., 1999. Die römischen Bronzegefässe in Noricum. Montagnac: Mergoil. 247 S. (Monographies Instrumentum; 10).

Sergackov I. V., 1994. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992. Napoli: Istituto Universitario Orientale. P. 263–277. (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di studi asiatici, series Minor; vol. XLIV).

Simonett C., 1941. Tessiner Gräberfelder: Ausgrabungen des Archäologischen Arbeitsdienstes in Solduno, Locarno-Muralto, Minusio und Stabio, 1936 und 1937. Basel: Birkhäuser. 217 S. (Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz, 3).

Sueur Q., 2018. La vaisselle métallique de Gaule septentrionale à la veille de la conquête: typologie, fonction et diffusion. Montagnac: Editions Mergoil. 637 p. (Monographies Instrumentum, 55).

Tassinari S., 1993a. Il vasellame bronzeo di Pompei. Vol. 1. Roma: L‘ Erma di Bretschneider. 274 p.

Tassinari S., 1993b. Il vasellame bronzeo di Pompei. Vol. 2. Roma: L‘ Erma di Bretschneider. 210 p.

Werner J., 1954. Die Bronzekanne von Kelheim // Bayerische Vorgeschichtsblätter. Jg. 20. S. 43–73.

Wielowiejski J., 1985. Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 66. S. 123–320.

Willers H., 1907. Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien. Hannover, Leipzig: Hahnsche Buchhandlung. 111 S.

M. Yu. Treister

ON SOME ROMAN BRONZE BASINS FROM THE BURIALS OF THE NOMADS OF ASIAN SARMATIA

Abstract. The article is dedicated to some types of Roman bronze basins of the 1st century AD, found in the burials of the nomads of Asian Sarmatia, which have so far remained outside our attention in the publications of Roman imports from this region. The basins of types Eggers 69, 91–92 and 97, originating from the Sarmatian burials of the Lower Don region (Sadovyy burial mound, a burial mound of the necropolis near Kudinov Farmstead, the interfluve of the Don and the Volga (the burial mounds of Oktyabrskiy-I, Verbovskiy-II, and Antonov-I necropoleis), and Trans-Volga region (Belokamenka), as well as from the sites of the early Iron Age in Eastern Europe (Andreevskiy Kurgan in Mordovia, the settlement of Sloboda in the Tula region) are considered in detail. A thorough analysis of the forms of the vessels and their individual elements (handles, attachments), as well as the decorations adorning basins’ medallions is presented. The analysis and attribution of these vessels and their elements was carried out by means of comparison with similar finds from the territory of the Roman Empire and the European barbaricum. The bronze vessels under discussion expand our knowledge of the Roman imports in Eastern Europe.

Keywords: Asian Sarmatia, Eastern Europe, Lower Don area, interfluve of Don and Volga rivers, Trans-Volga region, Roman imports, bronze basins

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	–	Археологические вести, СПб.
АО	–	Археологические открытия, М.
БД	–	база данных.
ВВ	–	Византийский временник, М.
ВДИ	–	Вестник древней истории, М.
ВНК	–	Всероссийская нумизматическая конференция.
ГИМ	–	Государственный исторический музей.
ГМИИ	–	Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж.
ДК	–	Древности Кубани, Краснодар.
ИА РАН	–	Институт археологии.
ИГАИМК	–	Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры.
ИРАИМК	–	Известия Российской Академии истории материальной культуры.
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии, М.
КГИАМЗ	–	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына.
МАДИСО	–	Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, Орджоникидзе.
МАЭ ИЭИ УНЦ РАН	–	Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа.
МКА	–	Материальная культура Азербайджана, Баку.
НАВ	–	Нижневолжский археологический вестник, Волгоград.
НМРБ	–	Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа.
НЭ	–	Нумизматика и Эпиграфика, М.
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, Москва, Новосибирск.
РА	–	Российская археология, М.
РАНИОН	–	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РО НА ИИМК	–	Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры.
СА	–	Советская археология, М.; Л.
САИ	–	Свод археологических источников. М.
СГУ	–	Ставропольский государственный университет.

СИЭ	– Советская историческая энциклопедия.
СУБД	– система управления базами данных.
ТД СПИПАИ	– Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в 1972 году.
BM	– the British Museum.
BAR	– British Archaeological Reports, International Series.
DOC	– Dumbarton Oaks Collection.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахмедов Илья Рафаэлевич – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34), e-mail: i_akhmedov@mail.ru.

Бабенко Анна Николаевна – кандидат биологических наук, Лаборатория естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), e-mail: mnemosina_a@mail.ru.

Бабиец Андрей Ильич – ООО «Региональный центр археологического наследия» (Россия, 353901, Краснодарский край, г. Новороссийск, ул. Михаила Борисова, д. 17, кв. 60), e-mail: ncpr333@yandex.ru.

Батченко Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), e-mail: vik-batchenko@yandex.ru.

Биркина Наталья Александровна – Отдел археологических памятников Государственного Исторического музея (Россия, 103012, г. Москва, Красная площадь д. 1), e-mail: dulebova_natalya@mail.ru.

Ворошилов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, Отдел научной информации и подготовки публикаций Института археологии РАН (Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru.

Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, Отдел классической археологии Института археологии РАН (Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: helga-mir@yandex.ru.

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, чл.-корр. РАН, Администрация Института археологии РАН (Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: russianchange@yandex.ru.

Горланов Сергей Сергеевич – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН (Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: gorlanovsergseg@mail.ru.

Гурулева Вера Валентиновна – Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа (Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34), E-mail: Runita@yandex.ru; guruleva.vv@hermitage.ru.

Иванова Оксана Николаевна – ООО «Региональный центр археологического наследия» (Россия, 353901, Краснодарский край, г. Новороссийск, ул. Михаила Борисова, д. 17, кв. 60), e-mail: ncpr333@yandex.ru.

Каменецкая Елена Викторовна – кандидат исторических наук, независимый исследователь, e-mail: el-kamenetskaya@yandex.ru.

Клемешов Алексей Станиславович – кандидат исторических наук, кафедра всеобщей истории Государственного университета просвещения (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а), e-mail: klemeshovas@mail.ru.

Красноперов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, Удмуртский Институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Россия, 426004, Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), e-mail: alexander.kaa@mail.ru.

Кропоткина Мария Владиславовна – кандидат биологических наук, Лаборатория сравнительной этологии и биокоммуникации Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (Россия, 119071, Москва, Ленинский проспект, д. 33), e-mail: kropotkinamv@gmail.com.

Малышев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, Отдел скифо-сарматской археологии Института археологии РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), e-mail: maa64@mail.ru.

Седов Владимир Валентинович – доктор исторических наук, чл.-корр. РАН, Отдел средневековой археологии Института археологии РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), e-mail: sedov1960@mail.ru.

Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, Отдел естественнонаучных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, дом. 4). E-mail: tnsmek@mail.ru.

Строков Антон Александрович – Лаборатория контекстуальной антропологи Института археологии РАН (Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19), e-mail: anton-strokov@yandex.ru.

Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, независимый исследователь (ФРГ, 53175, Бонн, Вайсенбургштр., д. 59), e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Яворская Лилия Вячеславовна – кандидат исторических наук, Лаборатория естественнонаучных методов в археологии Института археологии РАН (Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com.

Язиков Сергей Владимирович – Отдел сохранения археологического наследия Института археологии РАН (Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: russianchange@yandex.ru; sergei.yazikov2012@yandex.ru.

ABOUT THE AUTHORS

Ilya Rafaelevich Akhmedov – Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, State Hermitage Museum (Russia, 190000, St. Petersburg, Dvortsovaya emb., 34), e-mail: i_akhmedov@mail.ru.

Anna Nikolaevna Babenko – Cand. Sci. (Biology), Laboratory of Natural Science Methods in Archaeology, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: mnemosina_a@mail.ru.

Andrey Ilyich Babiyets – LLC «Regional Center of Archaeological Heritage» (Russia, 353901, Krasnodar Territory, Novorossiysk, Mikhail Borisov St., 17, Apt. 60), e-mail: ncpr333@yandex.ru.

Victoria Sergeevna Batchenko – Cand. Sci. (History), Center for the Study of Contemporary History of Russia and Political Science, Institute of Russian History RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: vik-batchenko@yandex.ru.

Natalya Alexandrovna Birkina – Department of Archaeological Monuments, State Historical Museum (Russia, 103012, Moscow, Red Square, 1), e-mail: dulebova_natalya@mail.ru.

Alexey Nikolaevich Voroshilov – Cand. Sci. (History), Department of Scientific Information and Publication Preparation, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: voroshilov.aleksej@yandex.ru.

Olga Mikhailovna Voroshilova – Cand. Sci. (History), Department of Classical Archaeology, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: helga-mir@yandex.ru.

Pyotr Grigorievich Gaidukov – Dr. Sc. (History), Corresponding Member of RAS, Administration of the Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: russianchange@yandex.ru.

Sergey Sergeevich Gorlanov – Scientific Archive, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: gorlanovsergseg@mail.ru.

Vera Valentinovna Guruleva – Department of Numismatics, State Hermitage Museum (Russia, 190000, St. Petersburg, Dvortsovaya emb., 34), e-mail: Runita@yandex.ru; guruleva.vv@hermitage.ru.

Oksana Nikolaevna Ivanova – LLC «Regional Center of Archaeological» Heritage (Russia, 353901, Krasnodar Territory, Novorossiysk, Mikhail Borisov St., 17, Apt. 60), e-mail: ncpr333@yandex.ru.

Elena Viktorovna Kamenetskaya – Cand. Sci. (History), Independent Researcher, e-mail: el-kamenetskaya@yandex.ru.

Alexey Stanislavovich Klemeshov – Cand. Sci. (History), Department of World History, State University of Education (Russia, 105005, Moscow, Radio st., 10A), e-mail: klemeshovas@mail.ru.

Alexander Anatolyevich Krasnoperov – Cand. Sci. (History), Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS (Russia, 426004, Izhevsk, Lomonosov St., 4), e-mail: alexander.kaa@mail.ru.

Maria Vladislavovna Kropotkina – Cand. Sci. (Biology), Laboratory of Comparative Ethology and Biocommunication, A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution RAS (Russia, 119071, Moscow, Leninsky Ave., 33), e-mail: kropotkinamv@gmail.com.

Alexey Aleksandrovich Malyshev – Cand. Sci. (History), Department of Scythian-Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: maa64@mail.ru.

Vladimir Valentinovich Sedov – Dr. Sc. (History), Corresponding Member of RAS, Department of Medieval Archaeology, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: sedov1960@mail.ru.

Tatiana Nikolaevna Smekalova – Dr. Sc. (History), Department of Natural Science Methods in Archaeology of Crimea, Scientific Center of History and Archaeology of Crimea, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky (Russia, 295007, Republic of Crimea, Simferopol, Vernadsky Ave., 4), e-mail: tnsmek@mail.ru.

Anton Alexandrovich Strokov – Laboratory of Contextual Anthropology, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: anton-strokov@yandex.ru.

Mikhail Yurievich Treister – Dr. Sc. (History), Independent Researcher (Germany, 53175, Bonn, Weissenburgstr., 59), e-mail: mikhailtreister@yahoo.de.

Lilia Vyacheslavovna Yavorskaya – Cand. Sci. (History), Laboratory of Natural Science Methods in Archaeology, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com.

Sergey Vladimirovich Yazikov – Department of Preservation of Archaeological Heritage, Institute of Archaeology RAS (Russia, 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19), e-mail: russianchange@yandex.ru.

Eastern Europe in the 1st Millennium AD: archaeological and numismatic Evidence / Ed. by P. G. Gaidukov, A. A. Malyshev; the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow: 2024, 220p.

ISBN 978-5-94375-464-7

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-464-7

Abstract. The 100th anniversary of the outstanding archaeologist and historian V. V. Kropotkin was marked by a solemn conference at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, February 15–17, 2022). The proposed collected papers consists of articles based on the reports presented at the conference. It includes articles of a memorial nature, as well as works closely related to the main scientific areas of the scientist's research: the problems of the era of the Great Migration of peoples, Roman and Byzantine numismatics, as well as the spread of antique imports in Eastern Europe. The collection is intended for a wide range of readers interested in the history of archaeological science, the history and archaeology of Eastern Europe.

Keywords: Scythian-Sarmatian archaeology department, the archaeology of the Great Migration period and early Middle Ages, scientific archive, Kropotkin Vladislav Vsevolodovich, history of science, archaeology, numismatics, sphragistics, chronology

CONTENTS

Preface (*P. G. Gaydukov, A. A. Malyshev*) 5

V. V. Kropotkin and his scientific heritage

Kamenetskaya E. V., Kropotkina M. V. Biography and Scientific Contributions of Vladislav Vsevolodovich Kropotkin (1922–1993) 9
Batchenko V. S., Gorlanov S. S., Malyshev A. A. The Personal Collection of V. V. Kropotkin in the Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the RAS 26
List of Scientific Works by V. V. Kropotkin 35
Guruleva V. V. «Hoards of Byzantine Coins in the Territory of USSR» by V. V. Kropotkin and Modern Issues in the Study of Sites 43
Voroshilova O. M., Voroshilov A. N. The Necropolis of Phanagoria in V. V. Kropotkin's Research 58
Strokov A. A. The International Scientific Conference "Eastern Europe in the 1st millennium ad: Archaeological and Numismatic Evidence. On the 100th Anniversary of the Birth of Doctor of Historical Sciences V. V. Kropotkin" (February 15–17, 2022, Moscow) 73

Archaeology, numismatics and sphragistics

Akhmedov I. R., Birkina N. A. A Sasanian Seal from Tambov Province in the Collection of the State Historical Museum 79
Babiyets A. I., Ivanova O. N. On the discovery of Roman Coins in the Krasnodar Territory 100
Guruleva V. V., Gaydukov P. G., Yazikov S. V. The Hoard of 10th-Century Gold Byzantine Coins Found in 2019 at the Dinskoye Bay Hillfort (Taman) 113
Guruleva V. V., Sedov Vl. V. A 14th–15th-century Copper Coin of the Balkan (?) Origin discovered during 2020 Archaeological Excavations in Pereslavl-Zalessky 138
Krasnoperov A. A. Two Iranian Carved Stones from the Ural Region 148
Malyshev A. A., Babenko A. N., Klemeshov A. S., Smekalova T. N., Yavorskaia L. V. Archaeological Data on the Historical Topography of the Northern Part of the Abrau Peninsula 164
Treister M. Yu. On some Roman Bronze Basins from the Burials of Nomads in Asian Sarmatia 189

List of abbreviations 213
About the authors 215

Научное издание

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э. ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И НУМИЗМАТИКИ

Сборник статей

Корректор: *А. И. Ершова*
Верстка: *В. Б. Степанов*
Обложка: *Н. С. Сафронова*

Подписано в печать 11.12.2024
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 16,9.
Тираж 300 экз. Заказ № .

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Принт».
426035 г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5

ISBN 978-5-94375-464-7